

А. Г. Лякидэ

ВЪ ОКЕАНЪ ЗВЪЗДЪ.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1892

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	1
ПОСЛАННИКЪ БОГОВЪ.....	9
БОГИНЯ ЛЮБВИ.....	18
ТАИНСТВЕННЫЙ МІРЪ.....	26
МІРЪ ВЫСШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	46
ЦАРСТВО ГРОМОВЕРЖЦА.....	77
ЦАРСТВО БОГА СУДЬБЫ.....	101
ОПРОКИНУТЫЙ МІРЪ.....	135
ПОГРАНИЧНЫЙ МІРЪ.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141

ВСТУПЛЕНИЕ.

Что лето! Прекрасная пора времени! Отчего ты слишком коротко?.. Отчего ты, наоборот, не стоишь вечно, постоянно?.. Какъ были-бы мы, люди, здоровье, довольные и счастливые, если-бы ты никогда не покидало насъ! Какая, въ самомъ дѣлѣ, необходимость въ этихъ непріятныхъ временахъ года, называемыхъ осенью и зимою?.. Та только, что одно полушаріе планеты станетъ въ неудобное положеніе къ солнцу, и солнце, по этой причинѣ не имѣетъ болѣе возможности посылать ему достаточное количество свѣта и тепла?.. Какая странная причина! А между тѣмъ есть-же такія полосы на планетѣ, которыя никогда не знаютъ осени и зимы! Стало быть вечно, постоянное лето возможно, какъ возможно для человѣка вечно, постоянное счастье, если-бы онъ, предположимъ, былъ такъ уменъ, что сдумалъ-бы устроить его себѣ... Никакихъ пертурбацій въ нашей прибалтійской природѣ отъ этого-бы не произошло: плоды лишній-бы разъ родились, цвѣты лишній-бы разъ цвѣли, травы и всякіе злаки вечно-бы зеленѣли, — а это развѣ худо?!.."

Такъ я думалъ, бродя по прекрасному англійскому парку въ Петергофѣ, въ одинъ изъ темныхъ августовскихъ вечеровъ минувшаго лета... Да, и паркъ былъ прекрасенъ, и вечеръ тоже! Солнце давно уже зашло, и вечеръ, а за нимъ и ночь, давно уже окутали все своею темнотою — мягкою, успокоительною, прозрачною... Деревья и кусты преобразились въ таинственные существа, къ которымъ жутко било подойти, песокъ аллей и дорожекъ смутно бѣлѣлъ между ними, въ прудахъ и ихъ протокахъ отражалось далекое звѣздное небо, такое спокойное, такое таинственное и завлекающее, какъ непрочитанные еще нами поэма или романъ, о которыхъ много дивнаго и необычайнаго наговорили намъ... Да оно и на самомъ дѣлѣ романъ или поэма, — это звѣздное небо, — и романъ обширный, чудный и таинственный, который давно мы пытаемся прочесть, но не можемъ, потому что слишкомъ мало понимаемъ языкъ, на которомъ онъ написанъ!.. И какъ жаль, когда подумаешь, что, кажется, еще не скоро научимся мы понимать его трудный, чрезвычайно богатый словами и оборотами языкъ!..

Я все шолъ и шолъ, не спѣша никуда, безопасно, не думая ни о чемъ житейскомъ, о которыхъ въ такіе славные часы грѣшно и думать!.. Я перешелъ за желѣзную дорогу, прорѣзывающую паркъ съ востока на западъ, и очутился на «Заячьемъ проспектѣ»,... «Заячій проспектъ»! Не думайте читатель, небывавшій въ Петергофѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ «проспектъ»: совсѣмъ нѣтъ, — это такая-же аллея изъ деревьевъ, какъ и во всякомъ паркѣ или саду, а не улица состоящая изъ домовъ! Я всегда находилъ, что новѣйшая администрація Петергофа такъ зарвалась впередъ, что опередила даже прогрессъ, въ силу котораго, вѣроятно, еще не скоро петергофскіе парки и сады будутъ вырублены, и на мѣстѣ аллей и дорожекъ водворятся *дѣйствительные* проспекты, улицы и переулки... Неизвѣстно только, желателенъ-ли будетъ *подобный* прогрессъ!.. Изъ «Заячьяго проспекта» я свернулъ въ «Заячій переулокъ» и пошелъ дальше, на югъ, на самый конецъ англійскаго парка: меня всегда тянетъ въ эту южную сторону, потому что тамъ, за паркомъ, мѣстность возвышается и образуетъ такъ-называемый «Бабій гонъ», съ котораго открывается восхитительная панорама: весь Петергофъ виденъ бываетъ, видно море, а за нимъ и Петербургъ!.. Въ ясную погоду, это такая дивная картина, за которую многое можно простить малопривлекательному прибалтійскому климату!

Вечеромъ, да еще темнымъ, нельзя было, разумѣется, ничего особеннаго увидѣть, взойдя на эту высоту; но я все-таки шолъ, потому что мѣстность, сама по себѣ, чрезвычайно привлекательна. Я уже вступилъ на «Садовую улицу» (куда привелъ меня «Заячій переулокъ»), но, проходя мимо одной дачи, невольно остановился и оглядѣлся: да, это была она, эта замѣчательная дача, которую я много разъ видѣлъ днемъ, проходя мимо, и которую никогда не могъ вдоволь налюбоваться...

Дача весьма красива и оригинальна: она изображаетъ собою средневѣковой замокъ — съ зубчатыми башнями, съ бойницами, съ узкими окнами, съ подъемными мостами... Все это, конечно, изъ дерева построено, — каменный только фундаментъ. Передъ фасадомъ дачи обширный дворъ, а позади — садъ, тоже просторный, съ вѣковыми соснами и елями, — частичка, однимъ словомъ, англійскаго парка, выдѣленная изъ него-же. Но интереснѣе всего, для меня лично, то, что на одной изъ башенъ утверждена громадная зрительная труба, направленная не на окрестности, а на небо: башня, такимъ образомъ, является чѣмъ-то въ родѣ астрономической обсерваторіи.

Но самъ владѣлецъ дачи еще интереснѣе... Про него рассказываютъ разныя эксцентричности, и общее мнѣніе то, что онъ почти помѣшанный человѣкъ... Каждое лѣто, напримѣръ, онъ *собственноручно* (какъ говорятъ) приклеиваетъ огромный и подробный билетъ у воротъ о наймѣ дачи, — и никогда ни съ кѣмъ изъ желающихъ нанять не могъ до сихъ поръ сойтись въ цѣнѣ: всегда требуетъ громадную сумму, — что-то въ родѣ 2000, и не хочетъ уступить ни копѣйки!.. Вслѣдствіе этого, живетъ всегда одинъ на своей дачѣ, не держитъ даже прислуги при себѣ лично: старуха, жена дворника, готовитъ ему обѣды и въ комнатахъ у него убираетъ, а дворникъ, кромѣ своей спеціальной обязанности, смотритъ также за лошадей его и экипажемъ, и ѣздитъ съ нимъ въ качествѣ кучера... Впрочемъ онъ рѣдко выѣзжаетъ, выходитъ еще рѣже; и проводитъ все свое время, какъ утверждаютъ, то на обсерваторіи, то въ кабинетѣ и въ смежной съ нимъ столовой, которую онъ превратилъ въ столярную мастерскую...

II.

Я никогда не видѣлъ этого необыкновеннаго человѣка, поэтому можно судить о моемъ изумленіи, когда вдругъ, совсѣмъ неожиданно, услышалъ громкое: «Добрый вечеръ!», обращенное, повидимому, ко мнѣ... Тогда только я разглядѣлъ, на сколько позволялъ сумракъ вечера, что за рѣшотчатою оградой дачи кто-то стоялъ, маскируемый окружающими деревьями, и, казалось, наблюдалъ за мною... Я не зналъ, что мнѣ отвѣтить, — такъ мнѣ показалось страннымъ и внезапнымъ это привѣтствіе, — и сдѣлалъ только шагъ назадъ, съ намѣреніемъ поскорѣе пройти мимо, скрыться: я нашелъ нескромнымъ мое слишкомъ можетъ быть долгое разсматриваніе дачи, да еще — въ ночное время... Но стоявшій за оградой повторилъ свое привѣтствіе и продолжалъ:

— Не угодно-ли вамъ будетъ *подробнѣе* осмотрѣть дачу... если только вы наниматель?..

— Нѣтъ, я не наниматель, — отвѣтилъ я: — я просто люблю вашу дачу, и только...

— И прекрасно! — продолжалъ хозяинъ (это былъ онъ): — Наскучили мнѣ, правду сказать, эти наниматели! Да и какой теперь наемъ, — въ концѣ лѣта?.. Тѣмъ болѣе прошу васъ — зайдите! Зайдите, не церемоньтесь! мнѣ кажется, что я васъ даже знаю нѣсколько!

И онъ прелюбезно открылъ калитку настежь... Я вошелъ во дворъ дачи, и мы крѣпко пожали руки другъ другу и назвали себя по именамъ... Когда я сказалъ свою фамилію, онъ воскликнулъ:

— Ну вот! Я такъ и думалъ, что это вы! Представьте себѣ, я васъ уже нѣсколько разъ видѣлъ прежде проходящимъ мимо меня и пытливо смотрящимъ на мою обсерваторію!.. Кромѣ того, я давно уже знакомъ съ вашею статьею «О лунѣ», такъ какъ состою подписчикомъ журнала «Сѣверъ»... Думаю: «Непремѣнно это долженъ быть *онъ*: не даромъ-же всякій разъ такъ внимательно смотритъ на обсерваторію, когда идетъ мимо!» И догадки мои блестящимъ образомъ подтвердились! Очень, очень радъ узнать васъ поближе!

— Я также не менѣе радъ!— искренно отвѣтилъ я. Мнѣ сразу понравился этотъ странный человѣкъ, оказавшійся потомъ превосходнѣйшимъ изъ людей.

Черезъ подъемный мостъ мы взошли сперва на крыльцо дачи (она въ самомъ дѣлѣ окружена была рвомъ съ водою, какъ какой-нибудь старинный замокъ), а потомъ, черезъ прихожую, проникли въ кабинетъ хозяина. Комнаты были просты, то-есть въ современномъ вкусѣ, и только своими узкими, длинными и остроконечными окнами напоминали старину; отдѣланы-же и убраны были такъ, какъ комнаты во всякой дачѣ, то-есть прилично и комфортабельно; никакой роскоши, ничего изысканнаго нигдѣ не замѣчалось. Хозяйскій кабинетъ былъ просторенъ и глядѣлъ двумя окнами во дворъ и однимъ въ садъ; мебель его была мягкая, удобная; но большой письменный столъ не былъ заваленъ ни книгами, ни разными бумагами, какъ это можно видѣть въ каждомъ кабинетѣ, а тѣ и другія чинно покоились на полкахъ, непосредственно придѣланныхъ къ стѣнамъ. Одинъ только шкафъ замѣчался въ заднемъ углу,— гардеробный, какъ потомъ оказалось.

Но наружность самого хозяина была замѣчательнѣе всего: слыша о немъ рассказы до этого случая и не видавъ его ни разу, я представлялъ его себѣ старымъ чудакомъ съ самой некрасивой, отталкивающей наружностью, нелюдимымъ и скупцомъ (рассказывавшіе о немъ также никогда не видали его); и вдругъ оказалось, что передо мною не старый и безобразный субъектъ, опустившійся физически и нравственно, одичавшій въ своемъ вѣчномъ одиночествѣ, а, напротивъ, красивый и статный мужчина лѣтъ 40, высокаго роста, умѣренной полноты, съ черными выющимися волосами, образовавшими только самую незначительную лысинку на макушкѣ, съ такою-же черною окладистою бородою, содержимою въ отмѣнномъ порядкѣ, съ большими темными глазами, съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, почти юношески свѣжимъ, съ артистически сложенными руками, и одѣтый прилично, къ лицу, даже щеголевато!.. Взглядъ, улыбка и голосъ дополняли остальное и дѣлали его въ высшей степени симпатичнымъ, сразу располагающимъ къ себѣ человѣкомъ.

Когда мы сѣли въ спокойныя кресла у письменнаго стола онъ мнѣ сказалъ:

— Да, я читалъ вашу статью «О лунѣ»: она недурна, читается съ интересомъ... Но въ такомъ изданіи, какъ «Сѣверъ», нельзя обстоятельно трактовать о подобныхъ предметахъ,— мѣста слишкомъ мало... Отчего вы не пишете дальше въ этомъ родѣ?..

— То-есть о другихъ планетахъ?— спросилъ я...

— Да... Напримѣръ о Марсѣ, о Венерѣ, о Меркуріи и такъ далѣе?..

— Откровенно говоря, — отвѣтилъ я — источниковъ не имѣю подъ руками...

— А хотѣли-бы имѣть ихъ?..

— Отчего-же нѣтъ?.. Въ особенности если-бы можно было достать безъ большой потери времени и... денегъ!

— Хорошо! Мнѣ кажется, что я могу доставить вамъ эти источники... Я самъ любитель того, что называютъ «популярной астрономіей», почему и обращаю всегда вниманіе на статьи въ родѣ вашей... Кромѣ того, у меня существуетъ нѣкоторая рукопись, которая можетъ быть полезнаю вамъ... Вотъ она! Авторъ этой рукописи — я. Тутъ всякія

свѣдѣнія о планетахъ, почерпнутыя мною изъ разныхъ источниковъ въ разное время, и также кое-какія собственныя мои соображенія... Я бы ее напечаталъ, но чувствую, что языкъ ея весьма неискусень,— я вообще не владѣю даромъ литературнаго изложенія; вы же, какъ видно изъ вашей статьи, можете писать вполне литературно; и такъ, возьмите мое писанье и сообщите ему красивую, привлекательную внѣшность, то-есть, проще сказать,— воспользуйтесь имъ, какъ матеріаломъ... Исправлять мой слогъ или языкъ была бы слишкомъ тяжелая работа; гораздо же легче и практичнѣе прочесть эту рукопись и, на основанніи свѣдѣній, заключенныхъ въ ней, написать свою статью, которой можно придать какую угодно форму... Можно даже и покороче изложить, чѣмъ это вышло у меня... И такъ, возьмите!

Онъ подаль мнѣ довольно толстую рукопись, форматомъ въ листъ писчей бумаги, хотя, впрочемъ, почеркъ ея былъ крупный и разгонистый. Частыя поправки, встрѣчаемыя на каждой страницѣ, говорили о тяжелой и упорной борьбѣ, которую велъ авторъ съ недавшимся ему «вполнѣ литературнымъ» языкомъ...

Я взялъ рукопись...

— Благодарю васъ!— сказалъ я.— Это для меня цѣнное приобрѣтеніе! Но мнѣ совѣстно воспользоваться чужимъ трудомъ, и потому я не иначе соглашаюсь взять вашу рукопись, какъ съ тѣмъ, что заработанный за будущую статью мою гонораръ мы раздѣлимъ съ вами пополамъ...

— Пожалуйста безъ, этого!— возразилъ онъ.— Впрочемъ, я нахожу, что рѣчь объ этомъ теперь еще преждевременна. Сперва напишите вашу будущую статью и напечатайте ее,— это самое главное...

— Вы правы,— согласился я.— *Написать* и *напечатать* — это прежде всего; въ противномъ случаѣ, я рискую говорить о шкурѣ неубитаго еще медвѣдя, что, по малой мѣрѣ смѣшно. А вы давно занимаетесь астрономіей?..

— Давно: лѣтъ 15 будетъ... Это моя страсть! Хотите посмотрѣть мою обсерваторію?..

— Съ удовольствіемъ! Признаться, я даже хотѣлъ просить васъ объ этомъ!

— И превосходно! Пойдемте!

И мы поднялись на самую высокую башню дачи, равнявшуюся, по своей высотѣ, семиэтажному дому. Это была довольно просторная шестиугольная площадь, окруженная зубчатою стѣною, или оградой, въ пол-роста человѣка. Въ самомъ центрѣ ея была утверждена огромная полуторасаженная зрительная труба,— настоящій телескопъ, и разставлены вокругъ скамейки и стулья. Немного поодаль — рабочій столъ, простой подѣлки и некрашенный, заваленный, въ противоположность кабинетному, книгами, бумагами и принадлежностями письма, и защищенный отъ непогоды огромнымъ зонтомъ, прочно воткнутымъ въ его средину. Къ палкѣ зонта была прикрѣплена небольшая керосиновая лампа,— доказательство того, что хозяинъ нерѣдко и пишетъ или читаетъ, при свѣтѣ огня, на своей обсерваторіи.

Я обошелъ кругомъ стѣны, любясь океаномъ всякой растительности, разстилавшейся внизу; впрочемъ, многія деревья парка равнялись высотой своей обсерваторіи, а нѣкоторыя даже превосходили ее. Все это окутано было ночнымъ мракомъ, сообщавшимъ какую-то таинственную прелесть всей этой темной, неопредѣленной по цвѣту своему и громадной массѣ... Но не одинъ лѣсъ или паркъ виденъ былъ подъ нами: въ южную сторону, за «Садовою улицей» (то-есть, правильнѣе говоря,— аллеей), шли поля, приводившія къ возвышенной мѣстности, на вершинѣ которой господствуетъ «Бельведеръ», извѣстный всему Петергофу... Общее названіе этой мѣстности, какъ я уже

упомянулъ, «Бабій гонъ»: въ крѣпостныя времена, вѣроятно, туда *гоняли бабъ* на работы, откуда и получило начало такое названіе...

— Недурные виды, не правда-ли?.. — прервалъ мое обозрѣніе мѣстности хозяинъ...

— Ведиколѣпно! — отвѣтилъ я.

— Днемъ еще лучше! — продолжалъ онъ. — Но не угодно-ли вамъ будетъ посмотрѣть въ мой инструментъ?

И онъ подвелъ меня къ своей огромной трубѣ и усадилъ, какъ слѣдуетъ, на скамейкѣ... И вотъ, благодаря этому необыкновенному человѣку, я, почти въ первый разъ толково и на полной свободѣ познакомился съ тѣми сіяющими точками, въ несколько разъ увеличенными, которыя мы привыкли называть звѣздами... Зрѣлище, по-истинѣ, поражающее и рѣшительно не поддающееся никакимъ описаніямъ! Надо самому, невидавшему ничего подобнаго, заглянуть въ этотъ инструментъ, называемый телескопомъ, — и только тогда онъ пойметъ, что это за зрѣлище!..

Мы поочередно и подолгу разсматривали эти небесныя виды, дѣлясь впечатлѣніями другъ съ другомъ. Занималась уже заря, когда мы возвратились внизъ, въ хозяйскій кабинетъ, усталые и въ высшей степени довольные всѣмъ, что видѣли и о чемъ съ живѣйшимъ интересомъ бесѣдовали... Не знаю почему, но я медлилъ уходить отъ моею славнаго, милаго и интереснаго собесѣдника, хотя давно уже слѣдовало вернуться домой и лечь въ постель... Но когда я взялъ наконецъ шляпу, онъ неожиданно остановилъ меня:

— Нѣтъ, повремените еще немного! — сказалъ онъ. — Вы не все еще видѣли у меня... Загляните въ мою мастерскую!..

И онъ открылъ боковую дверь изъ кабинета, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы я вошелъ въ нее... Я вошелъ и очутился въ просторной комнатѣ въ два окна, освѣщенной съ потолка большою рабочей лампой съ широкимъ абажуромъ. Въ ней были обычные столярныя инструменты, дерево, годное для подѣлокъ, и куча стружекъ, — все, что мы привыкли видѣть у каждаго столярнаго мастера; но среди всѣхъ этихъ предметовъ глаза мои вдругъ поразило нѣчто такое, чего я до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не видѣлъ, чего даже и представить себѣ не могъ...

III.

На полу стоялъ шестиугольный ящикъ, не равносторонній, а удлиненный и оканчивающійся съ двухъ противоположныхъ сторонъ острыми углами. Въ очертаніяхъ

своихъ онъ представлялся въ видѣ фигуры <==>. На ящикѣ было устроено мягкое сидѣнье со спинкой, напоминающее кресло, а передъ нимъ стояла желѣзная палка съ ручкой, соединенная, какъ потомъ оказалось, со скрытымъ внутри ящика механизмомъ: этотъ послѣдній, различными поворотами палки, то приводился въ движеніе, въ усиленное или въ умѣренное, то совсѣмъ останавливался, — смотря по надобности. Къ двумъ другимъ сторонамъ этой невиданной машины, то-есть — справа и слѣва отъ сидѣнья, были прикрѣплены громадныя крылья, для которыхъ, конечно, и былъ придуманъ весь внутренній механизмъ... Съ крыльями изображенная мною шестиугольная фигура представлялась чѣмъ-то въ родѣ птицы, способности летать которой съ давнихъ поръ такъ завидуютъ люди.

— Что это?.. — спросилъ я въ крайнемъ изумленіи.

— Это *птица*, то-есть — летательная машина... Посмотрите на крылья: не правда-ли, очень просто придуманы?.. Тонкіе желѣзные прутья, обладающіе нѣкоторою гибкостью, и между ними кожа, и только... А между тѣмъ — дѣйствуютъ отлично!

— Неужели поднимаютъ?— изумился я снова.

— Какъ-же! Иначе-бы и смысла въ нихъ не было! Пойдемте съ *нею* на дворъ, и я вамъ покажу опытъ.

Онъ взялъ «птицу» за ремень, катя ее за собою на маленькихъ колесцахъ, и мы вышли на средину двора... Оказалось, что крылья такъ-же свободно можно было поворачивать въ разныя стороны, какъ и крылья живой птицы, то есть складывать и раскладывать и даже прижимать одно къ другому!.. Поставивъ машину на-земь, онъ сѣлъ въ ея кресла и повернулъ нѣсколько разъ палку съ ручкой, утвержденную передъ сидѣньемъ... Послышались мѣрные глухіе удары внутри машины, крылья зашевелились, какъ у настоящей птицы, и вдругъ эта деревянная птица стала тихо подниматься вверхъ, унося отъ земли съ собою своего творца!.. Поднявшись на небольшую высоту, приблизительно до крыши дачи, онъ придавъ палкѣ немного наклонное положеніе, и птица полетѣла въ сторону, переставъ подниматься вверхъ; затѣмъ сообщилъ палкѣ то-же положеніе, но въ обратную сторону,— и птица возвратилась на прежнее мѣсто, повернувшись сначала лицевой стороной своей въ зрителю. Наконецъ, онъ повернулъ нѣсколько разъ палку въ противоположную сторону, придавъ ей прежнее вертикальное положеніе,— и машина стала тихо опускаться на землю почти на томъ же мѣстѣ, откуда поднялась вверхъ!.. Черезъ минуту она стояла уже на землѣ, и крылья ея перестали шевелиться, придя въ свое прежнее, хотя распростертое, но неподвижное положеніе... Изобрѣтатель этой изумительной вещи сошолъ съ сидѣнья и, взявъ свою «птицу» снова за ремень, сказалъ:

— Пойдемте въ комнаты! Видѣли?..

— Вы удивительный человѣкъ!— могъ только воскликнуть я.— Неужели вы все это сами сдѣлали?..

— Самъ. Я никому еще до васъ не показывалъ моей птицы, не говорилъ даже никому, что она у меня существуетъ...

Вы первый, кому я нашолъ возможнымъ все это открыть и показать...

— Вы удивительный, удивительный человѣкъ!— еще разъ воскликнулъ я въ увлеченіи:— Это поразительно! Это чудесное изобрѣтеніе!..

— Какъ-бы тамъ ни было,— отвѣтилъ онъ совершенно спокойно и съ достоинствомъ,— но по крайней мѣрѣ *можно летать* человѣку, чего я давно добивался, и наконецъ добился-таки... Теперь буду добиваться другого: возможности пробраться, на этомъ снарядѣ, *до луны*...

Эта идея, не менѣе «птицы», поразила меня своей неожиданностью.

— До луны?!— переспросилъ я, подумавъ, что онъ шутить...

— Да... Вѣдь со стороны моей птицы нѣтъ никакого препятствія къ этому: она можетъ летѣть вверхъ или въ сторону, въ какую угодно, до безконечности... Я все это достаточно уже испробовалъ...

— Но послушайте!— воскликнулъ я.— Могутъ быть другія препятствія! Какъ вы, напримѣръ, поднимаясь вверхъ, выйдете или вылетите изъ предѣла притяженія нашей планеты?.. Вѣдь для этого нужно обладать громадной силой, чтобы преодолѣть его!..

— Это вѣрно. И вотъ я и хочу сообщить такую силу моей птицѣ.

— Какъ-же вы это сдѣлаете?

— Усилю ея механизмъ разными приспособленіями.

— Положимъ, что это вамъ удастся сдѣлать,— сказалъ я:— но какъ противостать еще двумъ препятствіямъ: страшному холоду за предѣлами земной атмосферы и отсутствію воздуха?.. Гдѣ взять тепла и чѣмъ дышать?

— Сдѣлаю стеклянную будку на птицѣ и поставлю печку, — это разъ, во вторыхъ — запасусь сгущеннымъ воздухомъ въ особомъ резервуарѣ, который и можно будетъ расходовать по мѣрѣ надобности... Словомъ, все пуцую въ ходъ и ни передъ чѣмъ не останавлиюсь, только-бы достигнуть цѣли.

— Хорошо! Положимъ, во всемъ этомъ вы добьетесь успѣха, и долетѣвъ до луны, станете на ея почву... Но вдругъ окажется, что тамъ, высадившись на эту планету, придется преодолевать тѣ-же два препятствія, то-есть — недостатокъ тепла и воздуха?

— Объ этомъ я также думалъ и думаю: помните, у Жюля Верна, каучуковые костюмы, въ которые одѣвались капитанъ Немо и его товарищи, прогуливаясь по морскому дну? Ничто мнѣ не помѣшаетъ заказать себѣ такоѣ — же нарядъ и помѣститъ внутри его запасъ тепла и воздуха, которымъ и можно будетъ пользоваться, путешествуя по планетѣ... Я не говорю уже о томъ, что при самой поверхности луны можетъ оказаться достаточное еще для дыханія количество атмосферы и неразлучной съ ней теплоты такъ что каучуковый нарядъ будетъ тогда лишнимъ.

— Но слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно обстоятельство, а именно — страшный жаръ и страшный холодъ; вѣдь на лунѣ, во время ея 14-суточного дня, свирѣпствуетъ страшный зной, какъ въ продолженіе такой-же ночи — невыносимый холодъ!..

— И объ этомъ я подумалъ: нарядъ будетъ пропитанъ особеннымъ химическимъ составомъ, не пропускающимъ внутрь жара и холода... Я началъ изучать химію еще раньше астрономіи и механики и покажу вамъ когда-нибудь и химическую лабораторію мою... Она помѣщается у меня отдѣльно, вотъ въ томъ домикѣ.

И онъ подвелъ меня къ одному изъ оконъ своего кабинета, въ который мы вошли снова, и указалъ на маленькій флигелекъ въ углу дачнаго двора, направо отъ воротъ...

Рѣшительно этотъ человѣкъ былъ ни въ чемъ неуязвимъ: все у него было предвидѣно, предугадано, противъ всего неблагопріятнаго имѣлись въ виду дѣйствительныя мѣры!.. Я не могъ болѣе возражать ему, и наша бесѣда перешла опять на тему о его «птицѣ», которая чрезвычайно заняла мое воображеніе, поразивъ его блестящимъ успѣхомъ въ исполненіи своей роли... Я его спросилъ:

— Отчего вы не хотите подѣлиться съ публикой вашимъ прекраснымъ изобрѣтеніемъ?..

— *Рано* еще, — отвѣтилъ онъ — вотъ, когда сдѣлаю визита нашему спутнику, тогда, пожалуй, подѣлюсь съ публикой своимъ открытіемъ...

— И неужели никто изъ сосѣдей, напримѣръ, не подозреваетъ о существованіи вашей птицы?..

— Полагаю, что никто... Слыхали-ли вы, до знакомства со мною, чтобы говорили что-нибудь обо мнѣ въ этомъ родѣ?..

— Ничего подобнаго!..

— Ну, стало быть, никто ничего не знаетъ... Дворникъ мой и его жена значить строго сохраняютъ мою тайну, чего я потребовалъ отъ нихъ при поступленіи ко мнѣ на службу...

«Въ противномъ случаѣ вы потеряете свое мѣсто» предупредилъ я ихъ...

— Но какъ вы дѣлали опыты съ вашей «птицей» такъ что никто до сихъ поръ не могъ видѣть ихъ?..

— Я ихъ всегда дѣлалъ въ темныя ночи, и притомъ не дома, а ѣздилъ для этого въ одно глухое мѣсто, недалеко отсюда, въ сосѣднемъ лѣсу: тамъ нѣтъ никакихъ дачъ — лѣсъ однимъ словомъ, совсѣмъ некультурный... Сегодня въ первый разъ я произвелъ опытъ дома, и опытъ, разумѣется, ничтожный, такъ какъ не поднимался даже выше этого дома и

направившись въ сторону, не выходилъ изъ границъ своего двора: я желалъ только познакомить васъ съ моимъ изобрѣтеніемъ...

— И я вамъ много благодаренъ за вашу любезность и довѣріе ко мнѣ, котораго, конечно, никогда не обману!— воскликнулъ я, невольно протягивая ему руку.

Мы совершили самое крѣпкое, вполне искреннее, рукопожатіе.

— Ваши прежніе полеты были, стало быть, далеки?..— снова спросилъ я.

— Такъ себѣ... Не слишкомъ далеки, но достаточны для того, чтобы безошибочно судить о достоинствѣ изобрѣтенія: вверхъ поднимался я болѣе чѣмъ на версту, въ разный стороны направлялся тоже, приблизительно, на это разстояніе... Механизмъ у меня въ родѣ недѣльныхъ часовъ: разъ получивъ толчокъ или «заводъ», онъ безостановочно будетъ дѣйствовать цѣлыя семь сутокъ, то-есть — недѣлю...

— И цѣлую недѣлю ваша «птица», значитъ, все будетъ летѣть и летѣть въ данномъ ей направленіи, будетъ ли это вверхъ или въ сторону?..

— Безъ всякаго сомнѣнія...

— А не можетъ она вдругъ принять наклонное положеніе въ какую-нибудь сторону и тѣмъ заставить балансировать своего сѣдока?..

— Нѣтъ... Крылья на столько обширны, что не допускаютъ ее до этого: они опираются на такое количество воздуха, котораго болѣе даже, чѣмъ достаточно, для полного равновѣсія всей машины... Во время полета я могу свободно вставать съ кресель и становиться то на переднюю часть ея, то на заднюю, и нигдѣ не замѣчается отъ этого ни малѣйшаго перемѣщенія центра тяжести, то-есть — колебанія...

— Ваша «птица» замѣчательная, въ такомъ случаѣ, вещь!— воскликнулъ я.— Вы второй капитанъ Немо!..

Онъ скромно улыбнулся своею симпатичною, доброю улыбкою и сказалъ:

— И все благодаря *воздуху*, не допускающему нарушенія равновѣсія!.. Воздухъ поэтому, чрезвычайно важная вещь въ обиходѣ человѣческой жизни: имъ не только обязательно дышутъ люди, но его-же они могутъ употреблять и какъ средство для передвиженія съ мѣста на мѣсто; нужно только знать, какъ это дѣлать, а это знаніе даетъ добросовѣстное и строгое изученіе законовъ механики, которые управляютъ нашими движеніями...

Мы долго еще бесѣдовали на эту новую тему, не замѣчая, какъ все виднѣло и виднѣло, и наконецъ наступилъ полный день... Было уже 6 часовъ утра, когда я простился съ этимъ въ высшей степени удивительнымъ человѣкомъ, унося его рукопись въ рукахъ и множество поразительныхъ, неожиданныхъ для меня, мыслей въ головѣ!..

IV.

Придя домой, я легъ въ постель, но долго не могъ уснуть — по понятной причинѣ: воображеніе мое было слишкомъ возбуждено этимъ неожиданнымъ знакомствомъ и полученными отъ него сильными впечатлѣніями!.. Часъ или полтора ворочался я съ боку на бокъ, но наконецъ уснулъ... И мнѣ привидѣлся поразительный и грандіозный сонъ!

Ко мнѣ будто бы, когда я лежалъ въ постели, вошелъ мой «второй капитанъ Немо» и сказалъ: «Охота вамъ спать! Вставайте и пойдемте ко мнѣ! Я долженъ кое-что еще сообщить вамъ: сегодня ночью я отправляюсь на луну и на другія планеты... Хотите сопутствовать мнѣ?..» Я удивился и обрадовался, и въ ту же минуту принялъ это предложеніе... Въ короткое время я собрался, и черезъ четверть часа сидѣлъ уже у «второго капитана Немо», бесѣдуя съ нимъ о нашемъ близкомъ путешествіи на планеты... Оказалось, что у него все уже готово: и стеклянная будка на «птицѣ», и печка, и каучуковые наряды

для насъ двухъ, и даже устроено второе сидѣнье для меня, — и все, все, однимъ словомъ!.. И вотъ, дождавшись ночи, мы выкатили «птицу» на дворъ дачи усѣлись на наши мѣста и пустили въ ходъ машину... И она быстро и плавно помчала насъ къ облакамъ, затѣмъ — въ заоблачныя пространства, и мы въ скоромъ времени потеряли даже изъ виду нашу землю!

Путешествіе наше было такъ удачно, что мы посѣтили будто-бы всѣ извѣстныя намъ по имени планеты и увидѣли на нихъ много поразительныхъ и необычайныхъ картинъ... Отъ этихъ поразительныхъ и необычайныхъ картинъ я не могъ опомниться даже тогда, когда уже проснулся и убѣдился, что все видѣнное мною — не болѣе, какъ сонъ! Но поразительнѣе всего было то, что, когда я прочелъ потомъ рукопись моего новаго знакомого, то оказалось, что въ ней почти все было то, что я видѣлъ въ моемъ изъ ряду выходящемъ снѣ!..

Не знаю, случалась-ли съ кѣмъ-нибудь подобная вещь: видѣть во снѣ то, что потомъ приходится прочесть въ книгѣ или рукописи, за немногими только исключеніями! Какъ бы ни было, но, продолжая дальше мой разсказъ, предупреждаю читателей, что всѣ дальнѣйшіе факты его излагаю уже не я, а «второй капитанъ Немо»...

ПОСЛАННИКЪ БОГОВЪ.

Астрономы жалуются на Меркурія, что онъ почти невидимъ... что онъ только на самое короткое время показывается имъ — передъ восходомъ и по закатѣ солнца... Что дѣлать! Надо помнить, что онъ посланникъ боговъ, и что боги не даромъ-же снабдили крыльями его на пяткахъ ногъ, конечно — для большей быстроты послѣднихъ! И вотъ благодаря этому обстоятельству, и чтобы еще болѣе угодить богамъ, Меркурій избралъ самую короткую орбиту вокругъ Солнца, которую онъ пробѣгаетъ въ 88 сутокъ... Такимъ образомъ, онъ болѣе чѣмъ въ 4 раза ближе Земли къ Солнцу, такъ какъ Земля совершаетъ свой путь вокругъ царя дня въ 365 сутокъ.

Меркурій очень малъ сравнительно съ Землею: онъ только немногимъ больше Луны, а извѣстно, что Луна почти въ 50 разъ меньше нашей планеты. Въ одномъ только онъ одинаковъ съ Землею, — въ обращеніи вокругъ своей оси: онъ употребляетъ для этого почти то-же количество времени — 24 часа и 50 секундъ (наша планета совершаетъ это обращеніе въ 23 часа, 56 минутъ и 4 секунды). Разница, стало быть, самая ничтожная.

Затѣмъ еще извѣстно, что Меркурій окружонъ атмосферою, и даже очень густою, и что эта атмосфера мѣшаетъ астрономамъ изслѣдовать его поверхность, — она своими облаками скрываетъ планету отъ глазъ любопытныхъ...

И вотъ все, или почти все, что намъ въ состояніи сказать астрономы объ этомъ посланникѣ древнихъ боговъ! А между тѣмъ онъ такъ близокъ къ нашей планетѣ! Не обидно-ли это?..

Но мнѣ кажется, что я обладаю такими данными относительно свойствъ нашего сосѣда, что могу значительно пополнить ими свѣдѣнія, сообщаемыя намъ учеными людьми... И такъ, подѣлюсь этими данными съ моими читателями!

Я такъ вижу ясно Меркурія моими умственными очами, какъ ясно представляю себѣ васъ, читатель мой, кто-бы вы ни были... Матерія тамъ та-же, что и на Землѣ, хотя и чаще встрѣчаются, чѣмъ у насъ, золото, платина и ртуть; воды тѣ-же и пейзажи тѣ-же, — горы, равнины, рѣки, моря и т. д. Но что за *освѣщеніе*! Такого освѣщенія нѣтъ рѣшительно ни на одной планетѣ! И *теплота* тоже исключительная!..

Я быль тамъ, на этомъ Меркуріи, и видѣль поразительныя картины... Это было среди прекраснаго лѣтняго дня. Небо очистилось отъ тяжелыхъ тучъ, удаленныхъ вѣтромъ къ краямъ горизонта, и Солнце заблестало на свободѣ; но Боже, что это за Солнце! Оно въ 10 разъ больше нашего и жжетъ поэтому ужасно! Свѣтитъ такъ, что ослѣпляетъ! Я чуть не сгорѣль отъ его непомѣрнаго жара и чуть не ослѣпъ отъ этого необычайнаго свѣта! Я взгляну ль на небо,— и не могъ оторвать глазъ своихъ отъ него: оно было не голубое, какъ у насъ, а золотисто-бѣлое, и бѣлизна эта была сіяющая, нѣжная, приводящая душу въ высокое восхищеніе... Бѣлизна неба съ ея золотистымъ элементомъ покрывала такимъ-же восхитительно-бѣлымъ свѣтомъ весь пейзажъ, среди котораго я находился,— довольно большую долину среди невысокихъ холмовъ и частицу моря въ отдаленіи... Все сіяло бѣлизною, но какою-то особенною: не холодною снѣжною, сухою и прозаическою, а раскаленною, жаркою, страстно-знойною, похожею нѣсколько на сильное электрическое освѣщеніе...

Подъ ногами у меня была густая растительность,— мѣстная трава. Я наклонился и сталъ ее разсматривать... Она состояла изъ толстыхъ стеблей, имѣвшихъ видъ трубокъ, съ пустотою внутри и съ пышными лохматыми шишками на поверхности каждой изъ ихъ; высота этихъ трубкообразныхъ стеблей доходила до полуаршина, а цвѣтъ всей травы былъ темносиній, съ сильнымъ преобладаніемъ густо-зеленаго оттѣнка. Холмы были также всѣ въ растительности: на нихъ красовались невысокіе лѣса и рощи, состоявшіе изъ деревьевъ съ темнокрасными стволами и съ такими-же странными листьями, какъ стебли у травы; при этомъ стволы и вѣтви ихъ, чѣмъ ближе были къ почвѣ, тѣмъ все болѣе темнѣли, принимая у самыхъ корней совсѣмъ почти черный цвѣтъ, а въ высоту, наоборотъ, становились краснѣе и краснѣе. И лѣса, и рощи, подобно травѣ, носили тотъ-же темносиній, сіяющій густозеленымъ оттѣнкомъ, нарядъ, что чрезвычайно эффектно контрастировало съ темнокрасными стволами и сучьями у деревьевъ...

Были и цвѣты между травою и подъ деревьями,— звѣздообразные и различной величины; они были красные, зеленые и совсѣмъ почти черные; попадались и синіе, и фіолетовые. Но между ними поразительнѣе всего для меня были, конечно, зеленые и черные, особенно первые, такъ какъ цвѣтовъ зеленыхъ у насъ нѣтъ нигдѣ... Стебли у цвѣтовъ и листья ихъ были, по обыкновенію на этой планетѣ, темносиніе, при чемъ листья были такіе же трубкообразные, какъ у травы, но безъ шишекъ; они просто заканчивались выпуклостью, которая закрывала ихъ пустоту отъ любопытныхъ взоровъ, или, скорѣе отъ множества насѣкомыхъ...

А насѣкомыхъ, дѣйствительно, было много! Но ихъ формы не поразили меня своею неожиданностью: это были тѣ-же мухи, бабочки, стрекозы, жуки, разные букашки и т. п., которыми изобилуетъ и наша планета, съ немногими только особенностями, бьющими въ глаза только тогда, когда станешь пристально разсматривать ихъ. Они были разныхъ красокъ,— болѣе всего синей и красной. За насѣкомыми, какъ и у насъ, охотились птицы; формы этихъ послѣднихъ напоминали тоже нашихъ птицъ, но меня удивили двѣ особенности ихъ: во-первыхъ, онѣ одноглазые, и, во-вторыхъ, большинство между ними обладало непомѣрно-длинными и тонкими ногами, которыя помогали имъ дѣлать исполинскіе скачки съ мѣста на мѣсто: перескочить съ одного края долины, на которой я стоялъ, на другой, или съ холма на холмъ, было для нихъ также легко, какъ мнѣ сдѣлать большой шагъ; такъ прыгаютъ, въ миниатюрѣ, наши блохи... Другія птицы летали высоко и низко, и я замѣтилъ, что многія изъ нихъ подолгу останавливались на одной точкѣ въ воздухѣ, точно висѣли въ немъ: это объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что всѣ предметы

на Меркуріи въ половину меньше земного вѣса; птицамъ и насѣкомымъ тамъ вдвое легче переноситься по воздуху, чѣмъ у насъ.

Пѣніе птицъ и жужжаніе насѣкомыхъ также разнообразны, какъ и на Землѣ; особенно оригинальныхъ звуковъ мнѣ не довелось подмѣтить. Цвѣтъ птицъ или синій и желтый, или красный и черный, и тѣ изъ нихъ, которыя прыгаютъ или скачутъ, покрыты вмѣсто перьевъ шерстью.

Мнѣ, сыну Земли, было весьма трудно держаться на ногахъ: по законамъ новой планеты, которой сдѣлалъ я визитъ, вѣсъ мой уменьшился на половину, и я чувствовалъ поэтому большую легкость въ движеніяхъ, а въ ногахъ въ особенности; меня такъ и подмывало стремиться куда-нибудь, почти бѣжать, и, съ непривычки къ такому ощущенію, я чуть не падалъ... И вдругъ я увидѣлъ нѣчто особенное: я увидѣлъ недалеко отъ себя подъ деревомъ толпу существъ, съ испугомъ и съ любопытствомъ глядѣвшихъ на меня... Да, это были *они*! Это были *люди*, которыхъ я прежде всего сильно желалъ увидѣть на Меркуріи!..

Но какіе они странные и необычайные, Богъ мой!.. Во-первыхъ — *одноглазые*: одинъ глазъ всего во лбу, въ чрезвычайно выпукломъ, небольшомъ лбу! И хотя этотъ глазъ великъ и красивъ, но *одинъ, одинъ*, что такъ странно, такъ дико!.. Во-вторыхъ, на рукахъ и на ногахъ у нихъ только по *три* пальца, и пальцы эти небольшіе и красивые; средній между ними длиннѣе прочихъ...

Въ-третьихъ — всѣ они небольшого роста, въ родѣ нашихъ 15-лѣтнихъ подростковъ, безъ всякой одежды (кромѣ поясовъ), почти черны какъ наши негры и только дѣти ихъ темно-красныя. Физіономіи ихъ большей частью — некрасивы, лукавы и жестки; волосы тоже черные, короткіе и немного курчавые; бороды маленькія, хотя густыя и немного посвѣтлѣе волосъ на головѣ...

«Такъ вотъ каковы *они*, эти меркуріанцы!» — воскликнулъ я невольно, и въ ту-же минуту устремился къ нимъ... конечно, чтобы поближе познакомиться съ ними...

Но куда! Не тутъ-то было!.. Увидѣвъ, что я спѣшу къ нимъ, они съ дикими криками и воплями бросились въ разсыпную и мгновенно исчезли въ чащѣ своихъ лѣсовъ!..

Мнѣ стало досадно на ихъ животную трусость, и я повелительно крикнулъ, не думая о томъ, что они не могутъ понимать моего языка:

— Да куда вы?.. Пойдите!.. вѣдь не звѣрь-же я, чортъ возьми, и не стану ѣсть васъ! Остановитесь!..

Я шелъ такъ легко и быстро, какъ никогда еще на Землѣ не ходилъ; я почти бѣжалъ, не чувствуя ни малѣйшаго усилія въ членахъ... Казалось, ноги мои и въ самомъ дѣлѣ были вооружены крыльями!.. Раза два или три я даже упалъ — отъ непривычки къ такому скорому передвиженію, но, падая, не ощущалъ ни малѣйшей непріятности, ни боли: точно это было не паденіе на почву, а легкое балансированіе при исканіи равновѣсія!.. Я уже дошелъ до лѣса, въ который скрылись эти странныя для меня существа, какъ внезапно все потемнѣло вокругъ и разразилась страшная гроза съ ужаснымъ ливнемъ... Я бросился назадъ къ своей птицѣ, оставленной въ долину, и, добѣжавъ до нея въ какую-нибудь минуту, вошелъ въ ея будку... Глубокая темнота охватила все собою, — можно было подумать, что наступила ночь... А необычайные, потрясающіе удары грома, и непомѣрно-широкія полосы молній по всѣмъ направленіямъ неба усиливали ощущеніе ужаса въ робкихъ душахъ и заставляли вѣрить, что присутствуешь при адской борьбѣ двухъ какихъ-то живыхъ силъ, враждебныхъ другъ другу!..

И я видѣлъ эти робкія души: ослѣпительный свѣтъ молній поминутно освѣщалъ всѣ окрестности какимъ-то жуткимъ, страннымъ свѣтомъ и, между прочимъ, толпу тѣхъ

самыхъ людей, которые убѣжали отъ меня и которые стояли теперь, на опушкѣ лѣса, колѣнопреклоненные, со сжатыми руками и со своими одиночными глазами, устремленными вверхъ и полными ужаса... До слуха моего долетали даже какіе-то глухіе, сдержанные возгласы: не было сомнѣнія, что эти люди молились, прося пощады у разсвирѣпѣвшихъ стихій!..

Болѣе часу продолжалась эта адская гроза, повергшая и меня въ какое-то безпокойное ощущеніе чего-то недобраго, расходившагося и ничѣмъ не сдерживаемаго въ своей слѣпой, разрушительной дѣятельности... Наконецъ вдругъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, молніи съ громомъ прекратились, ливень пересталъ падать цѣлыми потоками и начало быстро свѣтлѣть и свѣтлѣть... Въ десять какихъ-нибудь минутъ день вернулся и снова засіяло Солнце, а съ нимъ распространился по всему пейзажу другой какой-то невиданный мною свѣтъ...

Я вышелъ изъ будки и, оглянувшись назадъ, невольно ахнулъ: половина неба, напротивъ Солнца, и покрытая еще густыми грозowymi тучами, была вся украшена громадной ширины радугами, и эти радуги великолѣпно блестя всевозможными красками въ природѣ,— не семью только цвѣтами, какъ на Землѣ!.. Тутъ были и коричневые цвѣта, и даже черные, и какіе-то сѣро-пепельные, и серебристые, словомъ природа въ этой общей исполинской радугѣ, занявшей собою пол-неба, пустила въ дѣло всѣ имѣющіяся у нея краски съ ихъ всевозможными оттѣнками!..

Зрѣлище было и восхитительное, и какое-то ошеломляющее! И притомъ всѣ предметы кругомъ — трава, лѣса, холмы, кусочекъ моря вдали и все еще стоявшіе на колѣнахъ люди были окрашены этою пестрою амальгамою радужныхъ красокъ и выглядѣли фантастическими, по-истинѣ сказочными предметами!..

II.

Наконецъ, они встали на ноги, эти существа, и принялись о чемъ-то хлопотать, забывъ, кажется, о моемъ не только присутствіи вблизи ихъ, но и о существованіи... Мнѣ чрезвычайно любопытно было узнать, о чемъ это они хлопочутъ, что хотятъ дѣлать... Я вошелъ снова въ будку на птицѣ, оставивъ дверь открытою, и, сѣвъ въ кресло, сталъ наблюдать... Что-же оказалось? Они складывали, у подножія одного изъ холмовъ, костеръ изъ сухихъ древесныхъ сучьевъ!.. Но для чего?.. Для пищи?.. Варить или жарить что-нибудь хотятъ?..

Нѣтъ, тутъ другая цѣль: по всѣмъ признакамъ, это будетъ *жертвоприношеніе*!..

Да, именно это было жертвоприношеніе, какъ потомъ оказалось, но ужасное, кровавое по нашимъ понятіямъ!.. Когда костеръ выросъ до внушительныхъ размѣровъ, вдругъ вышли четыре человѣка изъ лѣса съ горящими сучьями въ рукахъ и, подойдя къ костру, зажгли его одновременно съ четырехъ сторонъ... И когда костеръ вспыхнулъ, охваченный огнемъ, другіе четыре человѣка подвели къ нему *жертву* — одного изъ своихъ братьевъ, связаннаго по рукамъ, и, связавъ ему тутъ же и ноги, мгновенно подхватили его и бросили въ разгорѣвшійся огонь!.. Несчастный издалъ только слабый стонъ!.. И когда огонь затрещалъ сильнѣе отъ новой и лакомой пищи, люди вдругъ снова пали на колѣни, сложивъ руки и устремивъ съ мольбою глаза свои на небо!..

Это было ужасно! Я не могъ выдержать и, выйдя изъ будки, почти побѣжалъ къ нимъ...

„И я вижу эти робкія души...“

Они тотчас-же обратили на меня вниманіе, но уже безъ первоначальнаго испуга: встали на ноги, но не порывались скрыться, а ждали меня къ себѣ только съ небольшимъ безпокойствомъ и опасеніемъ, ясно написанными на ихъ грубыхъ, дикихъ лицахъ... Казалось, ихъ религізное настроеніе уничтожило въ нихъ робость и боязнь въ отношеніи меня... «Тѣмъ лучше!» подумалъ я. «Самый удобный моментъ для знакомства съ ними!..»

Я замедлилъ свои шаги и, спокойно подойдя къ нимъ, спросилъ, слегка улыбаясь и указывая рукою на ярко пылавшій костеръ:

— Что это у васъ?.. Жертвоприношеніе?.. Но зачѣмъ-же вы *человѣка*, одного изъ вашихъ братьевъ, бросили въ огонь?.. Разумѣется, они ничего не поняли; они только догадывались, что рѣчь идетъ о кострѣ, на который я указывалъ рукою... На ихъ фізіономіяхъ изображались недоумѣніе и любопытство; послѣднее относилось къ моей личности и одеждѣ, потому что они стали пристально оглядывать меня съ головы до ногъ... Тогда я совсѣмъ уже близко подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Разскажите мнѣ, кому вы принесли въ жертву *человѣка*?.. Грому и молніи?.. Или, можетъ быть, небу?.. Или Солнцу?..

И я указывалъ то на костеръ, то на тучи, на которыхъ все еще играла радуга, хотя уже слабѣе прежняго, то на небо и Солнце... Но они продолжали молчать, не понимая моего языка... Я вмѣшался въ ихъ толпу, выше которой я былъ цѣлыми плечами съ головой, и поочередно трепалъ каждого по плечу и бралъ правую руку и жалъ ее, улыбаясь при этомъ дружески и ласково и заглядывая съ тою-же ласкою въ глаза... Это подѣйствовало успѣшнѣе рѣчи: улыбки засвѣтились на всѣхъ почти лицахъ, и нѣкоторые, особенно смѣлые, брали также меня за руки и за плечи, съ крайнимъ изумленіемъ щупали мой нарядъ и съ какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ смотрѣли на мое двуглазое лицо... Пятипалыя мои руки также возбуждали ихъ и удивленіе и благоговѣніе ко мнѣ... Послышались несмѣлыя восклицанія на грубомъ и странномъ языкѣ — конечно по поводу особенностей моей *человѣческой* фигуры... Тогда я снова повторилъ имъ мои вопросы съ тѣми-же указаніями на интересовавшіе меня предметы...

Нѣсколько мгновеній они молчали по прежнему, но наконецъ одинъ, пожилой уже *человѣкъ*, быстро вышелъ на средину и началъ громко держать рѣчь ко мнѣ, дѣлая въ то-же время удивительно-выразительные жесты, указывая на костеръ, уже догоравшій, на Солнце и на тучи... Когда онъ указывалъ на Солнце, невообразимый ужасъ искажалъ его въ высшей степени подвижную фізіономію, а указывая на тучи, онъ придавалъ ей выраженіе благоговѣйной благодарности, соединенной все-таки съ нѣкоторымъ страхомъ — конечно передъ ихъ электрическою силой... И я понялъ все, что онъ объяснялъ мнѣ, такъ что могу съ точностью хорошаго переводчика передать вамъ рѣчь его, мой читатель!..

Онъ мнѣ объяснилъ такъ это кровавое жертвоприношеніе:

— Солнце и тучи,— говорилъ онъ,— наши боги; но Солнце болѣе злой богъ, чѣмъ добрый, потому что жжетъ насъ немилосердно, безпощадно; скрываться отъ него можно только или подъ деревьями, или въ пещерахъ; но и тамъ жаръ и зной его томятъ насъ круглый день!.. Тучи-же — боги добрые, благодѣтельные, потому что ливнемъ своимъ приносятъ намъ влагу и освѣженіе; кромѣ того, онѣ постоянно борются съ Солнцемъ, не допуская его до нашего міра, а иногда и удаляя его подальше отъ насъ, и тогда оно дѣлается меньше и не такъ уже жжетъ... Если-бы не было у насъ этихъ добрыхъ боговъ, Солнце еще ближе подошло-бы къ намъ, заняло бы собою все небо, и въ конецъ сожгло-бы и насъ, и весь нашъ міръ... Вотъ почему во время грозы мы всегда становимся на колѣни, благодаря

этихъ добрыхъ боговъ, и потомъ приносимъ въ жертву имъ кого-нибудь изъ насъ, на кого падеть жребій!..

Въ этомъ объясненіи была и частичка астрономіи ихъ планеты, своеобразно понимаемой ими: орбита Меркурія, какъ и другихъ тѣлъ, эллиптическая: когда онъ особенно близокъ къ Солнцу, оно тогда въ 10 разъ больше нашего, и становится невыносимымъ; когда онъ въ самой дальней точкѣ своей орбиты, Солнце становится только въ 4 раза больше нашего, и не такъ уже сильно жжетъ... Во второмъ случаѣ для тропическихъ странъ Меркурія, куда я первоначально попалъ, настаетъ *умѣренное* лѣто, или, по нашему, зима...

Бѣдные, однако, люди! Сколькихъ человѣческихъ жертвъ стоитъ имъ каждая гроза въ году!..

III.

Да, бѣдные меркуріанцы! Я присмотрѣлся къ ихъ быту: они живутъ въ пещерахъ или въ шалахахъ подъ тѣнью своихъ странныхъ лѣсовъ и питаются болѣе всего растительною пищею; эту пищу доставляютъ имъ деревья, между которыми много плодовыхъ, въ родъ нашихъ яблонь и грушъ. Изрѣдка они ѣдятъ и мясо, если найдутъ трупъ какой-нибудь птицы, или звѣря, и эта пища считается у нихъ самой лакомою!.. Они не дошли еще до идеи охоты на животныхъ, и потому никакихъ орудій охоты у нихъ не существуетъ...

Они дѣлятся на племена, не слишкомъ многочисленныя, и признаютъ надъ собою авторитетъ лицъ, особенно сильныхъ своимъ умомъ и практическимъ смысломъ. Часто воюютъ между собою, выступая противъ врага съ палками, дубинами и кольями... Движенія ихъ быстры, порывисты и страстны въ высшей степени, какъ и языкъ ихъ, распадающійся на множество племенныхъ языковъ. Они не ходятъ, а скорѣе бѣгаютъ, и всѣ свои естественныя потребности совершаютъ моментально, можно сказать: въ двѣ-три минуты сѣдаютъ нѣсколько довольно большихъ плодовъ, въ какую-нибудь секунду напьются пригоршнями воды изъ сосѣдняго ручья и т. п. Спать также мало: двухъ или трехъ часовъ въ сутки достаточно для ихъ сна! Все остальное время они или бѣгаютъ по лѣсамъ, запасаясь пищею на завтра, или оживленно и до-нельзя быстро и азартно бесѣдуютъ другъ съ другомъ, сидя въ своихъ шалахахъ или въ пещерахъ, когда дома, въ хозяйствѣ, имѣется запасъ пищи на нѣсколько дней...

Всѣ эти свойства ихъ натуры, равно какъ и то, что жизнь ихъ короче нашей въ 4 раза, находятся въ прямой зависимости отъ астрономическихъ особенностей ихъ планеты: годъ на Меркуріи длится всего 88 сутокъ, значитъ — болѣе чѣмъ вчетверо короче земного, а обращеніе планеты вокругъ своей оси также можно назвать быстрымъ (какъ быстро оно и у насъ); слѣдовательно, не въ мѣру быстрое круговращеніе должно вызывать такіе-же быстрыя жизненныя отправленія въ организмахъ живыхъ существъ, другими словами, жизнь должна неизбѣжно быстро развиваться и съ тою-же быстротою идти къ концу... Вотъ почему 25 лѣтъ на Меркуріи должны соотвѣтствовать всего $4\frac{1}{4}$ годамъ на землѣ, а 100 лѣтъ равняются нашимъ 25-ти! И такъ какъ у насъ рѣдкіе люди доживаютъ до 100 лѣтъ, а обыкновенно до 70 или до 80, то, на примѣръ, меркуріальный 70-лѣтній старикъ есть не болѣе какъ нашъ 17-лѣтній подростокъ!

Я посѣтилъ, на моей птицѣ, и умѣренныя страны Меркурія, и полярныя, и вездѣ видѣлъ ту-же темносинюю растительность, тѣхъ-же птицъ и насѣкомыхъ и то-же роскошное золотисто-бѣлое небо надъ головою... Разница замѣчалась только въ томъ, что чѣмъ ближе было къ полюсамъ, тѣмъ флора и фауна становились бѣднѣе и бѣднѣе, и, наконецъ, у самыхъ полюсовъ, разстились уже пустынные мѣстности, покрытыя

большую часть года снѣгами и льдами. Что касается до людей, то и въ умѣренныхъ странахъ они такіе-же жалкіе дикари, какъ и въ тропическихъ, не сдѣлавшіе еще ничего для сноснаго существованія, а въ странахъ съ холоднымъ климатомъ ихъ совсѣмъ нѣтъ ... Вездѣ они меня принимали за бога, или, по крайней мѣрѣ, за посланника Солнца, такъ какъ я къ нимъ явился «съ неба», и съ благоговѣйнымъ страхомъ становились, завидѣвъ меня, на колѣни!.. Я пытался много разъ дать имъ понять, кто я такой, но, по незнанію ихъ языка, не могъ, разумѣется, успѣть въ своихъ попыткахъ. Мѣшали этому три главные обстоятельства: 1) что я пришолъ «съ неба», 2) что я летаю на какомъ-то чудовищѣ и 3) что *одѣтъ* я, а не голъ, какъ они... Меркурианцы умѣренныхъ странъ все-таки немного смышленнѣе тропическихъ, что видно уже изъ того, что лица ихъ не такъ дики и даже цвѣтъ кожи у нихъ гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у ихъ собратьевъ.

Изъ всего этого можно заключить, что человечество на Меркуріи еще не вышло изъ своего младенчества, и что вся исторія его развитія еще впереди... И кто знаетъ, кто можетъ сказать, сколько для этого развитія потребуется тысячъ или десятковъ тысячъ лѣтъ, и успѣтъ-ли оно дойти до той степени, какая существуетъ напримѣръ, у насъ?.. И не будетъ-ли слишкомъ близкое сосѣдство Меркурія къ Солнцу важной ему, этому развитію, помѣхой?..

Въ заключеніе этой главы скажу нѣсколько словъ о *старшей* фаунѣ Меркурія, то-есть, о звѣряхъ, водящихся на немъ (о насѣкомыхъ и птицахъ я уже говорилъ). Звѣрей крупныхъ тамъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ я ихъ не видѣлъ. Есть породы львовъ и тигровъ, очень опасныхъ для людей какъ и на Землѣ, но они ростомъ малы (съ нашихъ собакъ); есть также волки, шакалы, лисицы, собаки, лошади и т. п., тоже незначительной величины. Встрѣчаются также змѣи и другіе гады. И всѣ эти животныя отличаются тою-же особенностью, какъ и люди: они одноглазые и ноги у нихъ трехпалые... Природа живыхъ существъ на этой планетѣ характеризуетъ себя, такимъ образомъ, *одноглазіемъ*... Оно, конечно, и резонно: зачѣмъ два глаза, или даже болѣе двухъ, когда свѣту такъ много, что и одинъ глазъ отлично все видитъ?.. Я даже думаю, что меркурианцы видятъ и всѣмъ тѣломъ своимъ, — видятъ, напр., руками и ногами, потому что свѣту у нихъ поразительное количество: его буквально некуда дѣвать!..

IV.

Вода на Меркуріи въ моряхъ, рѣкахъ и т. п. принимаетъ тотъ-же золотисто-бѣлый цвѣтъ неба, но къ нему примѣшивается еще какой-то зеленоватый отгѣнокъ, что особенно оригинально выходитъ въ огромныхъ водныхъ массахъ, напр., въ моряхъ: это соединеніе и золота, и нужной бѣлизны, и зеленого цвѣта странно и въ высшей степени красиво!.. Въ спокойномъ положеніи и вдали — море бѣло, словно молочное, и только неуловимое золотистое сіяніе паритъ, такъ сказать, надъ нимъ; но станешь лицомъ къ лицу съ нимъ и заглянешь въ глубину его, тотчасъ-же, на фонѣ этой бѣлизны, увидишь мягкій блескъ самага дорогого изумруда!.. Но восхитительна эта вода, когда она слегка волнуется: бѣлыя молочныя волны переливаются золотомъ и изумрудами, а при болѣе сильномъ волненіи брызжутъ то золотыми, то зелеными искрами!.. Такой оригинальной воды нигдѣ нельзя видѣть на нашей планетѣ!

Въ особенности я любилъ наблюдать эту воду ночью: ничѣмъ не освѣщаемая (Меркурій не имѣетъ спутниковъ), она тогда хотя нѣсколько темнѣетъ, но ея, такъ сказать, *темная* бѣлизна чудно контрастируетъ съ чернотой, которую ночь кладетъ па почву!.. Небо тогда также принимаетъ эту темную бѣлизну, усѣянную блестящими точками звѣздъ, между которыми наша Земля блеститъ ярче прочихъ (за исключеніемъ одной Венеры, какъ

самой близкой къ Меркурію)... Но Земля только тогда видима бываетъ на небѣ Меркурія, когда онъ очутится па прямой линіи между Солнцемъ и ею: тогда она является полуночною звѣздою, крупною (1-й величины) и ярко сіяющею въ центрѣ неба... Около 23 милліоновъ верстъ отдѣляютъ ее тогда отъ Меркурія!

Любилъ я наблюдать также восходъ и заходъ Солнца: вмѣстѣ съ зарями, утреннею и вечернею, это великолѣпныя картины! Какъ и радуга, каждая заря тамъ занимаетъ полнеба, окрашивая его въ яркій пурпурно-золотой цвѣтъ и налагая отблескъ его на почву и на всѣ предметы! Море тогда въ особенности очаровательно, волшебнo: молочная вода его принимаетъ яркій пурпурный цвѣтъ: точно сквозь молоко виднѣется, сквозитъ что-то ярко-красное съ оттѣнками золота и розы!..

Едва-ли-бы кто изъ земныхъ художниковъ-маринистовъ сѹмѣлъ изобразить на полотнѣ это изумительное море и эту не менѣ изумительную и колоссальную зарю!..

Со мной на птицѣ была и зрительная труба, и я всегда по ночамъ смотрѣлъ въ нее на звѣзды и на нашу Землю, бывшую тогда видимою... Земля представлялась небольшимъ кружкомъ ярко-желтаго цвѣта, а рядомъ съ нею чуть замѣтна была блестящая точка, величиною съ булавочную головку: это была Луна... «И вотъ нашъ весь міръ, который мы называемъ *великимъ*!» думалъ я, глядя на этотъ кружокъ: «И на весь этотъ міръ гремѣли, въ свое время, Александры Македонскіе и Наполеоны, воображая, что ихъ слава разносится по всей вселенной!.. А эта слава, въ сущности, такова, что весь міръ, гдѣ кипѣла ихъ дѣятельность, на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ ничтожный кружокъ, который нужно еще разсмотрѣть въ увеличительное стекло!..»

Но болѣе всего я любилъ разсматривать Солнце въ свою трубу, для чего всегда удѣлялъ два-три часа ежедневно... Ахъ, это Солнце! Оно всегда поражало мое воображеніе своею непомѣрною величиною на небѣ этой планеты! Его достаточно разсматривать тамъ и простымъ глазомъ — сквозь закопченное стекло, конечно; и невооруженное даже зрѣніе замѣчало на немъ удивительныя вещи, а именно - ужасную дѣятельность не менѣ ужасныхъ стихій: все что-то тамъ двигалось и волновалось, работая безостановочно, неутомимо! Но когда я въ первый разъ направилъ на этого царя дня мою трубу, затемнивъ ее предварительно закопченнымъ стекломъ, я содрогнулся, я пришолъ въ ужасъ: предо мною предсталъ громадный раскаленный шаръ, въ 5 разъ болѣе того, который виденъ съ Меркурія! Стало быть, если тамъ Солнце въ 10 разъ болѣе земного, то этотъ шаръ въ трубѣ былъ въ 50 разъ болѣе нашего Солнца!.. Зрѣлище было и дивно, и ужасно: я отчетливо разсмотрѣлъ тогда, что Солнце — исполинская печь ярко пылающаго огня, и что этотъ огонь бурлитъ, кипитъ, неистово, свирѣпо бросаясь во всевозможныя стороны... Но среди его изрѣдка попадаются неопредѣленныя темныя массы, которыя какъ-бы плаваютъ въ немъ и которыя онъ старается поглотить, задушить въ своихъ страшныхъ объятахъ, но ни какъ не можетъ!.. Вся эта адская картина такъ жива и, главное, такъ близка была ко мнѣ, что мнѣ даже казалось, будто я слышу ужасный гулъ и трескъ ея ужасной дѣятельности: но это было только дѣло воображенія: Солнце отъ Меркурія, во время его *перигелія* (ближайшаго разстоянія каждой планеты), отстоитъ все-таки на 47.411.000 верстъ!..

Таково это Солнце, и благодѣтельное, и страшное одновременно!.. Не скоро оно еще погаснетъ, ставъ обыкновенною темною планетою, удобною для органической жизни!.. Но когда это случится, чѣмъ тогда оно будетъ освѣщаться и согрѣваться, и что станетъ тогда со всѣми планетами, составляющими его систему?..

Прощаясь съ Меркуріемъ, не могу не сказать слова два о его календарѣ: годъ его слагается всего изъ 88 дней; стало быть, на каждое время года приходится только по 22 дня,

т.-е. лѣто, напр., или зима длится *меньше одного нашего мѣсяца*... Какъ хотите, а это слишкомъ мало, даже и при томъ условіи, если въ какихъ-нибудь странахъ (напр., въ тропическихъ) нѣтъ переходныхъ временъ года, — весны и осени!.. Съ такимъ скромнымъ числомъ дней въ году не представляется даже надобности дѣлить время на мѣсяцы, а прямо времена года должны состоять изъ однихъ недѣль, и только... Получается, такимъ образомъ, самый упрощенный календарь!

БОГИНЯ ЛЮБВИ.

торая по близости своей къ Солнцу планета есть Венера.

Она обращается около Солнца почти въ 225 сутокъ (безъ 8 часовъ), а отстоятъ отъ него на 120.840.000 верстъ. Въ величинѣ уступаетъ Землѣ очень немного, такъ что можно признать ее почти равную нашей планетѣ. Спутниковъ не имѣетъ, подобно Меркурію. У насъ она очень популярна: кто не видѣлъ *вечерней* или *утренней звезды*, такъ ярко блестящей?.. Въ особенно-ясную погоду она замѣтна даже *среди дня*, чѣмъ нерѣдко возбуждаетъ суевѣріе и боязнь необразованныхъ людей.

Когда я сталъ на почву этой планеты, сойдя съ моей неутомимой птицы, была уже глубокая ночь. Тотчасъ-же пытливые вопросы стали осаждать меня: культурный-ли этотъ міръ?

Что я тутъ встрѣчу, что увижу?.. Какія мѣстныя особенности поразятъ мое воображеніе?..

Но любопытнѣе всего и прежде всего: есть-ли тутъ *люди*?..

Я посмотрѣлъ кругомъ себя: мѣстность пустынная, — какая-то голая равнина; подъ ногами обнаженная почва, изрѣдка поросшая кустиками травы, какой — за темнотою ночи не видно; на горизонтѣ ничего не выдается, только слѣва чернѣетъ какая-то масса, — должно быть лѣсъ...

Небо облачно. Дуетъ не сильный вѣтеръ, весьма пріятный, освѣжающій. Нигдѣ никакого шума, ни малѣйшаго звука...

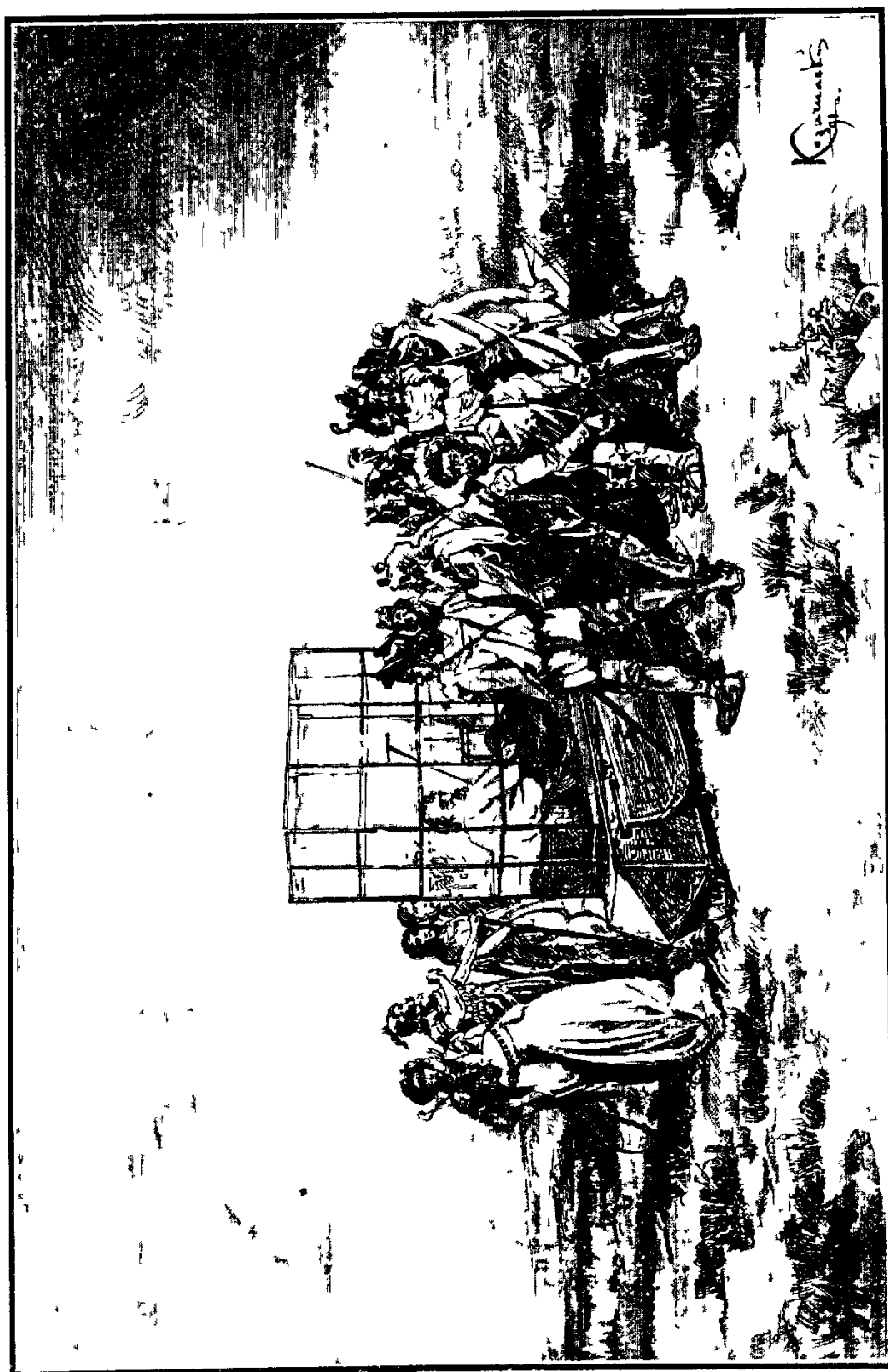
Утомленный продолжительнымъ перелетомъ съ Меркурія, я вошелъ въ будку и улегся на ночлегъ... «До завтра!» рѣшилъ я: «Завтра на мои вопросы получатся отвѣты!..»

Разумѣется, я долго не могъ уснуть, какъ всегда бываетъ на новомъ мѣстѣ; но наконецъ уснулъ... и когда проснулся, было уже утро, и неожиданный-негаданный сюрпризъ ожидалъ меня...

Птицу свою и себя съ нею я увидѣлъ окруженною... *людьми*! Но какіе люди! Ростомъ съ нашихъ, одѣты, а не голы, цвѣтъ кожи у нихъ смуглый, какъ напр. у итальянцевъ, черноволосые и... *двуглазые*! Только лица у нихъ очень узки, и глаза, поэтому, слишкомъ близки другъ къ другу... Въ общемъ — довольно красивый народъ!

«Ага!» подумалъ я: «Значитъ, Венера — культурный міръ!»

Что-же дѣлали эти люди?.. Большинство съ любопытствомъ разглядывало мою птицу, а меньшинство, повидимому авторитетные, власть имѣющіе, безцеремонно стучали тростями своими въ стекла моей будки... Отъ этого стука я и проснулся!..

Я всталъ, вышелъ изъ будки и сдѣлалъ имъ общій реверансъ... Никто не отвѣтилъ мнѣ никакимъ жестомъ, а немедленно тѣ, кто стучались ко мнѣ, засыпали меня кучею вопросовъ, указывая на птицу... Лица ихъ были серьезны и даже строги: видно было, что имъ ни я, ни машина моя не нравились! Конечно, я ничего не понялъ изъ ихъ вопросовъ, но догадался, что дѣло идетъ о томъ, кто я и откуда явился въ нимъ, и что за вещь такая моя птица...

Зная, что моего языка они также не поймутъ, я тѣмъ не мѣнѣе сказалъ имъ:

— Милостивые государи! Я съ Земли, я вашъ ближайшій сосѣдъ! Машина, которую вы видите, помогла мнѣ прилетѣть сюда... Мое единственное намереніе — познакомиться съ вами и съ вашей планетою... Можете быть увѣрены, что другихъ намѣреній нѣтъ у меня никакихъ!..

Выслушавъ меня, они сомнительно покачали головами и, перекинувшись нѣсколькими замѣчаніями, жестомъ пригласили меня слѣдовать за собою...

Съ этой цѣлью они плотно окружили меня... Нечего было дѣлать: я взялъ за ремень мою птицу и повезъ ее за собою (она у меня на колесахъ), идя въ этой недружелюбной толпѣ.. Выходило, такимъ образомъ, что они меня арестовали, заподозривъ въ чемъ-то непозволительномъ... «Неудаченъ мой первый шагъ на Венерѣ!» подумалъ я: «Вѣроятно — приведутъ въ городъ и посадятъ, пожалуй, въ заключеніе!..» Я посмотрѣлъ внимательно впередъ: дѣйствительно виднѣлся городъ, и очень близко: вчерашняя темная масса на горизонтѣ, которой ночью я не могъ разглядѣть, былъ этотъ самый городъ; я, стало быть, вчера опустился на почву въ его окрестностяхъ... Мы прошли около четверти версты, и стали спускаться къ жалкому мостику черезъ ровъ, состоявшему изъ трехъ широкихъ досокъ и безъ перилъ... Воспользовавшись тѣмъ что меня пропустили впередъ, не желая оставить назади, я мгновенно вскочилъ въ будку и, давъ машинѣ движеніе, поднялся вверхъ... Раздались крики изумленія и угрозъ: потрясали кулаками и палками по моему адресу, но было бесполезно: птица моя была уже высоко надъ ихъ головами, а въ отвѣтъ на эти любезности я снялъ шляпу и насмѣшливо раскланялся направо и налево...

II.

Я нашелъ, что лучше быть свободнымъ, чѣмъ сидѣть въ неволѣ, которая богъ-знаетъ чѣмъ можетъ кончиться, и принялъ такое рѣшеніе: днемъ обозрѣвать страны Венеры, летая невысоко на птицѣ — для избѣжанія подобныхъ непріятныхъ встрѣчъ, а ночевать гдѣ-нибудь въ лѣсу, далеко отъ населенныхъ мѣстъ; можно и днемъ сдѣлать гдѣ-нибудь короткую остановку, но непременно — вдали отъ этихъ милыхъ людей... «Вотъ тебѣ и *цивилизція!*» подумалъ я не безъ горечи... Но въ ту-же минуту успокоился, вспомнивъ истину, что цивилизація вообще не обходится безъ недоразумѣній, и принялся разсматривать то, среди чего находился...

Я летѣлъ уже надъ *городомъ*... Но что это за городъ! Жалкія мазанки и лачуги изъ прутьевъ и глины, съ остроконечными крышами изъ прутьевъ-же, покрытыхъ кожами животныхъ!.. Ни улицъ, ни даже широкихъ дорогъ, а только тропинки между постройками!.. Въмѣсто дворовъ — небольшіе садики *передъ* каждымъ жильемъ, а не назади, какъ у насъ на Землѣ... Въ центрѣ города замѣтна была длинная лачуга, сложенная лучше другихъ и не имѣвшая передъ собою сада: вѣроятно это былъ домъ начальника, или храмъ какого-нибудь бога.

Городъ былъ въ ажитаціи: всѣ жители высыпали изъ своихъ жилищъ и съ крайнимъ любопытствомъ глядѣли на меня, задирая кверху головы... Я глядѣлъ тоже на нихъ — въ зрительную трубку... Не слышно было никакого шума, обычнаго въ такихъ случаяхъ,— я

летѣлъ довольно высоко, — но за то я видѣлъ хорошо, какъ эти узкія фізіономіи враждебно и съ некоторымъ страхомъ созерцали меня и мою машину, и какъ шевелились губы на этихъ фізіономіяхъ и раскрывались рты: конечно, судили и рядили обо мнѣ во всевозможныхъ смыслахъ!.. Нѣкоторые указывали на меня среднимъ большимъ пальцемъ, и я замѣтилъ, что руки у нихъ, какъ у меркуріанцевъ, трехпалый... Одежда-же ихъ состоитъ изъ рубашекъ и весьма короткихъ панталонъ, не достигающихъ на вершокъ до ступней ногъ, а ноги въ какихъ-то неуклюжихъ башмакахъ, сшитыхъ изъ кожи, съ шерстью на верху. И рубашки, и панталоны сдѣланы изъ грубой ткани, окрашенной въ желтый цвѣтъ; на головахъ шапки изъ той-же кожи, которая на обуви, и сѣрая шерсть ея торчитъ также на верху шапокъ.

Да, вотъ люди!.. Двуглазые, съ узкими лицами, нравомъ непривѣтливые, но трехпалые!.. Конечно, и на ногахъ у нихъ по три пальца... Человѣчество на Венерѣ, стало быть, составляетъ переходъ отъ меркуріальнаго къ земному — и въ физическомъ отношеніи, и въ духовномъ...

Я усилилъ полетъ птицы, найдя, что довольно съ меня города и его обитателей, и скоро онъ остался назади и скрылся изъ виду. Городъ оказался довольно обширнымъ, раскинутымъ на обоихъ берегахъ небольшой рѣчки; черезъ рѣчку были перекинута мосты въ двухъ пунктахъ, деревянные, первобытной конструкціи, но уже съ перилами... Венеріанцы, значитъ, находятъ, что свалиться въ пустой ровъ не такъ опасно, какъ въ рѣку... Резонно, конечно!.. Во всемъ городѣ ничего я не открылъ замѣчательнаго, кромѣ тѣхъ-же мазанокъ и садиловъ передъ ними.

Я занялся разсматриваемъ видовъ.

Начну съ неба.

Погода какъ разъ выдалась ясная. Небо оказалось желтоватаго цвѣта, съ сильной примѣсью золотистаго оттѣнка но безъ всякой бѣлизны, которая преобладаетъ такъ на Меркуріи. Оно было также прекрасно въ своемъ родѣ! Этотъ нужный желтый цвѣтъ сообщалъ веселый видъ пейзажамъ (но не людямъ, къ сожалѣнію), придавая имъ живость, характерную колоритность. Растительность была сине-голубого цвѣта и травы и деревья, между которыми многія выдѣлялись даже совсѣмъ зеленою окраскою. Трава состояла изъ такихъ-же трубкообразныхъ стеблей съ шишками на верху какъ на Меркуріи, но за то листья на деревьяхъ были уже въ родѣ нашихъ, хотя еще очень узкіе; они мнѣ напомнили узкія лица людей... Стволы-же и сучья ихъ были покрыты зеленою корою, темнаго оттѣнка у корней и свѣтлаго вверху. Попадалось также очень много зеленыхъ цвѣтовъ, гораздо больше, чѣмъ на Меркуріи. Въ этомъ усиленіи зеленого цвѣта чувствовался также переходъ къ флорѣ нашей Земли.

Все это я изслѣдовалъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу, остановившись въ самомъ дикомъ мѣстѣ, среди первобытнаго лѣса... Странно, но прелестно было видѣть себя окруженнымъ сине-голубою растительностью, сочною, блестящею, свѣжею и весьма крупною!.. Я съ наслажденіемъ растянулся на густой синей травѣ, усыянной множествомъ цвѣтовъ всякихъ красокъ, и съ умиленіемъ глядѣлъ то на эти высокія деревья съ синими и голубыми узкими листьями и съ зелеными стволами, то на полосы и кусочки золотисто-желтаго неба, виднѣвшіеся сквозь ихъ верхушки..." «Вотъ она *Венера!*» думалось мнѣ: «Напрасно древніе поэты и художники изображали ее *бѣлокурою* красавицей: на самомъ дѣлѣ она не такова, — она синекудрая, то-есть, напротивъ, *брюнетка!*»

Да, синекудрая! Потому что не только растительность усвоила себѣ этотъ цвѣтъ, но даже многія изъ птицъ покрыты синими перьями, но *скачущихъ* я не видѣлъ между ними;

висящихъ въ воздухѣ также не видѣлъ. Ни тѣхъ, ни другихъ, вѣроятно, и нѣтъ совсѣмъ, такъ какъ всѣ предметовъ на Венерѣ весьма немногимъ меньше земного. Это уже замѣтно и по тому обстоятельству, что здѣсь я вовсе не ощущалъ той легкости въ движеніяхъ, которая такъ поражала меня на Меркуріи.

Замѣтилъ и животныхъ: какія-то четвероногія, въ родѣ нашихъ лисицъ, и другія, похожія на собакъ, темносѣрой шерсти, иногда пробирались вдали, въ лѣсной чащѣ, изумленно поглядывая на меня и, послѣ короткаго раздумья, по спѣшно исчезая... Люди, въ силу своей начавшейся цивилизаціи, достаточно уже, должно быть, извѣстны имъ!.. И птицы, и животныя — тоже двуглазья, подобно людямъ.

Я попалъ въ умѣренный климата, а не въ тропическій, и потому спокойно довѣрялся этой лѣсной глуши, зная, что она не скрываетъ въ себѣ ни опасныхъ звѣрей, ни такихъ же гадовъ. Около трехъ часовъ провелъ я въ этомъ чудномъ мѣстечкѣ, то отдыхая на травѣ, то прогуливаясь по окрестному лѣсу и наблюдая флору и фауну. Отъ этихъ негостепріимныхъ людей, пытавшихся даже лишить меня свободы, я отлетѣлъ верстъ за 70, и потому не опасался погони: да и какъ-бы они стали гнаться за мною, не умѣя летать?

Да, летать — великое благо для человѣка! Что значить *летать*?.. Это значить не имѣть никакого дѣла ни съ почвою, на которой живешь, ни съ безчисленными препятствіями и преградами, которыя воздвигаетъ она на твоёмъ пути!.. Это значить не пачкаться ни въ пыли, ни въ грязи, и не тратить силъ своихъ, попирая ногами, въ передвиженіяхъ своихъ съ мѣста на мѣсто, эту самую почву!.. Наконецъ, это значить экономно расходовать драгоцѣнное время въ разныхъ далекихъ путяхъ!.. Не говорю уже о деньгахъ, которыя въ огромномъ количествѣ поглощаются и устройствомъ разныхъ путей сообщенія, и путешествіями по этимъ путямъ!.. Да вотъ что значить *летать*!

Удовольствовавшись и отдыхомъ, и наблюденіями, я полетѣлъ дальше.

Я посѣтилъ всѣ поясы Венеры — отъ умѣреннаго до тропическаго и холоднаго, и видѣлъ много разнообразныхъ картинъ. Въ тропическихъ странахъ, какъ и у насъ, роскошная природа, принимающая исключительно темносиній цвѣтъ въ своей флорѣ; попадаются даже деревья и кустарники совсѣмъ почти зеленаго цвѣта, усыяннаго золотистыми точками и я не могъ глазъ своихъ оторвать отъ этой странной окраски: такъ она оригинальна и красива!.. Видѣлъ и большихъ животныхъ, въ родѣ нашихъ слоновъ и носороговъ, видѣлъ и хищныхъ, кровожадныхъ, совсѣмъ почти похожихъ на земныхъ львовъ, тигровъ, барсовъ и т. п... И мнѣ доставляло странное удовольствіе — подкрадываться, летя съ этой цѣлью низко на своей птицѣ, къ этимъ хищникамъ и толкать ихъ длинными прутьями, которыхъ всегда былъ у меня большой запасъ... Они сначала вздрагивали отъ такой неожиданности, но, увидѣвъ меня и мою машину надъ собою, глухо рычали и обращались въ бѣгство: врагъ казался имъ слишкомъ необычайнымъ и потому опаснымъ!.. И только тигры иногда дѣлали скачки вверхъ, пытаясь достать меня, и страшно ревѣли отъ злости, когда я продолжалъ толкать ихъ... Они азартно ловили и лапами, и зубами пруть и, поймавъ его наконецъ, изгрызали въ щепки — въ безсильной ярости... Я имъ охотно бросалъ пойманный ими пруть въ жертву и принимался дразнить и хлестать ихъ новымъ прутомъ... Уставъ ревѣть и бѣситься, они поджимали хвосты свои и, сконфуженные, бросались бѣжать куда-попало... Эта возня съ ними служила мнѣ также полезной гимнастикой — по части упражненія ручныхъ мускуловъ...

Видѣлъ я и людей въ этихъ тропическихъ странахъ. Какъ и на Меркуріи, они тамъ пребываютъ еще на самой низкой ступени развитія: обходятся безъ одежды и живутъ въ шалашахъ и въ какихъ-то мрачныхъ землянкахъ; никакихъ поселеній, въ смыслѣ городовъ,

нигдѣ не приходилось мнѣ замѣтить у нихъ. Кожа у нихъ совсѣмъ черная, но лица не узки уже, а довольно широки, и глаза не такъ близко расположены другъ къ другу, какъ у ихъ сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей; но за то лбы у нихъ крайне узки и покаты, а подбородки совсѣмъ четырехугольные, что весьма безобразно, ихъ.

Они съ крайнимъ смятеніемъ и ужасомъ наблюдали мой полетъ, принимая меня, конечно, за какое-нибудь божество, которому стоитъ только шевельнуть бровью, чтобы мгновенно истребить ихъ съ ихъ жалкими жилищами... Я думаю, что мои частые пролеты надъ ихъ территоріями подали поводъ къ появленію новыхъ суевѣрій между ними; но что-же мнѣ было дѣлать для устранения этого зла, котораго я былъ невольною причиною?.. Незнание ихъ языка исключало всякую возможность дѣйствовать на нихъ словомъ; дѣйствовать-же примѣромъ значило поселиться между ними на неопредѣленное время, что не входило въ мои планы.

Я пролеталъ надъ многими странами двухъ умѣренныхъ поясовъ (сѣвернаго и южнаго), но нигдѣ не нашелъ культуры выше лачугъ и мазанокъ того народа, который такъ нелюбезно принялъ меня. Разница замѣчалась только въ формѣ построекъ: жилища были то круглыя, то квадратныя, то шестиугольныя, но все-же изъ дерева, съ участіемъ всякаго связующаго матеріала, который даетъ окружающая почва; выдѣлялись только жилища начальствующихъ лицъ своимъ большимъ объемомъ и длинными шестами на крышахъ, вѣроятно — для внушительности... Или это, можетъ быть, были храмы?..

Одежды людей состояли изъ разныхъ грубыхъ тканей различныхъ цвѣтовъ, причемъ въ иныхъ мѣстностяхъ совсѣмъ не носили панталонъ; эта часть костюма замѣнялась длинными рубахами, перехваченными поясами, а на плечи накидывались плащи, чаще всего бѣлаго цвѣта. У женщинъ рубахи были еще длиннѣе мужскихъ, но за то вмѣсто плащей онѣ носили легія накидки, граціозно облекавшія ихъ плечи а волосы ихъ были тщательно расчесаны и перевиты множествомъ красныхъ или желтыхъ лентъ изъ тѣхъ-же матерій Женщины были очень красивы и стройны, не смотря на ихъ типичную узкость лицъ; даже у тропическихъ дикарей онѣ были довольно пріятны лицомъ, хотя и мѣшали имъ быть красавицами узкіе лбы и четырехугольные подбородки.

Холодныя страны, какъ и на Меркуріи, необитаемы также на Венерѣ.

Таково человѣчество на этой планетѣ: и въ смыслѣ умственного развитія оно составляетъ переходъ отъ меркуріальнаго къ земному; но этотъ переходъ такъ еще слабъ, что венеріанцамъ не одну еще тысячу лѣтъ придется поработать, чтобы дойти до общественнаго устройства современной намъ Европы. Меркуріанцы совсѣмъ еще не начинали своей гражданской исторіи, а обитатели Венеры только еще начали ее.

III.

Морей на Венерѣ гораздо больше, чѣмъ на Меркуріи, но масса ихъ все-таки не превышаетъ массы суши. Главнымъ образомъ они расположены на экваторѣ, что значительно умѣряетъ экваторіальный зной тропическихъ странъ. Вода въ морѣ принимаетъ желтовато-золотистый цвѣтъ неба и является прелестною вещью въ своемъ родѣ, какъ молочная вода Меркурія. Ночью она становится совсѣмъ темною, и только брызжетъ золотыми искрами, волнуемая вѣтромъ...

На материкахъ много горныхъ цѣпей и высокихъ горныхъ вершинъ, украшенныхъ вѣчными снѣгами. Есть и вулканы, дѣйствующие и погасшіе; первые означаются легкимъ дымомъ, вѣчно окружающимъ ихъ кратеры, и необитаемою вокругъ мѣстностью, какъ-бы ни была она богата по своимъ физическимъ свойствамъ: венеріанцы умнѣе въ этомъ случаѣ насъ, не боящихся селиться у самыхъ вулкановъ и гибнущихъ за то при каждомъ

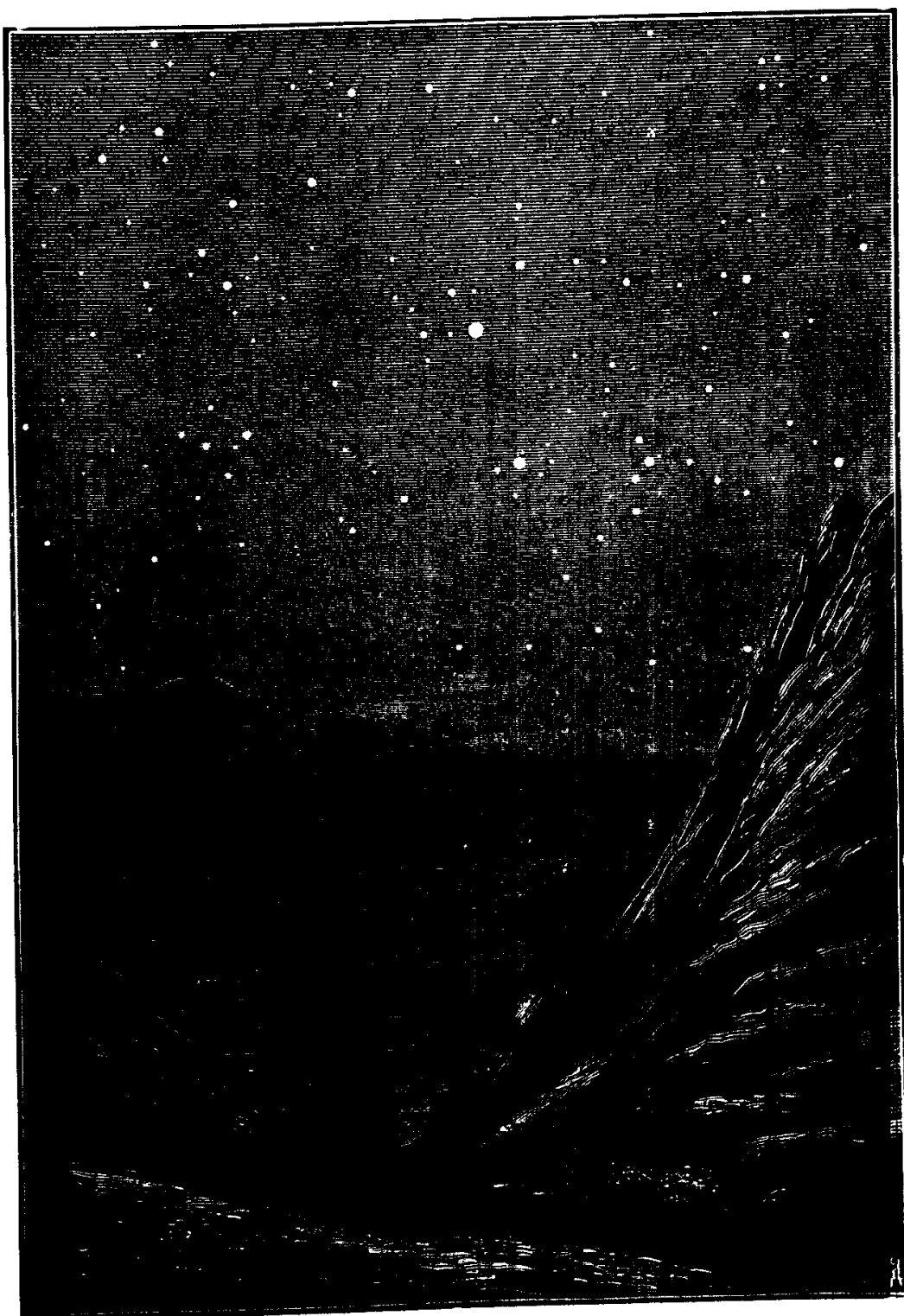
изверженіи ихъ... Они предоставляютъ такія страны своимъ будущимъ потомкамъ, можетъ быть очень отдаленнымъ, но ко времени которыхъ за то потухнуть, конечно, многіе изъ вулкановъ...

Солнце съ Венеры представляется только немногимъ больше нашего, и вслѣдствіе этого не такъ сильно жжетъ, какъ на Меркуріи, но теплота и свѣтъ его все-таки значительнѣе, чѣмъ на Землѣ. Земля же съ Венеры, въ ряду звѣздъ ночныхъ, блеститъ звѣздою первой величины, гораздо крупнѣе, чѣмъ съ Меркурія. Я наблюдалъ ее въ зрительную трубу: тамъ она уже является величиною съ двугривенный, свѣтя яркимъ, почти бѣлымъ свѣтомъ, а Луна была значительно болѣе булавочной головки.

Обращеніе вокругъ своей оси Венера совершаетъ въ 23 часа, 21 минуту и 22 секунды. Итакъ, оказывается, что на трехъ планетахъ, самыхъ близкихъ къ Солнцу, сутки почти одинаковой продолжительности: вся разница въ немногихъ минутахъ и секундахъ. Такъ какъ Венера совершаетъ свой обходъ вокругъ Солнца въ 225 сутокъ (безъ 8 часовъ), то въ этомъ состоитъ ея годъ, который, стало быть, короче нашего на 140 сутокъ. Времена года, такимъ образомъ, занимаютъ, каждое, 56 сутокъ и являются болѣе чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза продолжительнѣе временъ года меркуріальныхъ. Представляется, вслѣдствіе этого, возможность ввести въ календарь мѣсяцы, слагающіеся, каждый, изъ 28 дней, за исключеніемъ одного, на долю котораго должно приходиться 29 дней. Мѣсяцевъ въ году, по такому календарю, должно быть 8 (по 2 на каждое время года). Разсчетъ этотъ, конечно, не вполне точенъ, а только *приблизителенъ*, такъ какъ въ 225 годовыхъ суткахъ Венеры *не достаётъ 8 часовъ*.

Но жизнь живыхъ существъ на Венерѣ все-таки короче на 140 сутокъ ежегодно земной жизни. Человѣкъ, прожившій на Землѣ 50 лѣтъ, равняется, по годамъ своимъ 81-лѣтнему старику на Венерѣ. Нашъ ребенокъ 1 года равенъ по времени, прожитому имъ на Землѣ, ребенку на Венерѣ, прожившему 1 годъ, 4 мѣсяца и 20 дней *).

* Разсчетъ этотъ дѣлается весьма просто: въ 50 годахъ земныхъ 18 250 сутокъ (50×365); раздѣляя это число на 225 (число сутокъ на Венерѣ) получаемъ 81 годъ (венерскій) и еще, въ остаткѣ, 25 сутокъ. Такимъ образомъ, *точно* говоря, 50 лѣтъ земныхъ равняются 81 году и, 25 *суткамъ* на Венерѣ.

Земля на небѣ Венеры.

ТАИНСТВЕННЫЙ МІРЪ

Послѣ Венеры у меня предположено было посѣтить Марса; но такъ какъ путь на эту планету ведетъ мимо нашей Земли (она *третья* планета отъ Солнца), то я вознамѣрился, по дорогѣ къ Марсу, посѣтить Луну.

Я очутился какъ разъ на томъ ея полушаріи, которое обращено къ Землѣ.

Это очень оригинальная планета: будучи спутникомъ другой, то-есть нашей Земли, она обречена судьбой обращаться около нея и, въ то же время, около своей оси и вокругъ Солнца — вмѣстѣ съ Землею. Первыя два движенія она совершаетъ, такъ сказать, за *одинъ разъ*, обходя Землю и вращаясь на своей оси въ продолженіе, приблизительно, 28 сутокъ; по этой причинѣ она неизмѣнно обращена къ Землѣ всегда однимъ полушаріемъ, и другого, такимъ образомъ, мы никогда не видимъ. Орбита ея вокругъ Земли эллиптическая (какъ всѣхъ вообще планетъ), и потому, въ два разные періода времени, она бываетъ то наиболѣе близка къ Землѣ, то наиболѣе удалена отъ ней. Въ первый періодъ, называемый *перигеемъ*, она отстоитъ отъ Земли на 340,513 верстъ, во второй, который называется *апогеемъ*, она удаляется отъ насъ на 380,080 верстъ.

Луна — небольшое тѣло: она меньше Земли почти въ 50 разъ. Она не болѣе, какъ *дочь* нашей планеты, точно такъ какъ другія тѣла нашей солнечной системы — дѣти Солнца. Въ первобытныя времена, отдаленность которыхъ умъ человѣческій и представить себѣ не можетъ, Солнце было газообразной и чудовищной величины массой, вращавшейся, какъ и теперь, вокругъ своей оси; во время этого вращенія, многія части этой массы, и большія, и малыя, отдѣлились отъ ней и образовали самостоятельныя тѣла, каковы, напр., Меркурій, Венера, Земля и пр. Отъ нѣкоторыхъ ихъ этихъ, въ свою очередь, отдѣлились также массы матеріи и превратились въ ихъ *спутниковъ*. Таково происхожденіе Луны.

Мой прилетъ на Луну случился среди ея дня... Необычайный этотъ «день», невиданный мною нигдѣ въ мірѣ! Онъ длится 14 сутокъ, то-есть — *два недѣли*! Необычайна и *ночь* на этой планетѣ: она длится другія 14 сутокъ! Причина чудовищности такихъ дней и ночей кроется въ чрезмѣрной медленности обращенія Луны вокругъ своей оси и, въ то же время, вокругъ Земли: и то, и другое она совершаетъ одновременно, въ 28 сутокъ (какъ уже сказано выше). Въ одну половину пути ея вокругъ Земли (14 сутокъ) освѣщается Солнцемъ та, напр., сторона ея, которая обращена къ намъ: тогда на этой сторонѣ *день* (видимый нами въ нашу *ночь*), а на другой, никогда невидимой нами, происходитъ ночь. Въ другую половину пути вокругъ Земли (другія 14 сутокъ) Солнце освѣщаетъ ту ея сторону, которая постоянно скрыта отъ насъ: тогда на той сторонѣ совершается день, а на сторонѣ, обращенной къ Землѣ, царитъ 14-ти-суточная ночь (во время нашего дня, или правильнѣе говоря, во время нашихъ 14 сутокъ)...

Такимъ образомъ, собственно говоря, *лунныя сутки* равняются земнымъ 28 суткамъ!.. Какими часами измѣрять ихъ?.. Конечно, не нашими,— они на Лунѣ не годятся! Если въ *лунномъ днѣ*, приблизительно, 354 часа земныхъ, то *лунный часъ* долженъ равняться 29½ часамъ земнымъ, то-есть цѣлымъ нашимъ суткамъ, да еще, сверхъ того, 5 часамъ и 30 минутамъ!..

По нашему, по земному, мы не можемъ представить себѣ, что это за часъ, продолжающійся почти *сутки съ четвертью*, или что это за минута, которая длится 29½ нашихъ минутъ, или почти *полчаса!*..

Да, удивительныя явленія совершаются во вселенной и, такъ сказать, *передъ нашими глазами*, но мы ихъ, однако же, не замѣчаемъ!..

Я вступилъ на почву Луны среди живописной мѣстности, изрытой ущельями и пропастями и усѣянной горами разныхъ высота и видовъ... Опускаясь на эту почву, которой ни одинъ обитатель Земли не попиралъ еще своими ногами, я долго не видѣлъ удобнаго мѣста, на которомъ можно было-бы остановиться; наконецъ выбралъ одну узенькую, но длинную площадку на сильно покатой равнинѣ, и сталъ на ней съ моей машиной... Еще за версту до лунной поверхности, я уже убѣдился, что на планетѣ есть атмосфера, и очень обрадовался такому открытію: не предстояло надобности въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, практикуемыхъ въ безвоздушныхъ пространствахъ между планетами... О присутствіи атмосферы говорили тѣ явленія, съ которыми я подробно познакомился, высадившись на самую Луну.

Во-первыхъ, небо было не черное, какъ въ безвоздушныхъ пространствахъ, а *синяго* цвѣта. Эта синивна гуще, темнѣе синизны земного неба.

Во-вторыхъ, Солнце являлось правильнымъ золотымъ шаромъ, золота, однакоже, *темножелтаго*, а не свѣтложелтаго какъ у насъ.

Въ-третьихъ, равнины и долины покрыты были растительностью, большей частью *темнозеленаго* цвѣта. Рѣже можно было встрѣтить свѣтлозеленый цвѣтъ, который такъ обыкновененъ на Землѣ.

Въ-четвертыхъ — имѣлся воздухъ, — можно было дышать. И такъ *личнымъ* опытомъ я убѣдился, что наши астрономы ошибаются, полагая, что на Лунѣ нѣтъ атмосферы: напротивъ, есть, хотя и небольшое количество, приблизительно — версты на двѣ въ высоту. Это количество, безъ сомнѣнія — остатокъ прежней полной атмосферы, все-же еще позволяетъ дышать живымъ существамъ, но, по незначительности своей, не производитъ никакихъ явленій, которыя были-бы замѣтны нашимъ наблюдателямъ. И вотъ почему послѣдніе пришли къ заключенію, что нашъ спутникъ лишенъ атмосферы.

И я сталъ искать этихъ *живыхъ существъ*, видя, что можно дышать, и можно, стало быть, жить въ этомъ таинственномъ мірѣ...

Прежде всего я обратилъ вниманіе на флору, которая тамъ и сямъ виднѣлась кругомъ... Что это за флора?.. Во-первыхъ, это была трава, совершенно такая же какъ у насъ, и того же зеленаго цвѣта; между нею изрѣдка попадались цвѣты, — желтыя астры, голубые колокольчики и какіе-то странные, невиданные на Землѣ, темнокрасные трехугольники, съ шариками на верху совсѣмъ почти чернаго цвѣта. Я ощупывалъ всѣ эти полевые злаки, и нашелъ ихъ жесткими, чрезвычайно сухими, и безъ всякаго опредѣленнаго запаха.

Во-вторыхъ, это были кустарниковые лѣса, разбросанные по склонамъ горъ и въ глубокихъ долинахъ. Низкія деревца, не болѣе роста человѣка, съ круглыми жесткими, темнозеленаго цвѣта, листьями, похожія на наши осины, и кустовыя растенія съ весьма длинными и узкими листьями; не похожія ни на одну земную породу, составляли большую часть этихъ карликовыхъ лѣсовъ; другія породы, рѣже встрѣчаемыя, на поминали наши клены, вязы и акаціи. Все это также было жестко, сухо и лишено всякаго характеристическаго запаха.

Фауна оказалась еще бѣднѣе: изъ насѣкомыхъ я видѣлъ только мухъ, пчелъ, бабочекъ и жуковъ; изъ птицъ — какихъ-то мелкихъ свистуновъ и молчаливыхъ шарообразныхъ созданий, напоминавшихъ немного нашихъ воронъ, а изъ четвероногихъ — собакъ и лисицъ... Собаки были въ дикомъ или одичаломъ состояніи: завидѣвъ меня, онѣ какъ-то странно и отрывисто завывали неприятными голосами, и медленно, съ достоинствомъ, прятались въ лѣсную чащу...

Водныхъ массъ нигдѣ не было замѣтно: взоры мои не открыли нигдѣ ни моря, ни озера, ни рѣки,— да не встрѣтилъ я ничего подобнаго впослѣдствіи и на всей планетѣ. Только между горъ, по дну ущелій, шумѣли водные потоки, узкіе и пѣнистые, прыгая по камнямъ и стремясь выбраться на какую-нибудь низину, чтобы тамъ разлиться и всосаться въ мягкую почву. Въ этихъ скромныхъ потокахъ, которыхъ даже нельзя назвать ручьями, состоитъ вся гидрографія современной намъ Луны!..

II.

Уцѣлѣли остатки и *человѣческой* породы въ этомъ отживающемъ мірѣ, какъ я убѣдился въ тотъ-же долгій 14-ти-суточный день...

Отдохнувъ часа два-три (по земному времени), я сѣлъ на птицу и полетѣлъ дальше.

Я пролеталъ надъ дивной панорамой лунныхъ пейзажей, которымъ очень мало подобнаго видѣлъ на Меркуріи и Венерѣ. Особенность лунной поверхности заключается въ томъ, что она на $\frac{9}{10}$ усыяна горами, узкими долинами и пропастями, и только $\frac{1}{10}$ ея пространства представляетъ ровныя и низменныя мѣстности. Вторыя, по всей вѣроятности, заняты были въ прежнее время морями, и астрономы не даромъ сохранили за ними этотъ титулъ, ничѣмъ теперь, разумѣется, не оправдываемый. Теперь эти моря заросли травой, а отчасти и кустарниками, чего никакъ нельзя разглядѣть съ Земли въ телескопы... Пролетѣвъ верстъ 200 надъ этимъ въ своемъ родѣ моремъ горъ, ущелій, скалъ, нагроможденныхъ другъ на друга и т. п., я замѣтилъ, въ одной долиנѣ, какія-то каменные постройки грубой работы... Я немедленно опустился на эту долину и сошелъ съ птицы...

Я увидѣлъ передъ собою рядъ каменныхъ домиковъ, сложенныхъ изъ дикаго камня, въ родѣ гранита, скрѣпленнаго какимъ-то краснымъ цементомъ. Крыши также были каменные и плоскія, какъ у насъ на востокѣ. Домики были съ дверями и съ двумя окнами на лицо, и поставлены въ одну прямую линію, соединяясь другъ съ другомъ каменною же низкою оградой съ воротами у каждого дома; ворота вели во дворы... Въ общемъ, это былъ поселокъ, состоявшій изъ 16 дворовъ или домовъ (какъ потомъ я сосчиталъ), которые образовывали улицу въ одну линію...

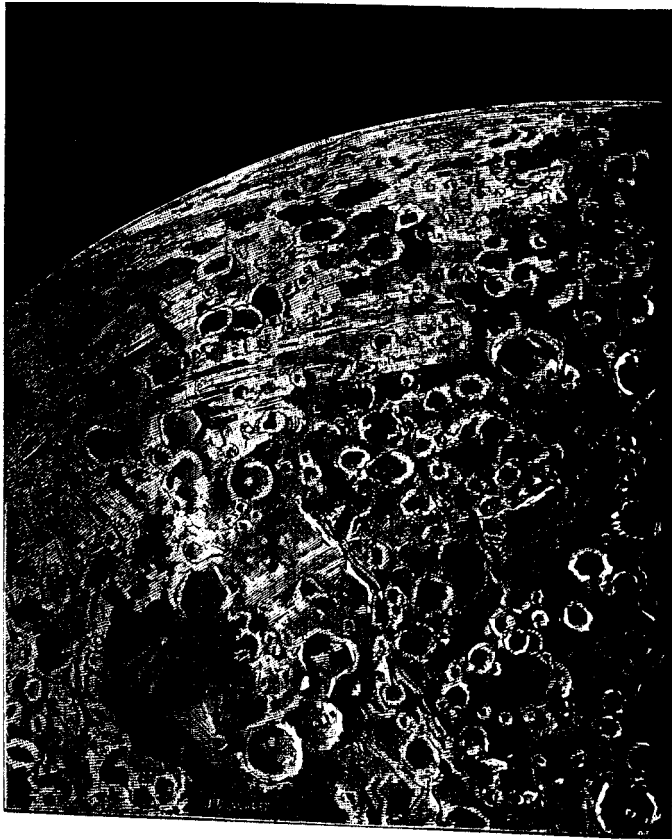
День былъ чрезвычайно жарокъ, хотя это было (какъ потомъ оказалось) въ умѣренномъ поясѣ. Я смѣло подошелъ къ первому домику и, сильно возбужденный своимъ открытіемъ, постучался въ дверь...

«Что тутъ за люди?.. И какъ они примутъ меня?..» задавалъ я себѣ вопросы...

Прошло нѣсколько минутъ, прошло четверть часа, прошло полчаса,— никакого отвѣта не послѣдовало... Я постучался снова, но опять никакого отвѣта не получилъ... Еще разъ постучался — и опять ничего... «Что это значитъ?» спрашивалъ я себя: «Нѣтъ никого дома, или, можетъ быть, домики эти пустые, давно заброшенные?..»

Я подошелъ къ слѣдующему домику и постучался также въ его дверь... Прошло опять довольно времени,— и опять никто мнѣ ничѣмъ не отвѣтилъ...

Тогда я рѣшилъ, что поселокъ необитаемъ, или, можетъ быть, жители его на полевыхъ работахъ...

Стучаться въ слѣдующій за этимъ домикъ я уже не захотѣлъ и вернулся къ своей птицѣ съ намѣреніемъ выждать нѣсколько времени, чтобы сдѣлать еще попытку.

Я внимательно окинулъ глазами долину, но ничего культурнаго на ней не замѣтилъ: ее покрывала обычная трава съ цвѣтами кое-гдѣ; по окраинамъ, у горныхъ подошвъ, росли кустарники. Нигдѣ ни одного воздѣланнаго клочка почвы и ни одного человѣческаго существа... А кругомъ горы и скалы, ущелья и пропасти, и надо всѣмъ — темносинее небо съ жаркимъ солнцемъ... Ни малѣйшаго облачка на этомъ странномъ небѣ, потому что Луна, потерявъ почти всю свою атмосферу (ничтожный остатокъ ея не идетъ въ счетъ), давно уже не знаетъ ни облаковъ и никакихъ вообще испареній... Дни и ночи на ней поэтому вѣчно ясны...

Проведя болѣе часу въ разсматриваніи мѣстности, обойдя вокругъ всю долину, я вернулся въ поселокъ и снова постучался у перваго домика...

Тогда дверь невообразимо тихо и нескоро открылась: она постепенно открывалась около четверти часа!.. За нею я увидѣлъ человѣка... Онъ былъ очень высокаго роста; плотень, бѣлъ, съ легкимъ загаромъ на лицѣ и на рукахъ... Лицо его было въ высшей степени поразительнаго вида: оно было весьма длинное и выпуклое — въ видѣ большой длинной дыни; соразмѣрно ему и все было крупно на немъ — глаза, носъ, ротъ и уши. Глаза были косо расположены, но не такъ какъ у нашихъ китайцевъ, а въ обратномъ видѣ, образуя уголъ, обращенный остріемъ своимъ вверхъ ($\wedge$)... Руки у него были пятипалыя... Одежда его состояла изъ рубашки, панталонъ и балахона, перехваченнаго двумя поясами — подъ мышками и у стана... Все это было сдѣлано изъ грубой ткани, свѣтло-желтаго цвѣта на рубашкѣ и синяго на балахонѣ и панталонахъ; пояса были красные, изъ такой-же ткани. На ногахъ была кожаная обувь сѣраго цвѣта, напоминавшая наши туфли или калоши...

Увидѣвъ меня, онъ чрезвычайно медленно и постепенно сталъ приподнимать правую руку и наконецъ положилъ ее на свою выпуклую голову, покрытую густыми черными волосами... Въ этомъ прошла еще добрая четверть часа!.. Въ большихъ сѣро-зеленыхъ глазахъ его засвѣтилось крайнее любопытство, и онъ тихо произнесъ, по складамъ, слѣдующую фразу:

— Ошъ-но-ка-ро-ме?..

Это значило, вѣроятно, «кто вы такой?» или «что вамъ угодно?..»

Я положилъ тоже правую руку на свою голову и отвѣтилъ на своемъ, конечно, языкъ:

— Я съ Земли, вашъ, стало быть, самый близкій сосѣдь! Я нашелъ способъ проникнуть на вашу планету, чтобы познакомиться съ нею и съ вами...

При этомъ я показалъ другою рукою вверхъ... Онъ выслушалъ меня внимательно, ничего, разумѣется, не понявъ, и держа все еще правую руку на головѣ, снова сказалъ тихо и по складамъ:

— Но-ра-цей-му...

Это значило «прошу покорно!» или «войдите!» Что-же бы вы думали, мой благосклоннѣйшій читатель?— Мы *цѣлый часъ* провели въ томъ, что медленно передвигались изъ сѣней въ комнату!.. Понятно, я не могъ идти, изъ вѣжливости, скорѣе моего хозяина въ его пріемную!.. Я потомъ догадался, почему я не могъ достучаться въ первое мое посѣщеніе: оказалось, что когда мой первый стукъ въ дверь былъ услышанъ, то такимъ-же образомъ потребовался цѣлый часъ, чтобы выйти въ сѣни и открыть дверь!.. И дверь уже была открыта тогда наконецъ, когда я, по земному, успѣлъ вдоволь нагуляться въ долинѣ, намѣреваясь сдѣлать вторую попытку достучаться!.. Когда мы вошли наконецъ въ комнату, я увидѣлъ въ ней стоявшую по срединѣ женщину. Она была такого-же высокаго роста, такая-же бѣлая и съ загаромъ на лицѣ и на рукахъ, какъ и хозяинъ... И лицо у ней было такого-же типа и склада, съ крупными чертами и съ косыми глазами... Но въ костюмѣ замѣчалась нѣкоторая разница: вмѣсто балахона накинутъ былъ длинный, синяго цвѣта плащъ, застегнутый большими краснымъ шарикомъ съ петлею у горла. Шарикъ и петля были сдѣланы изъ шерсти...

При нашемъ появленіи въ комнатѣ, женщина начала, такъ-же медленно, поднимать правую руку и, положивъ ее наконецъ на голову, лѣвую протянула, съ тою-же медленностью, горизонтально, по направленію къ стѣнѣ, противоположной входной двери: это означало привѣтствіе и приглашеніе сѣсть на почетномъ мѣстѣ... На этомъ почетномъ мѣстѣ было устроено каменное сидѣнье, во всю стѣну, въ видѣ дивана, покрытое желтыми тканями, а передъ нимъ стоялъ длинный деревянный столъ, украшенный разными фигурами, которыя были нарисованы, по бѣлому фону, красными и синими красками. Столъ ничѣмъ не былъ покрытъ... Я сталъ разсматривать убранство комнаты: стѣны были обиты досками изъ мѣстнаго дерева, довольно узкими, потому что стволы деревьевъ незначительной толщины, и украшены рѣшетчатымъ переплетомъ изъ досокъ-же, но вдвое уже первыхъ. Этотъ переплетъ похожъ былъ на рѣшетчатые заборы, окружающіе наши дачи. Полъ и потолокъ были также выложены деревомъ но безъ всякихъ уже украшеній. Два окна, обращенныя на улицу, были средней величины, рамы въ нихъ представляли изъ себя удлиненные квадраты безъ переплета, затянутые красною матеріей, вмѣсто нашего стекла; они были на деревянныхъ шарнирахъ и чуть-чуть полуоткрыты — для пропуска свѣжаго воздуха, отворяясь внутрь. Ихъ красная матерія, сквозь которую проникалъ въ комнату свѣтъ сообщала всей обстановкѣ нѣчто фантастическое, таинственное — по крайней мѣрѣ для меня лично.

Вокругъ прочихъ стѣнъ стояли небольшія деревянныя скамейки съ низкими спинками, окрашенныя въ красный цвѣтъ (тогда какъ столъ былъ бѣлой окраски, разрисованный только цвѣтными фигурами). Боковая дверь направо вела, конечно въ сосѣдную комнату и была плотно закрыта.

Когда мы добрались до почетнаго мѣста и усѣлись на немъ,— причемъ хозяинъ такъ же медленно садился, какъ медленно поднималъ руку, чтобы положить ее на голову,— женщина опустила лѣвую руку и ушла въ сосѣдную комнату. Все это также было сдѣлано съ подобающею медленностью... Я началъ говорить о Землѣ и о Лунѣ, жестикулируя и дѣлая чертежи (при мнѣ была записная книжка съ карандашомъ), говорилъ также о той любознательности, съ которою наши ученые относятся къ Лунѣ, объ обсерваторіяхъ и телескопахъ, рисуя виды ихъ на бумагѣ... Не знаю, понималъ-ли мой необыкновенный собесѣдникъ хоть десятую долю изъ моихъ рѣчей, которыя онъ слушалъ съ сосредоточенною серьезностью, весьма внимательно вглядываясь въ мои чертежи и рисунки и изрѣдка даже произнося слова на своемъ языкѣ... Я нарисовалъ даже птицу мою, приглашая его выйти изъ дому и посмотреть ее... Я въ этой странной бесѣдѣ на двухъ языкахъ, изъ которыхъ ни его мнѣ, ни мой ему не были понятны, провелъ почти *пять часовъ* (земныхъ), и почувствовавъ наконецъ утомленіе, поднялся съ мѣста и, положивъ правую руку на голову, вышелъ изъ домика... мнѣ не хотѣлось проводовъ, которые, если только въ обычаѣ у этихъ людей, еще болѣе прибавили-бы къ моей усталости...

Моя птица стояла саженьяхъ въ 50 отъ поселка, въ тѣни, падавшей на часть долины отъ сосѣдней скалы. Дойдя до ней, я вошелъ въ будку и съ удовольствіемъ улегся на обычномъ мѣстѣ для ночлега. Я ощущалъ небольшую головную боль, и легши, въ ту-же минуту уснулъ, не думая болѣе ни о чемъ.

III.

Я проспалъ около двухъ часовъ, и когда проснулся, чувствовалъ себя свѣжимъ и здоровымъ. Осмотрѣвшись кругомъ я вдругъ замѣтилъ моего недавняго собесѣдника: онъ вышелъ изъ своего дома и направлялся, невидимому, ко мнѣ; онъ былъ въ томъ-же домашнемъ костюмѣ, только голова его покрыта была какимъ-то уборомъ, похожимъ на нашу шапку, или, вѣрнѣе всего, на поварской колпакъ... Разсчитавъ, что по физическому закону, дѣйствующему на Лунѣ, онъ можетъ достигнуть до мѣста моей стоянки не ранѣе 46 или 47 земныхъ часовъ, то-есть болѣе чѣмъ черезъ *сутки съ половиною*, я взялъ птицу за ремень и, везя ее за собою, пошелъ къ нему на-встрѣчу... И когда мы сошлись, я сдѣлалъ ему привѣтствіе, на которое онъ мнѣ отвѣтилъ тѣмъ-же, и показалъ ему рукою на мою машину...

Онъ сталъ внимательно осматривать ее, дотрогиваясь до всего руками и произнося какія-то слова на своемъ языкѣ... Солидное выраженіе лица его получило чуть-чуть замѣтный оттенокъ любознательности, а на губахъ появлялась иногда слабая улыбка... Когда все было осмотрѣно до мелочей, я сѣлъ въ кресло и поднялся вверхъ; опустившись на то-же мѣсто я опять поднялся вверхъ и, давъ машинѣ боковое движеніе, полетѣлъ въ сторону... Сдѣлавъ круговой полетъ надъ долиной, я вернулся къ моему знакомцу и спросилъ его, слегка дотронувшись до правой его руки:

— Ну, какъ вы находите все это?.. Не правда-ли удобно?..

— Кут-ма-хо! Кут-ма-хо!— произнесъ онъ медленно, и такъ-же медленно покачивая головою, въ то время какъ на его лицѣ явственно изображались и удивленіе, и одобреніе... Восклицаніе, вѣроятно, означало то-же...

Въ продолженіе нашей новой бесѣды, я увидѣлъ еще двухъ человѣкъ, вышедшихъ изъ сосѣдняго домика и направившихся къ намъ... Но какъ они направлялись, то-есть шли!

И дико и смѣшно было видѣть, какъ они какія-нибудь полторы сажени, отдѣлявшія ихъ отъ насъ, проходили около *полтора часа!*.. Я сдѣлалъ еще два полета — вверхъ и въ сторону, описавъ снова овальный путь надъ долиной, чтобы сократить время... А они все еще шли, дѣлая поразительно-медленные шаги, точно больные, едва могущіе передвигать ноги!.. Наконецъ дошли до насъ и стали здороваться съ нами,— главнымъ образомъ со мною, — поднимая правыя руки и кладя ихъ на свои головы; я имъ отвѣтилъ тѣмъ-же...

Они были такіе-же рослые и полные люди, косоглазые, черноволосые, и одѣтые въ тѣ-же костюмы, какъ и мой первый знакомецъ. Я имъ представился въ обычныхъ выраженіяхъ и предложилъ осмотрѣть мою птицу. Они осматривали ее съ неменьшимъ вниманіемъ и любознательностью, дѣлая между собою разными замѣчаніями на своемъ языкѣ, которыхъ я, конечно, не понималъ, догадываясь только объ ихъ вѣроятномъ смыслѣ. Послѣ этого, я снова сдѣлалъ два полета, — вверхъ и въ сторону... Они смотрѣли съ тѣмъ-же солиднымъ удивленіемъ и съ тѣми-же слабыми улыбками, дѣлая на этотъ разъ замѣчанія другъ съ другомъ...

Когда предметъ общаго любопытства былъ достаточно исчерпанъ, я предложилъ вопросъ, обращаясь ко всѣмъ тремъ:

— Скажите мнѣ, господа, сколько у васъ на Лунѣ живутъ люди?..

И чтобы лучше дать понять его, я взялъ свою записную книжку и нарисовалъ на одномъ листкѣ ребенка, мальчика, юношу, зрѣлаго человѣка и, наконецъ, старика; передъ ребенкомъ я изобразилъ колыбель, а за старикомъ — могилу, и вручилъ мой рисунокъ одному изъ нихъ...

Рисунокъ сталъ медленно переходить изъ рукъ въ руки, вызывая различныя соображенія... Долго они совѣтовались между собою, медленно цѣдя свои, непонятныя мнѣ, слова, и очевидно сіяясь понять смыслъ моего рисунка и вопроса, который я еще два раза повторилъ... Наконецъ одинъ изъ нихъ указалъ мнѣ на мой снарядъ для писанія, и я съ радостью подаль ему книжку и карандашъ .. Онъ взялъ то и другое и принялся ставить карандашомъ на бумагѣ палочки, тогда какъ другіе внимательно смотрѣли на его работу... Все это дѣлалось съ тою-же солидною медленностью, и когда наконецъ было кончено, книжку съ карандашомъ возвратили мнѣ, и чертившій палочки сказалъ:

— Гой-тва-кан-ди...

Я сталъ считать палочки: оказалось ихъ *триста* ..

— Неужели *триста* лѣтъ живутъ у васъ люди?!..— не могъ удержаться я отъ своего изумленного вопроса.

— Гои-тва-кан-ди...— повторилъ увѣренно чертившій палочки, а другой прибавилъ:

— Бу-ра-эйсь...

Первое выраженіе могло означать счетъ, то-есть цифру 300, а можетъ быть и приглашеніе сосчитать палочки, а второе, вѣроятно, значило «такъ точно», или что-нибудь въ этомъ родѣ...

«*Триста* лѣтъ!» подумалъ я: «Неужели это обыкновенный вѣкъ у нихъ, какъ у насъ 60 или 70 лѣтъ, или, что очень рѣдко, 80?.. И за что имъ такая долгая жизнь?.. За то, что они такъ невообразимо-медленны въ своихъ движеніяхъ, а стало быть — и въ отправленіяхъ организма?!..» «Конечно!» отвѣтилъ мнѣ разсудокъ: «Чѣмъ менѣе человѣкъ расходуетъ себя, тѣмъ болѣе остается у него силъ для жизни»...

И въ самомъ дѣлѣ, мы, со своимъ *односуеточнымъ* вращеніемъ вокругъ самихъ себя, слишкомъ мало силъ сохраняемъ для продолжительнаго существованія... А если еще прибавить къ этому наше «прожиганіе жизни», то столѣтній періодъ, который мы смѣло

могли-бы выживать, сокращается очень часто до половины!.. Впрочем, наши милые общественные порядки дѣйствительнѣе даже оказываются всякихъ прожиганій жизни въ дѣлѣ ея сокращенія!..

Да, мы страстны, порывисты, быстры, какъ быстра наша планета, но потому-то и недолговѣчны! А Луна холодна и медленна въ своемъ движеніи, и эти свойства, сообщаясь ея обитателямъ, даютъ имъ такой продолжительный вѣкъ!.. Что лучше?.. Что хуже?.. Трудно удовлетворительно отвѣтить на эти вопросы, если мы не хотимъ слушаться многихъ указаній природы, рекомендующей намъ умѣренность и постепенность!..

Любопытство мое было крайне возбуждено этимъ фактомъ луннаго долголѣтя, и я задалъ новый вопросъ одному изъ моихъ посѣтителей:

— Сколько-же вамъ лѣтъ?..

И я опять подаль ему книжку и карандашъ, указавъ при этомъ на мой рисунокъ зрѣлаго человѣка и дотронувшись до его, собесѣдника моего, особы... Для большей ясности, я даже сдѣлалъ пальцемъ движеніе по рукаву его балахона, означающее черченіе палочекъ на бумагѣ...

Къ чести его, онъ понялъ почти сразу мой вопросъ, потому что взялъ тотчасъ-же карандашъ и принялся чертить новыя палочки на бумагѣ...

И когда онъ кончилъ свою работу (на которую съ такимъ-же вниманіемъ смотрѣли его собраты) и возвратилъ мнѣ книжку, я сталъ считать начерченные палочки.

Оказалось 126!.. И такъ — передо мною стоялъ 126-лѣтній человѣкъ!.. А какъ онъ крѣпокъ, свѣжъ и даже красивъ, не смотря на косо-расположенные глаза и на это сходство лица съ большой дыней, что, вѣроятно, свойственно всей ихъ расѣ и что такъ некрасиво — по нашимъ земнымъ понятіямъ!.. 126 лѣтъ!.. И, должно полагать, проживетъ еще столько-же, и даже больше, когда отъ меня въ могилѣ, и костей пожалуй не уцѣлѣетъ!..

Двумъ товарищамъ его, конечно, по столько-же было лѣтъ или около того, — объ этомъ и спрашивать не нужно было: свѣжія и здоровыя ихъ фигуры убѣдительно доказывали это!.. 126-лѣтній возрастъ, — это, вѣроятно, равняется нашимъ 45 или 50 годамъ!..

IV.

Я простился съ моими лунитами и полетѣлъ дальше. Они долго стояли все на томъ-же мѣстѣ смотря на мой полетъ, и я имъ нѣсколько разъ посылалъ прощальные привѣты, то кланяясь, то махая платкомъ; они мнѣ отвѣчали тѣмъ-же — приподнимая свои правыя руки и кладя ихъ на головы...

Они оставили во мнѣ доброе впечатлѣніе, не смотря на свои необычайныя фигуры и лица и, еще болѣе, на свою утомительную, невозможную для меня медленность въ движеніяхъ, въ которой есть даже нѣчто каррикатурное, смѣшное... Какимъ-бы удивительно-страннымъ существомъ показался одинъ изъ нихъ, перенесенный на нашу Землю!.. Но, съ другой стороны, чѣмъ я могъ имъ показаться, если не сумасшедшимъ существомъ, то бѣгающимъ, то летающимъ на какой-то невиданной вещи?.. Говорю «бѣгающимъ», потому что моя обыкновенная *земная* походка, въ сравненіи съ ихъ чрезмѣрною медленностью, должна, дѣйствительно, казаться имъ бѣганьемъ!..

Луннаго дня еще оставалось, по земному счету, 5 сутокъ, и я стало-быть имѣлъ достаточное количество времени для моихъ экскурсій по нашему спутнику. Меня интересовали двѣ вещи: дальнѣйшее знакомство съ лунитами и лунная ночь, освѣщаемая нашей планетою.

Мнѣ, главнымъ образомъ, желалось узнать; существуютъ ли *большія* поселенія у лунитовъ, въ родѣ нашихъ селъ или городовъ?..

Я пронесся надъ многими территоріями и въ разныхъ направленіяхъ, но ничего особеннаго не встрѣилъ: мѣстность повсюду была пустынна, то-есть усѣяна горами, ущельями, небольшими долинами и т. п., съ ихъ обычною растительностью и только кое-гдѣ замѣчалъ я небольшія группы домиковъ уже видѣнныхъ мною. Всѣ они были поразительно-однообразны: каменные, непременно въ два окна, и вытянуты въ прямую линію... Глядя на эту шаблонность, я невольно приходилъ къ заключенію, что вижу остатки когда-то существовавшей замѣчательной цивилизаціи, завѣщавшей своимъ послѣднимъ отпрыскамъ эту правильность, солидность и прочность въ постройкахъ жилищъ... Но есть-же и *развалины* этой прежней цивилизаціи, по которымъ можно судить о ея достоинствахъ?..Конечно, должны быть!...

Но прежде чѣмъ найти развалины, я увидѣлъ однажды нѣчто болѣе, чѣмъ простой поселокъ, вытянутый въ одну линію: я увидѣлъ, въ одной долинѣ, правильный и довольно обширный квадратъ, всѣ четыре стороны котораго были окаймлены такими-же каменными домиками, но уже въ *три* окна каждый, а середина раздѣлена на участки почвы передъ каждымъ домомъ; эти участки были продолговатые четырехугольники, отдѣленные другъ отъ друга прочными деревянными заплотами, а самый центръ общаго большого квадрата былъ занятъ садомъ, въ который выходили ворота изъ cadaго участка почвы. Всѣхъ этихъ трех-оконныхъ домовъ, а стало быть и участковъ было 80 (по 20-ти съ каждой стороны)...

Это было уже нѣчто въ родѣ города!

Если-бы цѣль моя, при видѣ этого «города» лунитовъ, заключалась въ томъ, чтобы посмотрѣть опять на нихъ и увидѣть внутреннее убранство ихъ домовъ, показавъ имъ въ то-же время себя и свою машину, я, конечно, не захотѣлъ-бы *только за этимъ* идти къ нимъ. У меня была теперь другая цѣль: узнать; есть-ли у нихъ какая-нибудь письменность, и въ чемъ состоитъ ихъ религіозный культъ...

Я опустился передъ однимъ изъ угловыхъ домовъ и, сойдя съ машины, постучался въ дверь. Зная по опыту, что дверь откроется не ранѣе часа, я сѣлъ опять на птицу и облегчѣлъ долину кругомъ нѣсколько разъ, осматривая внимательно ее и окрестности. Проведя въ такомъ занятіи, не принесшемъ мнѣ ничего новаго, ровно часъ, я опять опустился на прежнее мѣсто передъ домомъ и сталъ, въ ожиданіи, у его двери...

Минуть черезъ пять дверь стала отворяться постепенно, и наконецъ я за нею увидѣлъ человека, сдѣлавшаго мнѣ то-же привѣтствіе, и т. д. Повторилось прежнее буква въ букву, до мельчайшихъ подробностей. Человекъ былъ такой-же рослый и здоровый субъектъ, съ дынеобразнымъ лицомъ и съ глазами, расположенными косо,— остріемъ угла вверхъ. И костюмъ его былъ такой-же, съ тою только разницей, что балахонъ и панталоны были темнокрасные, а пояса зеленые. Въ пріемной комнатѣ насъ также встрѣтила женщина, такая-же рослая и здоровая, и въ томъ-же нарядѣ, если не считать того, что плащъ былъ не синій, а темнокрасный, а его петля съ шарикомъ не красные, а наоборотъ — синіе. Женщина, какъ и тамъ, не принимала участія въ бесѣдѣ, а исполнивъ свою церемонію, ушла къ себѣ и больше не появлялась. Но въ убранствѣ комнаты нѣчто было особенное, а именно: деревянная рѣшетка, украшавшая стѣны, была темнозеленая, каменное сидѣнье на почетномъ мѣстѣ было сдѣлано полукругомъ и столъ передъ нимъ былъ круглый, а скамейки у прочихъ стѣнъ бросались въ глаза не красною окраскою, а темнофіолетовою, и на каждой изъ нихъ лежала желтая кожаная подушка. Три окна на улицу были снабжены

такими-же рамами безъ переплетовъ, но матерія, затягивавшая ихъ, была не красная, а свѣтлозеленая.

Когда мы усѣлись на почетномъ мѣстѣ, я, по прежнему, сталъ говорить о себѣ, о Землѣ и о Лунѣ, прибѣгая къ чертежамъ и рисункамъ. Хозяинъ слушалъ внимательно и серьезно, цѣдя изрѣдка по слову на своемъ языкѣ и сохраняя остатокъ легкаго изумленія, возбужденнаго моимъ визитомъ. Продѣлавъ все то-же, что первоначально пришлось продѣлать, я задалъ вопросъ:

— Скажите, есть-ли у васъ *письменность*?.. Есть-ли у васъ, напримѣръ, *книги*?..

И я вынулъ изъ кармана небольшую книгу въ переплетѣ и подалъ ему, объяснивъ жестами, насколько могъ, чего я хочу отъ него...

Онъ взялъ книгу и сначала съ любопытствомъ осмотрѣлъ ее переплетъ; потомъ, раскрывъ ее, долго смотрѣлъ на текста, непонятный ему, и на самую бумагу, которую тщательно ощупалъ по всѣмъ направлениямъ... Онъ почти перелисталъ всю книгу, и въ этомъ занятіи прошло болѣе часу! Накопецъ возвратилъ ее мнѣ и, медленно запустивъ руки подъ крышку стола, вынулъ оттуда нѣкоторую вещь и положилъ ее передо мною...

И я увидѣлъ странное, такъ сказать, *орудіе письменности*... Представьте себѣ небольшую деревянную дощечку овальной формы; на ней укрѣплена деревянная-же дужка (концами своими *вдоль* дощечки, а не поперекъ), и на правой сторонѣ этой дужки — столбикъ нанизанныхъ на ней кожаныхъ кружковъ желтаго цвѣта... Каждый кружокъ заключалъ въ себѣ десять концентрическихъ, изображенныхъ на немъ красною краскою, круговъ, а внутри ихъ помѣщались изображенныя черною краскою, непонятныя мнѣ письмена!.. Они состояли изъ черточекъ, кружковъ, оваловъ и треугольниковъ различнаго вида и конечно изображали буквы, изъ которыхъ слагались слова, потому что расположены были группами а не въ одиночку, что свойственно іероглифамъ...

Эта была лунная книга!.. Кожаные кружки соотвѣтствовали нашимъ листамъ... Прочитанный первый кружокъ перемѣщался на лѣвую часть дужки и, легши на дощечку обратной стороной своей вверхъ, обнаруживалъ и на ней концентрическіе круги и слова между ними, которыя предстояло тоже прочесть... Такъ поочередно прочитывались круги, перемѣщаясь одинъ за другимъ на лѣвую часть дужки, гдѣ они ложились уже на дощечку лицевыми сторонами своими и въ обратномъ порядкѣ.

Осмотрѣвъ, въ свою очередь, внимательно эту необыкновенную для меня книгу (какъ моя, конечно, казалась необыкновенною на Лунѣ), я знаками попросилъ хозяина прочесть что-нибудь изъ ней...

Онъ взялъ свою книгу и, положивъ ее передъ собою, началъ съ подобающею медленностью и плавно читать вслухъ первый кружокъ, постепенно поворачивая его на оси (которую представляла правая часть дужки) справа на лѣво.. Такимъ образомъ я узналъ, что слова идутъ въ порядкѣ слѣва направо, какъ у насъ... Языкъ показался мнѣ довольно звучнымъ и выразительнымъ, и я не могъ только распознать, односложны-ли въ немъ слова, какъ у китайцевъ, или-же это такая только манера говоренія у лунитовъ — произносить слова по складамъ, то-есть, раздѣльно, по слогамъ; но, всмотрѣвшись пытливо въ каждое отдѣльное слово на кружкѣ, я увидѣлъ, что въ иномъ изъ нихъ заключается до десяти знаковъ или буквъ, а такого количества буквъ не можетъ быть ни въ какомъ односложномъ словѣ: значить, слова въ языкѣ не исключительно односложный... Это подтвердилось въ ту-же минуту, когда я попросилъ моего любезнаго хозяина прочесть одно, замѣченное мною, слово: въ немъ я услышалъ цѣлые *три* слога ..

Мнѣ, разумѣется, захотѣлось узнать еще, въ чемъ состоитъ *содержаніе* книги, и я спросилъ:

— Какого содержанія ваша книга?.. О чемъ говорится въ ней?..

Къ этому вопросу я прибавилъ соотвѣтствующіе жесты стараясь какъ можно вѣрнѣе дать понять его...

Нѣкоторое время мой собесѣдникъ, казалось, былъ въ недоумѣніи, но потомъ какъ-то особенно важно и даже торже положилъ обѣ руки на голову, и держа ихъ въ такомъ положеніи, сталъ читать книгу, обращая взоры свои, время отъ времени, вверхъ, какъ-бы къ небу... Тогда я понялъ, что книга была религіознаго содержанія и заключала въ себѣ молитвы или гимны къ высшему существу, жилище котораго предполагается на небѣ... Но одно-ли такое существо, по мнѣнію лунитовъ, управляетъ міромъ, или ихъ нѣсколько, и есть-ли у нихъ отдѣльные дома для молитвъ, то есть храмы,— этого я не могъ достовѣрно узнать, не смотря на мои вопросы и разные жесты и рисунки, которыми старался пояснять ихъ: собесѣдникъ мой покачивалъ только отрицательно головою и сдвигивалъ плечами, произнося различныя слова, которыхъ я, къ великому сожалѣнію моему, ни какъ не могъ понять!..

Судя, однако-же, по этимъ отрицательнымъ тѣлодвиженіямъ и по тому обстоятельству, что я нигдѣ не видѣлъ, кромѣ обычныхъ домовъ, никакихъ особенныхъ зданій, можно было заключить, что храмовъ у лунитовъ нѣтъ; и какъ-бы тамъ ни было,— признаютъ-ли они одного бога или многихъ боговъ, но несомнѣнно то, что чествованіе его или ихъ совершается дома и по книгамъ, содержащимъ молитвы или гимны.

И такъ я узналъ:

1) У лунитовъ есть письменность, можетъ быть,— даже цѣлая литература, заключенная въ книгахъ весьма оригинальнаго устройства.

2) У нихъ есть и культъ религіозный, безъ храмовъ, но съ молитвами или гимнами, преданными даже письменности, то-есть изложенными болѣе или менѣе литературнымъ языкомъ. Храмовъ у лунитовъ вѣроятно не существовало и въ прежнее время, потому что если-бы они были, то обычай строить ихъ перешелъ-бы также къ нимъ, по наслѣдству, вмѣстѣ съ другими обычаями и привычками отъ ихъ предковъ.

Довольный и этими немногими свѣдѣніями, я простился съ моимъ хозяиномъ и собесѣдникомъ, и полетѣлъ дальше.

Пролетая надъ этимъ луннымъ городомъ, я увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, завятыхъ работами на своихъ участкахъ почвы, позади домовъ: сидя на низенькихъ деревянныхъ скамеечкахъ, они пололи свои гряды, засеянныя, конечно, разными овощами, а можетъ быть и хлѣбными злаками, потому что грядъ было много, и всѣ онѣ, большей частью, поросли чѣмъ-то желтовато-зеленымъ, напоминавшимъ нашу пшеницу. Я обратилъ вниманіе и на садъ (въ самомъ центрѣ общаго квадрата): онъ былъ наполненъ низкорослыми деревьями, изъ которыхъ многія были въ плодахъ, похожихъ на наши яблоки, груши, и т. п. Садъ былъ, очевидно, общее достояніе: онъ не былъ раздѣленъ на участки, и въ него вели входы изъ cadaго огорода или нивы.

Несясь дальше отъ этого тихаго, уютнаго «города» тихихъ медленно-важныхъ обитателей Луны, я подумалъ, что должно быть и всегда такъ жили луниты, какъ теперь существованіе у нихъ письменности... Въ силу, своей медленноспокойной и холодной натуры, они, можетъ быть, никогда не чувствовали надобности ни въ государствѣ, ни во множествѣ властей, ни въ законахъ, ни въ войнахъ... И многія стороны нашей жизни, если-бы они познакомились съ нею, показались-бы имъ и чудовищными и жалко-смѣшными,

просто — ребяческими, какъ напр... наши военныя пѣсни, слагаемыя часто для того только, чтобы, наэлектризовавъ имъ горсть людей, успѣшнѣ завладѣть какимъ-нибудь спорнымъ клочкомъ земли, не думая вовсе о томъ, что это завладѣніе будетъ стоить жизни многимъ изъ этихъ-же наэлектризованныхъ, «воодушевленныхъ»... И если такъ всегда они жили не заботясь ни о блескѣ роскоши, ни о разныхъ величественныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, то едва-ли есть резонъ искать развалинъ этихъ послѣднихъ: вѣрнѣ всего, что ихъ нѣтъ и не было никогда... Остатки минувшихъ временъ могутъ существовать только въ видѣ развалинъ такихъ-же скромныхъ домиковъ, если только время не стерло ихъ совершенно съ лица планеты, а болѣе всего — въ этихъ своеобразныхъ книгахъ, бережно хранимыхъ современнымъ намъ потомствомъ этихъ счастливыхъ людей... Исторія ихъ есть, поэтому, исторія развитія мирныхъ и полезныхъ занятій, изъ которыхъ складывается, повсемѣстно, и вѣрно обеспеченная жизнь человѣка, а не исторія войнъ и царей, которыми блещетъ такъ земное человѣчество...

V.

Я, кажется, не ошибся: сколько ни пролеталъ я еще разныхъ странъ на полушаріи, обращенномъ къ Землѣ, но нигдѣ ровно ничего не открылъ похожего на развалины какихъ-нибудь древнихъ зданій, сооружений и т. п. Все было пустынно и живописно, вездѣ глазъ видѣлъ это мирное и успокоительное «лоно природы», оживляемое лишь изрѣдка скромными поселеніями людей, которыя представлялись то въ видѣ одной линіи домиковъ, то въ видѣ цѣлыхъ квадратовъ — съ жилищами по краямъ и съ нивами и общимъ садомъ внутри... За то я сдѣлалъ другое открытіе — въ собственной натурѣ: я началъ медленнѣ двигаться, ходя по почвѣ!.. Ничего болѣзненного я въ себѣ не ощущалъ, но мой умъ работалъ гораздо медленнѣ прежняго, и всѣ внутренніе процессы организма также значительно замедлялись...

Я сначала сталъ тревожиться о такой перемѣнѣ: что, если я превращусь въ лунита и потеряю всякую физическую в нравственную возможность летѣть дальше, оставить наковецъ Луну?.. Но, одновременно съ этими перемѣнами въ моей натурѣ, я началъ испытывать такой необыкновенный покой и довольство въ душѣ, такое пріятное и мирное влеченіе ко всему окружающему, что всякія опасенія сами собой исчезли, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшихъ следовъ... Ступая по почвѣ, я дѣлалъ удивительно медленные шаги и удивительно медленно поднималъ и опускалъ руки, но все это совершалось мною такъ естественно и незамѣтно, что я только изумлялся этимъ невидимымъ превращеніямъ въ собственной натурѣ, не заботясь нисколько о ихъ послѣдствіяхъ!..

И только моя птица оставалась прежнею, нося меня по прежнему быстро на себѣ, изъ чего я могъ заключить, что машины, стало быть, не подвергаются дѣйствію различныхъ физическихъ законовъ, обязательныхъ для живыхъ существъ...

Это меня еще болѣе успокоило касательно отлета моего съ Луны.

Въ то-же время я началъ замѣчать еще, что вѣсъ мой постепенно уменьшался и уменьшался: это чувствовалось въ движеніяхъ членовъ, которыя хотя становились медленными, но весьма легкими, не требующими и тѣни никакихъ усилій... Извѣстно изъ наблюденій нашихъ ученыхъ, что вѣсъ предметовъ на Лунѣ почти въ шесть разъ меньше земного вѣса; онъ былъ-бы такимъ слабымъ и на самомъ дѣлѣ, еслибы не усиливало его *весьма медленное* обращеніе планеты на своей оси: оно придаетъ ему своей медленностью почти половину того, что онъ теряетъ, такъ что вѣсъ предметовъ на Лунѣ въ дѣйствительности только *втрое* меньше земного, что также составляетъ значительную разницу: одинъ нашъ пудъ вѣситъ тамъ все-таки немного болѣе 13 фунтовъ...

Вообще *степень* движенія, то-есть обращеніе той или другой планеты на своей оси — *сильно и прежде обращенія ея вокруг Солнца* вліяетъ на движеніе живыхъ существъ, обитающихъ на ней: чѣмъ быстрѣе это движеніе, тѣмъ быстрѣе двигаются люди и животныя, населяющіе планету, и наоборотъ — чѣмъ медленнѣе оно, тѣмъ медленнѣе двигаются тѣ и другіе. Еслибы возможно было, что какая-нибудь планета не двигалась-бы вовсе ни на своей оси ни вокругъ Солнца, на ней не было-бы ничего живого, потому что только движеніе сообщаетъ всему жизнь... Мы двигаемся, то-есть имѣемъ возможность ходить, бѣгать и т. п. въ силу той лишь причины, что планета наша двигается, обращаясь вокругъ себя и вокругъ Солнца,— источника свѣта и теплоты... Движеніе нашей планеты вокругъ своей оси слишкомъ даже быстро: во время одного оборота (въ продолженіе 24 часовъ или сутокъ) она описываетъ кругъ въ $37,332\frac{4}{5}$ версты; ясно, что такое круговое пространство можетъ быть пройдено и въ большее или меньшее количество времени, то-есть въ двое, трое и т. д. сутокъ, или-же наоборотъ, не въ 24, а въ 20, 15 и т. д. часовъ, то-есть гораздо меньше сутокъ. Но если мы разочтемъ, что въ какую-нибудь *одну секунду*, въ которую мы едва успѣваемъ сдѣлать одинъ шагъ, или сказать одно слово, Земля, описывая этотъ кругъ, успѣетъ уже своею поверхностью подвинуться на *216 саженой* въ избранномъ ею направленіи, то наше воображеніе будетъ такъ поражено этою ужасающею быстротою, что едва — ли мы пожелаемъ послѣ этого, чтобы наша планета вращалась на своей оси еще быстрѣе!..

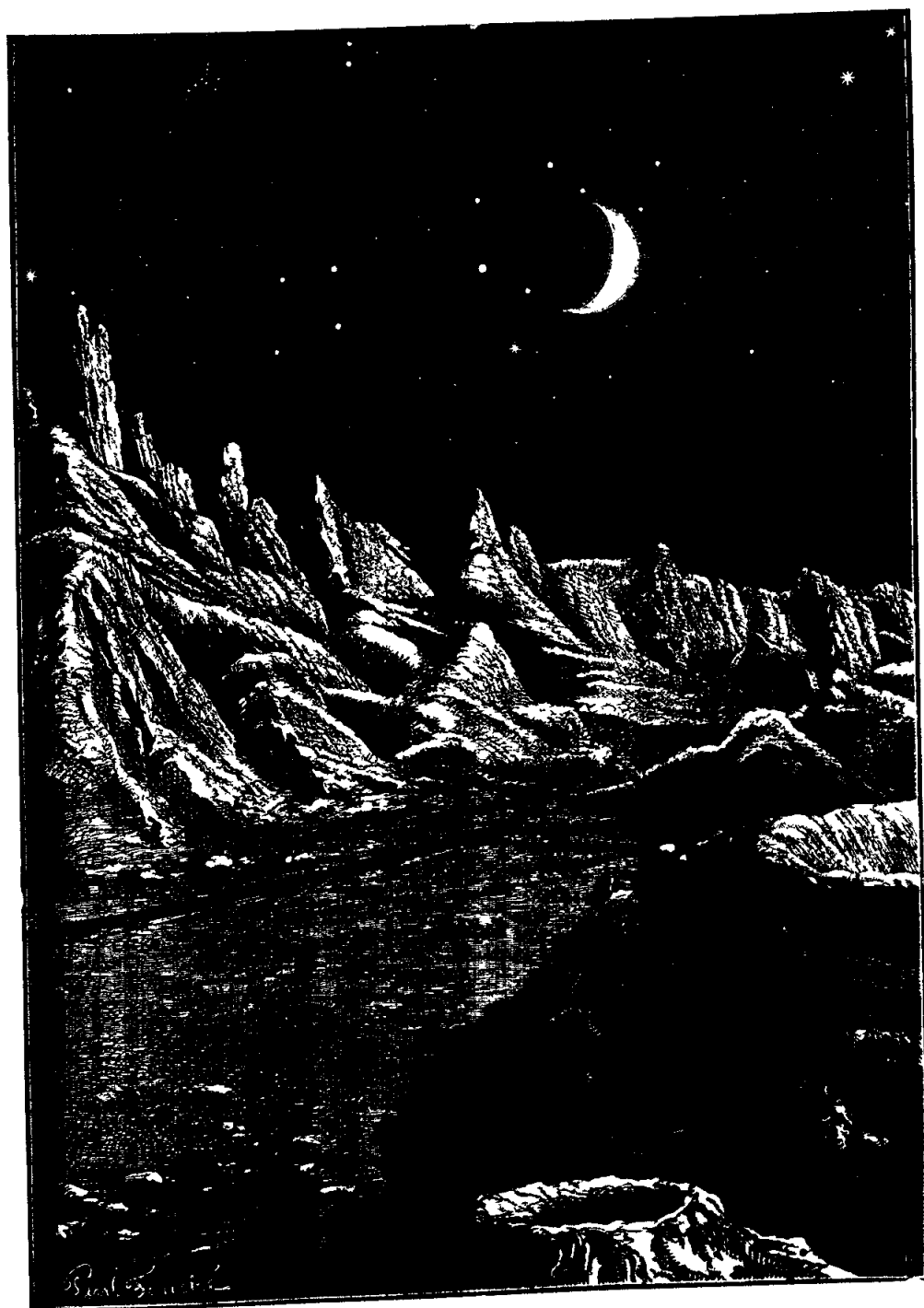
Луна употребляетъ на обращеніе вокругъ себя 28 сутокъ (приблизительно): стало быть она обращается въ 28 разъ медленнѣе Земли; уменьшивъ вышеприведенное пространство ($37,332\frac{4}{5}$ версты) въ 28 разъ, получимъ 1,333 версты въ сутки (дроби мы откидываемъ), или 7 саженой въ 1 секунду, проходимыя нашимъ спутникомъ въ періодъ обращенія вокругъ себя и, одновременно, вокругъ Земли... Сравнивая эти 216 саженой и 7 саженой, не можемъ не замѣтить огромной разницы между этими двумя цифрами, а стало быть и огромной разницы, доходящей до контраста, въ складѣ жизни обѣихъ планетъ!

Да, Земля и Луна, дѣйствительно, контрасты: въ то время, какъ луниту нуженъ цѣлый часъ, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ, обитатель Земли въ 1 часъ можетъ пройти 5 верстъ (идучи, конечно, скорымъ шагомъ); лунить, проживъ 100 лѣтъ, чувствуетъ себя не болѣе какъ молодымъ челвѣкомъ,— житель Земли давно въ это время покоится уже въ могилѣ (рѣдкія исключенія изъ этого правила не могутъ идти въ счетъ); лунить не знаетъ ни государственнаго быта и неразлучныхъ съ нимъ явленій, ни тиранніи капитала надъ трудомъ потому что не находитъ надобности ни въ чемъ подобномъ,— мы-же не можемъ представить себѣ и жизни безъ государства и безъ капитала... Это-ли не контрасты, и поразительные, необычайные контрасты?..

Наконецъ, я дождался *ночи*; но о ней расскажу въ слѣдующей главѣ.

VI.

Послѣдній мой сонъ въ продолженіе 14-суточного дня случился какъ разъ передъ заходомъ Солнца. Проснувшись, я увидѣлъ великолѣпное зрѣлище: Солнце уже зашло, сопровождаемое слабою зарею, и на восточной сторонѣ неба блестѣлъ громадный серпъ яркожелтаго цвѣта... Онъ занималъ собою почти $\frac{1}{16}$ неба, и всѣ звѣзды передъ нимъ казались ничтожными точками!.. По мѣрѣ того, какъ все темнѣло и темнѣло вокругъ, уступая силѣ ночи, онъ все ярче и ярче блестѣлъ, и наконецъ свѣтъ его сталъ замѣтно вліять на ночной мракъ: онъ сталъ мягче, прозрачнѣе, и предметы яснѣе выдѣлялись изъ него... «Что же будетъ, подумалъ я, когда этотъ серпъ вырастетъ въ настоящій шаръ?..»

И невооруженными глазами я могъ хорошо разглядѣть, что серпъ показывалъ полосу Атлантическаго океана и восточные берега обѣихъ Америкъ — тѣми частями, который особенно далеко выступаютъ въ океанъ... Я направилъ на него мою трубу, но, увеличенная въ пять разъ, въ ней могла помѣститься едва четвертая часть только этого серпа!.. Она ясно представила мнѣ темнозеленую полосу воды и сѣрокоричневые части суши съ лѣвой ея стороны...

Я долго не могъ оторваться отъ этого никогда еще невиданнаго мною зрѣлища!..

Прошло пять сутокъ, и серпъ превратился почти въ шаръ, которому не доставало только *обратнаго* серпа, чтобы стать полнымъ шаромъ... Постоянно увеличиваясь, онъ сдѣлалъ уже пять оборотовъ вокругъ себя... Этотъ неполный шаръ показывалъ всю массу Восточнаго океана, значительную часть Азіи и всю Австралію съ Океаніей... А сколько свѣту прибавилось среди этой ночи!.. Я нашелъ, что можно совершенно свободно читать и писать, сидя въ будкѣ на моей птицѣ!.. Наконецъ, еще черезъ двое сутокъ, на полуночномъ небѣ сіялъ полный шаръ... Онъ представлялъ такое сочетаніе частей свѣта на поверхности. Не нужно было никакихъ инструментовъ, чтобы его отчетливо видѣть; не лишнимъ было-бы только какой-нибудь особенно громадный телескопъ, въ полѣ котораго *свободно* помѣстился-бы во много разъ увеличенный этотъ, и безъ того исполинскій, серпъ...

своей, какого обыкновенно не бываетъ на рисункахъ плоскошарій: видны были почти вся Европа до Волги, незначительная часть Азіи, почти вся Африка, весь Атлантическій океанъ и нѣкоторыя части восточныхъ береговъ Америки... Все это отлично распознавалось простымъ глазомъ; а когда я сталъ разсматривать шаръ въ трубу, то увидѣлъ, какъ на огромной стѣнной картѣ, всѣ крупныя рѣки, озера и горы: Дунай, Западную Двину, Вислу, Одеръ, Эльбу, Рейнъ, Сену, Ниль, Замбезе, Нигеръ, Скандинавскія горы, Альпы, озера Ладожское и Онежское. Боденское озеро, Женевское, озера Чадъ и Викторію, и пр., и пр. Не упоминаю, напр, о Средиземномъ и Черномъ моряхъ, которыя и невооруженными глазами можно было превосходно видѣть... Въ трубѣ моей этого шара, увеличеннаго въ пять разъ, съ трудомъ помѣщалась и четвертая часть, такъ что я долженъ былъ разсматривать его по частямъ, передвигая трубу въ разныя стороны!..

Онъ свѣтилъ такъ сильно, что эта ночь на Лунѣ походила собственно не на ночь въ нашемъ смыслѣ, а на что-то среднее между днемъ и ночью... Небо приняло свѣтложелтый элементъ въ свой темносиній цвѣтъ, звѣзды съ трудомъ различались на немъ, планетные пейзажи ярко были освѣщены на сотни верстъ кругомъ, куда только могло достать зрѣніе... На Землѣ такого великолѣпнаго ночного освѣщенія никогда не бываетъ!..

Почти трое сутокъ этотъ громадный шаръ былъ въ своей, такъ сказать, неприкосновенной полнотѣ, и я каждая сутки посвящалъ ему много часовъ, наблюдая его вращеніе на оси: въ два-три часа, не отрывая отъ него глазъ, можно было легко замѣчать, какъ однѣ части материковъ и морей уходили на востокъ и мѣсто ихъ заступали инныя части тѣхъ и другихъ, до тѣхъ поръ на половину только или совсѣмъ скрытая: уходила, напр., Азія съ Австраліей — появлялись Европа и Африка; уходили Европа и Африка показывались Атлантическій океанъ и Америка... Вотъ гдѣ можно было скоро и неотразимо убѣдиться въ движеніи Земли тому изъ существующихъ еще во множествѣ у насъ закоренѣлыхъ невѣждъ и дикарей, кто думаетъ, что планета, на которой онъ живетъ, стоитъ неподвижно, покоясь на трехъ китахъ!..

Видъ полный земли на небѣ луны.

— Откуда вы? — спросилъ я въ изумленіи...

Увидѣвъ меня, онъ остановился и, сдѣлавъ обычное свое привѣтствіе правою рукою, въ свою очередь спросилъ:

— Ошъ-но-ка-ро-ме?..

«Рѣшительно», — подумалъ я, — «это *ошъ-но-ка-ро-ме* должно означать вопросъ: *кто вы такой?*» и сказалъ:

— Я житель Земли, вотъ съ этого шара! Вѣрите вы этому?.. Посмотрите на мою машину: я на ней прилетѣлъ сюда!..

И я подкатилъ къ нему поближе мою птицу.. Лунить осмотрѣлъ ее внимательно и съ большимъ, какъ казалось мнѣ, изумленіемъ... Чтобы еще болѣе убѣдить его, я сѣлъ на птицу и поднялся вверхъ... Лунить еще больше былъ удивленъ... Опустившись на прежнее мѣсто, я спросилъ:

— Вѣрите теперь, что я *оттуда?*..

— Кут-ма-хо! — торжественно отвѣтилъ лунить...

«И это *кут-ма-хо*», подумалъ я опять, «тоже я слышалъ и въ подобномъ этому случаѣ... Рѣшительно, оно должно значить *очень хорошо* или *удивительной...*»

— Что вы думаете объ этомъ шарѣ?.. Не правда-ли, великолѣпенъ и поразителенъ?.. Какъ вы думаете: на сколько онъ великъ въ дѣйствительности?..

И я, по обыкновенію, разными жестами сопровождалъ мои вопросы.

Лунить съ большимъ вниманіемъ и сосредоточенно слушалъ меня... Разумѣется, онъ понималъ, что рѣчь шла объ этомъ громадномъ шарѣ, красѣ и великолѣпнѣйшихъ ночей; онъ не могъ лишь догадаться о частностяхъ вопроса... Наконецъ, онъ медленно и съ благоговѣніемъ положилъ обѣ руки на голову и, съ почтительной робостью смотря на шаръ, отвѣтилъ:

— Ка-ме-жат-ну! Ка-мей-чис-не! Ка-мей-о-ра-су!..

Это меня поразило: эти восклицанія походили на молитву, въ которой постоянно повторяемое «ка-ме» или «ка-мей» могло означать «богъ» или «боже!»... «И такъ они боготворятъ нашу Землю!» — воскликнулъ я почти вслухъ: — «Не мудрено: этотъ

величественный шаръ стоитъ, чтобы его, по крайней мѣрѣ, *благодарили*; онъ не только пышно освѣщаетъ темныя ночи, дѣлая изъ ихъ мрака какой-то полудень, но даже служить *часами*, помогая безошибочно считать время!

— А замѣчаете вы,— продолжалъ я свои вопросы,— что онъ постоянно мѣняетъ видъ своей поверхности?.. Отчего это?.. Оттого, что онъ безостановочно вращается на своей оси!.. А какъ вы думаете, какъ онъ великъ на самомъ дѣлѣ?.. Онъ почти въ 50 разъ больше вашего міра, вашей планеты!..

И я жестами и рисунками пояснялъ свои вопросы и отвѣты на нихъ на листкѣ записной книжки я нарисовалъ Луну и Землю, а на шарѣ этой послѣдней начертилъ разные материки и моря, видимые въ разное время... Собесѣдникъ мой, съ свойственными его расѣ вниманіемъ и усердіемъ слушалъ меня и смотрѣлъ на мои жесты и рисунки и наконецъ произнесъ:

— Ко-са-ви! Ко-са-ви!

И снова положивъ медленно обѣ руки на голову, благоговѣнно устремилъ глаза свои на великолѣпный шаръ... Казалось, онъ понялъ всѣ мои объясненія и еще большимъ проникся уваженіемъ въ нашей Землѣ...

«Да», подумалъ я, «ихъ религіозный культъ,— это Земля и, конечно, Солнце!.. Въ этомъ, повидимому, нѣтъ сомнѣнія!.. И какъ странно выходить: мы когда-то боготворили Луну, то-есть *ихъ*, а они и теперь еще боготворятъ *насъ*! Взаимное недоразумѣніе!..»

И я опять повторилъ, въ заключеніе нашей бесѣды, первоначальный вопросъ, подкрѣпляя его жестами:

— Откуда-же вы?.. Гдѣ вашъ поселокъ, или городъ?.. Но тутъ глаза мои случайно замѣтили, въ противоположномъ концѣ долины, въ которой я находился съ моей птицей, нѣсколько виднѣвшихся домиковъ, построенныхъ въ одну линію. Я удивился, что только *теперь* ихъ замѣтилъ, когда уже болѣе сутокъ стоялъ въ этой долинѣ: что значитъ ежеминутно быть поглощеннымъ однимъ какимъ-нибудь предметомъ наблюденія!..

Мои собесѣдникъ не понялъ и теперь моихъ вопросовъ, и смотрѣлъ на меня недоумѣвающими глазами... Онъ былъ такоѣ-же рослый и здоровый субъектъ, какъ и прежніе мои знакомцы, и носилъ тотъ-же, общій всѣмъ, костюмъ и тѣхъ-же цвѣтовъ... Положительно можно сказать, что полное здоровье и неизмѣнное слѣдованіе правиламъ и порядкамъ разъ установившейся умѣренной и аккуратной жизни присущи этой замѣчательной расѣ!.. Но если она здорова и благополучна, отчего-же она малочисленна?.. Почему такъ рѣдко встрѣчаются ихъ поселенія, и то самыя малолюдныя?..

Отвѣты на эти вопросы, кажется, ясны: планета отживаетъ свой вѣкъ... Плодородіе живыхъ существъ постепенно уменьшается и уменьшается, не смотря на силу жизненныхъ элементовъ...Вслѣдствіе скудости въ водѣ и въ атмосферѣ могутъ происходить такія видоизмѣненія въ матеріи организмовъ, которыя нечувствительнымъ образомъ ведутъ къ вырожденію, къ вымиранію...

Знаютъ-ли это луниты?.. Догадываются-ли они, что ихъ міръ идетъ медленными шагами къ неизбѣжному, фатальному концу?..

VII.

Я предположилъ посѣтить еще другое полушаріе Луны, никогда не видимое для насъ, и потому не могъ дожидаться конца 14-суточной ночи, чтобы видѣть, какъ наша Земля будетъ убывать въ своей величинѣ, подобно нашему спутнику, постепенно убывающему на нашемъ небѣ; оставалось всего четверо сутокъ до разсвѣта, которыми необходимо было воспользоваться на другомъ полушаріи, такъ какъ тамъ теперь день...

Черезъ четверо сутокъ наступить тамъ ночь,— самая мрачная ночь, потому что ни что ее, кромѣ звѣздъ, не освѣщаетъ...

И я направилъ свой полетъ на это таинственное полушаріе, пославъ прощальный привѣтъ нашему шару, видѣть который въ такой величинѣ на небѣ мнѣ, конечно болѣе не удастся... Впрочемъ, почему-же *не удастся болѣе?*.. Развѣ я, возвратясь на Землю изъ моихъ далекихъ путешествій, не буду имѣть возможности и охоты посѣтить еще разъ нашего спутника?..

Пролетѣвъ безостановочно болѣе сутокъ, я увидѣлъ наконецъ на краю горизонта, по направленію къ западу, полосу свѣта; то была граница дня и ночи, тамъ, стало быть, начиналось противоположное намъ полушаріе Луны...

Я усилилъ полетъ птицы, и съ каждымъ взмахомъ ея могучихъ крыльевъ полоса этого свѣта все росла и росла передо мною, словно день шель на встрѣчу мнѣ... Наконецъ, черезъ какой-нибудь часъ, послѣдніе остатки ночи исчезли, и я увидѣлъ себя въ царствѣ полного дня: я былъ на таинственномъ полушаріи этой планеты которого глазъ человѣка не видѣлъ еще никогда!..

Что-же это за полушаріе?.. Какіе тамъ виды, какія особенности?..

Можно сказать, что ничего особеннаго тамъ нѣтъ: я ничего не замѣтилъ тамъ такого, чего-бы не приходилось мнѣ видѣть на полушаріи, обращенномъ къ Землѣ...

Тѣ-же обыкновенные лунные пейзажи, которые на нашей планетѣ такъ необыкновенны: глазамъ представляется поверхность почвы, усѣянная горами разныхъ высотъ, скалами, изрытая ущельями, пропастями и пещерами, съ рѣдкими низинами, въ которыхъ лежали когда-то моря или озера, съ узкими и тѣсными долинами, съ невидимыми ручьями между горъ, которые даютъ знать о своемъ существованіи только шумомъ паденія съ высоты на высоту своихъ необильныхъ водъ... И низкія мѣста, и подошвы горъ, не далѣе полуверсты въ вышину, были покрыты тою-же, небогатою породами своими, растительностью: темнозеленою и жесткою травою, цвѣтами и низкорослыми деревьями и кустарниками, образующими тѣ-же карликовые лѣса...

И фауна была та-же, что и тамъ, на видимомъ нами полушаріи,— фауна совсѣмъ уже скудная, замѣтно идущая къ окончательному исчезновенію съ лица планеты...

Одна только была для меня новость въ этихъ непосѣщенныхъ еще мною странахъ: нигдѣ я не могъ открыть признаковъ существованія человѣка... Я пролетѣлъ надъ многими территоріями и въ разныхъ направленіяхъ, — и нигдѣ взоръ мой не замѣтилъ ни одного человѣческаго жилища и ни одного человѣческаго существа...

«Неужели люди не живутъ на этомъ полушаріи своей планеты?»— часто спрашивалъ я себя...

И я опять пускался въ поиски, пролетая съ этой цѣлью очень низко надъ почвою, чтобы вѣрнѣе не проглядѣть какого-нибудь поселка или человѣческой фигуры... Но напрасны были мои труды: это было безлюдное царство, хотя глубокоживописное, и потому прелестное, очаровательное, единственное въ своемъ родѣ! Только на Лунѣ и могутъ быть такіа дивныя картины!..

И я удивлялся: какъ не жить человѣку среди такой грандіозной и неподражаемо-красивой природы?..

Но вспомнивъ, каковы луниты, я пересталъ находить неестественнымъ отсутствіе человѣка на этомъ полушаріи: они лишены чувства поэзіи; они слишкомъ практичны для того, чтобы жить въ такихъ странахъ, гдѣ 14-суточная ночь ничѣмъ не освѣщается, и гдѣ, поэтому, нужны большіе запасы освѣтительнаго матеріала, котораго, можетъ быть, и вовсе

не требуется на томъ полушаріи; я убѣжденъ, что если тамъ ночь, благодаря земному шару, превращается въ какой-то полудень, въ который на вольномъ воздухѣ можно что угодно работать, то и во всякомъ жильѣ, не лишенномъ оконъ, на столько еще окажется свѣта, что всякія свѣчи или лампы будутъ совершенно лишни...

Наконецъ совсѣмъ темныя ночи могутъ приносить съ собою чувствительный холодъ, тогда какъ ночи, великолепно освѣщаемый Землею, ею-же и согрѣваются: разница между днемъ и ночью, по моимъ наблюденіямъ на томъ полушаріи, была слѣдующая; днемъ температура доходила до 40° на Солнцѣ; по закатѣ Солнца она упада до 16°, но затѣмъ, по мѣрѣ роста земного серпа, она все поднималась и поднималась, достигая до 18° и 19°; когда же на небѣ заблесталъ полный шаръ, она поднялась до 21°, и на этой высотѣ держалась въ продолженіе трехъ сутокъ... Итакъ, вотъ почему еще луниты не населяютъ полушарія съ темными ночами!..

Пробывъ до конца дня въ этихъ новыхъ для меня странахъ, я уже при закатѣ Солнца пустился въ отлетъ съ Луны... «Прощай, таинственный и крайне оригинальный міръ, медленно идущій къ своему концу, какъ медленно вращаешься ты на своей оси!» восклицалъ я, быстро несясь вверхъ, въ мрачныя безвоздушныя пространства, и бросая послѣдніе взоры на нашего неизмѣннаго спутника: «Какое впечатлѣніе произвелъ я собою и своею птицею на твоихъ обитателей человѣческой породы?.. Что они должны думать обо мнѣ»?..

Въ самомъ дѣлѣ, эти вопросы всегда занимаютъ меня: какое впечатлѣніе оставило въ нихъ, въ этихъ лунитахъ, мое появленіе на ихъ планетѣ и потомъ исчезновеніе? Внесло-ли оно какую-нибудь новую, возмущающую идею въ ихъ міросозерцаніе, или изгладилось, прошло безслѣдно, какъ сонъ, какъ ничѣмъ необъяснимый фактъ, который именно въ силу своей необъяснимости, въ силу своей, такъ сказать, *невозможности*, скоро потомъ и забывается?..

Думается мнѣ, что вторая догадка вѣрнѣе первой: луниты слишкомъ спокойны и холодны для работы воображенія, для настойчиваго преслѣдованія необычныхъ мыслей, выходящихъ изъ круга ихъ повседневной жизни... Житель Меркурія, который спитъ всего два-три часа, который не можетъ ходить, а можетъ только бѣгать,— вотъ кто не въ состояніи забыть разъ поразившаго его явленія и не строить, на почвѣ воображенія, всевозможныхъ догадокъ; лунитъ-же, который, въ силу своей натуры, долженъ спать *не менѣе половины* своей 14-суточной ночи и нѣсколько шаговъ дѣлать въ продолженіе цѣлаго часа, не способенъ останавливать своей мысли ни на какихъ загадкахъ...

Въ заключеніе о лунномъ календарѣ.

Годъ лунный состоитъ изъ 346 дней 14 часовъ и 34 минутъ (по земному счету),— весьма немногимъ, стало быть, меньше земного года; по лунному-же счету времени онъ дѣлится на 24 части, изъ которыхъ 12 свѣтлыхъ и 12 полутемныхъ, а на другомъ полушаріи совсѣмъ темныхъ... Является вопросъ: называть-ли эти части мѣсяцами, или днями и ночами, полагая, что въ году 12 дней и 12 ночей?.. Съ точки зрѣнія лунной жизни, конечно, слѣдуетъ называть ихъ днями и ночами, или сутками.

Что касается до *недѣль*, то такого названія не можетъ быть совсѣмъ въ лунномъ календарѣ, такъ какъ природа разбила годъ всего только на 24 крупныя части, давъ каждой изъ нихъ продолжительность не менѣе 354 часовъ.

Времена года — тѣ-же, что и на Землѣ.

Солнечныя затменія чаще, чѣмъ у насъ, и продолжительнѣе, по причинѣ особеннаго положенія планеты относительно Солнца и огромнаго диска Земли, заслоняющаго

солнечный дискъ сравнительно небольшой величины; они продолжаются два часа и болѣе, производя среди яркаго дня такую темную ночь, какая возможна только на полушаріи, никогда невидимомъ нами.

За то на этомъ послѣднемъ солнечныхъ затменій никогда не бываетъ: оно никогда не видитъ той большой, сравнительно съ собою, планеты, вокругъ которой совершаетъ свой 28-суточный путь его собственная планета.

Итакъ, лунный календарь весьма простъ: въ году, какъ и у насъ, 4 времени, но каждое время года состоитъ изъ 3 только сутокъ, равняющихся 84 земнымъ суткамъ (приблизительно).

МІРЪ ВЫСШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

РАЧНЫ и, въ сущности, ужасны эти между-планетныя пространства! Вокругъ васъ, надъ вами и подъ вами — безвоздушная пустыня, черная, страшно-холодная, громадная по своему пространству, или, прямо говоря — бесконечная!.. Лучи Солнца никогда не въ состояніи согрѣть ее: они согрѣваютъ только разбросанныя тамъ-и-сямъ свѣтящіяся точки, называемыя планетами и служащія станціями въ передвиженіяхъ по этой безпредѣльной пустынь!..

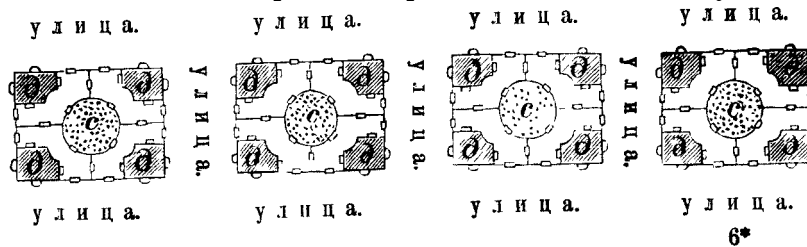
Меня, въ моихъ полетахъ по ней, всегда приводила въ содроганіе мысль: что, если что-нибудь вдругъ испортится въ механизмѣ моей птицы и она не въ силахъ будетъ болѣе служить мнѣ?.. Тогда мы съ нею не свалимся, конечно, въ пропасть, потому что падать некуда, если нѣтъ подъ нами никакой почвы, притягивающей къ себѣ, а станемъ бесконечно кружиться въ пространствѣ, какъ кружатся планеты... Насъ постигнетъ участь какого-нибудь аэролита, безсознательно носящагося въ пространствѣ и только *случайно* падающаго вдругъ на какую-нибудь планету, т.-е. если *случай* приблизитъ его на столько къ ней, что ея притягательная сила окажетъ на него свое дѣйствіе... Ужасная участь!..

Но, къ моему счастью и къ вашему удовольствію, читатели (надѣюсь, что къ *удовольствію*), со мною ничего подобнаго не случилось... Марсѣ, къ которому я летѣлъ теперь, становился все больше и больше: это уже не обыкновенная точка была, а значительной величины шарикъ, примѣрно — съ крупную вишню; черезъ нѣкоторое время онъ сталъ величиною со сливу, потомъ съ яблоко, и все быстро росъ и росъ, доходя до величины большого арбуза... А еще черезъ нѣкоторое время, почти уже полнеба было занято огромною массою, къ которой я стремился! Подо мною была уже *почва*, а не пустота, на которую слѣдовало опуститься, и я далъ машинѣ движеніе внизъ...

Долго я не могъ разобрать, какого рода мѣстность подо мною, потому что было еще очень далеко до поверхности почвы... Наконецъ выяснилось, что я находился въ области зимы: почва была покрыта снѣгомъ, на деревьяхъ висѣлъ комьями иней... Но какой снѣгъ и какой иней! Я долго не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, но наконецъ принужденъ былъ повѣрить: и снѣгъ и иней были *яркожелтаго* цвѣта! Да, читатель, *яркожелтаго*!.. Я уже привыкъ къ разнымъ особенностямъ планетъ: къ золотистобѣдому небу на Меркуріи, къ золотистожелтому на Венерѣ, къ темносинему на Лунѣ; но о *снѣгѣ* я какъ-то никогда не думалъ, видѣвъ его повсемѣстно бѣлымъ,— и на нашей Землѣ, и на трехъ сказанныхъ планетахъ... И вдругъ оказалось, что на Марсѣ онъ желтъ! Это было такъ неожиданно для меня, что я долго не могъ собраться съ мыслями, созерцая изумленными взорами эту *желтую* зиму!..

Находясь уже очень близко отъ почвы, я вдругъ поднялъ глаза вверхъ, и увидѣлъ, что небо — нѣжнѣйшаго блѣднорозоваго цвѣта, среди котораго маленькій кружокъ солнца, гораздо меньше нашего, перешелъ уже за полуденную черту свою... Это тоже была новость для меня: желтый снѣгъ и *блѣднорозовое* небо!.. Эти два цвѣта чрезвычайно шли другъ къ другу, рисуя передъ глазами наблюдателя восхитительную, чудную картину!.. Жители Марса, конечно, привыкли къ ней, какъ мы — къ своей бѣлой зимѣ и къ бѣдноглубому небу, холодно глядѣщему на нее; но для гостя на Марсѣ, какимъ былъ я, это была, какъ хотите, не обыкновенная, не заурядная картина!..

Умѣривъ дѣйствіе машины и тихо опускаясь внизъ, я былъ пораженъ третьей неожиданностью: подо мною, какъ я хорошо разглядѣлъ наконецъ, разстился обширный городъ — съ широкими прямыми улицами, изрѣзанный вдоль и поперекъ каналами, украшенный изящными постройками... Въ сущности, онъ состоялъ изъ небольшихъ квадратовъ или участковъ почвы, раздѣленныхъ, въ свою очередь, на четыре меньшіе квадрата: на внѣшнемъ углу каждого изъ этихъ послѣднихъ стоялъ непременно домъ, обращенный окнами на двѣ улицы, а внутренніе соприкасающіеся углы были заняты садомъ, представляющимъ общій) центральный кругъ, отгороженный отъ каждого участка почвы легкою рѣшеткой. Такимъ образомъ квадраты, изъ которыхъ состоялъ городъ, имѣли на углахъ своихъ по четыре дома съ ихъ дворами и надворными небольшими службами, и общій круглый садъ въ центрѣ, куда вели калитки изъ каждого двора. Планъ цѣлаго города, вслѣдствіе этого, былъ очень простъ и представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

6*

Но не всѣ квадраты были заняты домами; нѣкоторые образовывали сплошныя пространства безъ всякихъ внутреннихъ подраздѣленій, засаженныя деревьями и изрѣзанныя аллеями и дорожками: это были уже *общественные сады*, которыми, стало быть, могъ пользоваться *каждый* житель города. Сады-же въ центрѣ каждой четырехъ домовъ составляли, такъ сказать, собственность этихъ домовъ.

Наконецъ, каждый домъ, какъ я могъ замѣтить съ высоты моего «птичьяго полета», имѣлъ четыре входа или подъѣзда — два съ улицы и два со двора. Дворы сообщались между собою калитками и имѣли также ворота и калитки на улицы, къ которымъ они примыкали. Чистота улицъ и дворовъ была изумительная: и середина, и тротуары первыхъ были залиты какимъ-то изсѣра-голубымъ составомъ, въ родѣ нашего асфальта, и засажены развѣсистыми деревьями, окаймлявшими тротуары; дворы также были залиты тѣмъ-же составомъ. Но самой-же срединѣ улицъ пролегали глубокія колеи, похожія на рельсы, по которымъ двигались экипажи — безъ лошадей и безъ пара: они, какъ узналъ я потомъ, приводились въ движеніе электричествомъ.

Городъ расположенъ былъ при широкой рѣкѣ, на ровномъ мѣстѣ. Изъ этой рѣки, по нѣкоторымъ изъ улицъ, проведены были внутрь города прямые каналы съ каменными набережными, пересѣкаемые поперечными каналами, проложенными также по извѣстнымъ только улицамъ. Вездѣ черезъ каналы перекинута были красивые мосты узорчатой ажурной работы, а черезъ рѣку вели пять мостовъ на каменныхъ устояхъ, великолѣпно отдѣланные, съ не менѣе великолѣпными перилами. Но другую сторону рѣки городъ не продолжался: тамъ были нивы, рощи, поля и парки, разбитые на правильные квадраты и принадлежавшіе, по всѣмъ признакамъ, городу...

При видѣ такой несомнѣнно высокой культуры, выразившейся въ этомъ богатомъ, благоустроенномъ и изящномъ городѣ, я почувствовалъ неловкость моего положенія, заставлявшаго меня *прямо* опуститься на одну изъ этихъ улицъ, по которымъ сновало въ разныя стороны множество прохожихъ и проѣзжихъ въ общественныхъ экипажахъ; поэтому я хотѣлъ дать моей машинѣ боковое движеніе, чтобы опуститься гдѣ-нибудь за городомъ, но было уже поздно: меня увидѣли, начала образовываться толпа, смотрѣли на

меня съ изумленнымъ любопытствомъ и, наконецъ, привѣтливо замахали мнѣ шляпами и платками, крича что-то, приглашая, однимъ словомъ, опуститься тутъ-же, среди ихъ...

Нечего было дѣлать: я тихо опустился на тротуаръ, привѣтствуемый восклицаніями со всѣхъ сторонъ «кенъ! кенъ!»— что, вѣроятно, означало наше «браво» или «ура», и когда вышелъ изъ будки и началъ раскланиваться направо и налево, то-же «кенъ» опять посыпалось на меня со всѣхъ сторонъ... Отвѣсивъ новый общій поклонъ, я, съ своей стороны, сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

— Милостивые государи! Чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашъ радушный пріемъ! Я житель планеты, называемой Землею, которая въ непосредственномъ вашемъ сосѣдствѣ циркулируетъ вокругъ Солнца... Я прибылъ къ вамъ на машинѣ, которую вы видите, чтобы познакомиться съ вашею планетою... Приветствую планету Марсъ и радъ сердечно, видя его блестящіе успѣхи на поприщѣ общечеловѣческой цивилизації! Да здравствуетъ Марсъ! Ура!..

И я поднялъ шляпу свою вверхъ, потрясая ею и возгласивъ еще разъ «ура»...

— Кенъ! Кенъ! Кенъ!— закричали мнѣ снова, и множество рукъ поднялось также вверхъ, потрясая, подобно мнѣ, шляпами и платками...

Меня, казалось, понимали, или *почти* понимали, такъ какъ, говоря о Землѣ и о Солнцѣ, я указывалъ на небо понаправленію къ этимъ двумъ тѣламъ, а при имени Марса указывалъ внизъ, на почву: цивилизованные люди понятливѣе и догадливѣе, въ этомъ случаѣ, дикарей и людей, стоящихъ еще на первой ступени своего умственного развитія... Да и какіе славные, симпатичные люди окружали меня въ эти минуты! Лица у нихъ были правильной овальной формы, полныя, блѣдноглубого цвѣта, съ румянцемъ не краснымъ какъ у насъ, а густоголубымъ, съ большими темными глазами, съ свѣтлорусыми волосами на головѣ и бородѣ съ усами, переходящими у иныхъ въ темнозеленый цвѣтъ... Фигуры большей частью были видныя и стройныя, а костюмы — почти тѣ-же, что у насъ: круглыя верхнія одежды, повидимому, на ватѣ, похожія на пальто, такія-же брюки, такіе-же сапоги, только не черные, а темнокрасные, блестящіе, такія-же шляпы, напоминающія наши цилиндры... Было много и дамъ, одѣтыхъ очень просто и удобно, безъ всякихъ претензій на моду и щегольство — въ платьяхъ и вороткихъ пальто, въ небольшихъ шляпахъ, красивыхъ и изящныхъ, безъ всякихъ цвѣтовъ и лентъ...

Если-бы не эти странныя, необычныя для меня, блѣдноглубыя лица съ густоголубымъ румянцемъ (хотя и весьма красивыя), да темнозеленые волосы на иныхъ головахъ и бородахъ, можно было-бы подумать, что находишься въ высоко-образованномъ обществѣ какого-нибудь изъ большихъ европейскихъ или американскихъ городовъ... Но что дѣлать! Нужно принять за истину, стало быть, что человѣчество на каждой планете имѣетъ свои мѣстныя особенности, какъ и окружающая его природа... И обитателю Марса, перенесенному на Землю, такъ-же покажутся странными и необычными наши розовыя лица, красный румянецъ щекъ и черные, какъ смоль, волосы у многихъ и очень многихъ изъ нашихъ собратьевъ!..

Зимній холодъ доходилъ до 6°, но нигдѣ на улицахъ и дворахъ не было этого яркожелтаго снѣга, — его, конечно, немедленно убрали, какъ только онъ выпалъ. Онъ оставался только на крышахъ домовъ, въ садахъ, на деревьяхъ, и по ту сторону рѣки, гдѣ было царство сельскихъ или деревенскихъ пейзажей. Рѣки и каналы были свободны отъ всякаго льда, сверкая своими изсѣра-темнозелеными небольшими волнами, которыя производилъ легкій морозный вѣтеръ. Въ нихъ слабо отражались блѣднорозовое небо и золотое, скромныхъ размѣровъ, Солнце...

«Да, вотъ онъ, Марсъ!» радостно восклицалъ я про себя: «Предчувствую, что онъ, кажется, опередилъ насъ, къ сожалѣнію, на пути прогресса!..» И я не ошибся...

II.

Съ какимъ любопытствомъ осматривали мою птицу эти гостепріимные и образованные марситы, какъ удивлялись ея простому устройству и какъ искренно выражали мнѣ свою похвалу или «кенъ», когда я, для опыта, дѣлалъ полеты вверхъ и въ разныя стороны! Можно сказать, что весь городъ смотрѣлъ на меня и на мою машину, запрудивъ собою всѣ улицы и по-неволѣ остановивъ, вслѣдствіе этого, движеніе своихъ электрическихъ экипажей!.. Наконецъ, въ высшей степени радушно, граціозными жестами и добрыми улыбками пригласили меня въ ближайшій домъ — отдохнуть послѣ моего путешествія... Въ сопровожденіи трехъ человѣкъ я вошелъ въ домъ, между тѣмъ какъ другіе два бережно катили за нами мою птицу... Войдя въ свѣтлыя просторныя сѣни или вестибюль, мы пошли по лѣстницѣ вверхъ, а птицу вкатили въ комнату подъ лѣстницей — нѣчто въ родѣ швейцарской, но только безъ швейцара: это было мѣсто для храненія громоздкихъ вещей...

Мы поднялись во второй этажъ и, подойдя къ одной двери, остановились на минуту; одинъ изъ моихъ хозяевъ прикоснулся рукою къ ней — и она тотчасъ-же быстро открылась. Мы вошли въ прихожую... Никто насъ не встрѣтилъ, и дверь сама собою закрылась за нами... Налѣво была другая дверь, которая также, отъ прикосновенія къ ней рукою, быстро отворилась, обнаруживъ весь комфортъ въ убранствѣ комнаты, скрывавшейся за нею... Всѣ трое любезными жестами пригласили меня войти въ нее, и когда я вошелъ, тотчасъ-же съ поклонами оставили меня... Дверь за ними также быстро затворилась...

Я осмотрѣлся кругомъ. Въ моемъ распоряженіи были двѣ комнаты,— та, въ которую мы вошли, и слѣдующая за нею. Первая была въ три окна, очень просторная, свѣтлая и высокая. Стены ея были одѣты деревянными шестиугольниками,— точно полъ изъ паркета,— блестящими, какъ стекло, и окрашенными попеременно то въ желтый, то въ розовый цвѣтъ... Это мнѣ напомнило желтый снѣгъ и розовое небо!.. Потолокъ былъ сводчатый, белый и также блестящій, а полъ состоялъ изъ такой-же плотной массы, какъ на улицахъ, только темнокраснаго цвѣта, гладкой и согрѣвающей ноги!.. Я потомъ узналъ, что дома на Марсѣ отапливаются, въ холодное время, оригинальнымъ образомъ: въ подпольномъ пространствѣ устроены резервуары, въ родѣ печекъ, наполненные,— чѣмъ-бы вы думали?— солнечнымъ тепломъ, съэкономленнымъ въ продолженіе лѣта!.. У насъ тоже писали, и даже весьма недавно, о сбереженіи массы лѣтняго тепла, пропадающаго даромъ; но на Марсѣ это въ высшей степени полезное изобрѣтеніе ума человѣческаго успѣло раньше осуществиться и дать блестящіе результаты, чѣмъ на нашей Землѣ... Вторая комната была въ два окна; стѣны въ ней, потолокъ и полъ были такіе-же, какъ въ первой, съ тою лишь разницей, что стѣнной паркетъ былъ окрашенъ двумя другими цвѣтами,— блѣднолиловымъ и темнолиловымъ, а весь полъ былъ устланъ громаднымъ ковромъ желтаго цвѣта, чрезвычайно мягкимъ и пушистымъ точно мѣхъ какого-нибудь дорого цѣнимаго животного... Это была спальня, или, вообще, комната для отдыха: въ центрѣ ея стояла длинная качалка, весьма похожая на наши качающаяся кресла и заключающая въ себѣ двѣ подушки, тонкій эластичный матрасъ, простыню и одѣяло. Все это сіяло своей безукоризненной бѣлизною и свѣжестью...

Окна въ обѣихъ комнатахъ были большія, закругленныеверху, каждое въ три стекла, т.-е. два въ двухъ открывающихся половинкахъ и третье, полукруглое,верху надъ двумя первыми. Но на самомъ дѣлѣ это были не стекла, а особенный прозрачный составъ,

прочный, гибкій и не ломающийся, а только гнущийся; онъ легко уступалъ давленію пальца, но въ ту-же минуту выпрямлялся, когда оставляли его въ покоѣ. Сильный ударъ въ такое окно вышибалъ съ своего мѣста цѣлую часть этого своеобразнаго стекла, дѣлая его болѣе или менѣе вогнутымъ, но не разбивалъ въ осколки и не превращалъ въ негодное къ употребленію, такъ какъ оно очень скоро само собою выпрямлялось. Отдѣлывая, ему всегда придаютъ какую-нибудь легкую окраску, пріятную для глазъ, напр. розоватую или голубоватую.

Мебель поражала своей простотой и изяществомъ, и при всемъ томъ отличалась замѣчательнымъ удобствомъ: все было гнутое изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ, въ родѣ нашей вѣнской мебели, и снабжено мягкимъ рѣшетчатымъ переплетомъ на сидѣньяхъ и спинкахъ; но на сидѣньяхъ, сверхъ того, лежали еще мягкія подушки, обтянутыя красивыми разноцветными матеріями, и такія-же подушки придѣланы были и къ рѣшетчатымъ спинкамъ. Даже письменный столъ, у одного изъ оконъ въ первой комнатѣ, былъ искусно выгнутъ изъ тѣхъ-же древесныхъ стволовъ и отличался отъ прочей мебели лишь овальной доской, превосходно выполированной, и двумя ящиками подъ нею которые мгновенно выдвигались отъ нажиманія пуговокъ у каждого изъ нихъ. На столѣ лежало нѣсколько книгъ въ переплетахъ, большихъ и малыхъ, нѣсколько брошюръ карманнаго формата, много листовъ бѣлой, желтой и розовой бумаги и чернильный приборъ... Все это было поразительно сходно съ тѣми-же предметами у насъ, въ особенности книги и брошюры, и мнѣ оставалось только глубоко пожалѣть о невозможности для меня прочесть все это!.. И буквы этого неизвѣстнаго мнѣ языка тоже были весьма похожи на нашъ общеевропейскій латинскій шрифтъ!.. Въ одномъ только оказалось несходство съ нами: эти брошюры карманнаго формата были не что иное, какъ нумера ежедневныхъ газетъ, о чемъ я узналъ на другой-же день... Листы исполинскаго формата, которыми такъ хвастаются земныя газеты, но которые, по моему, удобнѣе скорѣе для заворачиванія покупокъ, чѣмъ для спокойнаго чтенія, признаны на Марсѣ,— и совершенно справедливо,— неудобными ни для чтенія, ни для справокъ, такъ какъ утомляютъ и руки, и глаза...

Осмотрѣвъ все это, я легъ отдохнуть. Пролежавъ два часа въ самомъ пріятномъ забытіи, такъ какъ болѣе грезилъ наяву, чѣмъ спалъ, я всталъ и вышелъ въ первую комнату. Минуть черезъ пять раздался негромкій звонокъ,— и вдругъ передъ однимъ изъ креселъ тихо выросъ изъ пола просторный круглый столъ, сервированный обѣдомъ!.. Въ первое мгновеніе я чрезвычайно озадачился, вообразивъ себѣ, по нашей нервной земной привычкѣ, Богъ-знаетъ что... Но успокоившись, я подошелъ къ выросшему столу, и тогда только замѣтилъ, что на томъ самомъ мѣстѣ пола былъ, едва замѣтно, начерченъ черною краскою кругъ; этотъ кругъ, по звонку, откидывался, какъ крышка, въ сторону, и въ образовавшееся круглое отверстіе выросталъ въ комнату столъ изъ буфета, который находился подъ комнатою, въ первомъ этажѣ... Столъ, три ноги котораго прикрѣплены были къ такой-же круглой нижней доскѣ, какъ и верхняя (придѣланной для того, чтобы закрыть собою отверстіе въ буфетъ по выдвинутіи стола въ комнату), приводился въ движеніе очень простымъ механизмомъ, которому толчокъ и силу сообщало электричество. Это-же электричество въ ту-же минуту зажгло нѣсколько маленькихъ шаровъ, прикрѣпленныхъ къ потолку въ симметрическомъ порядкѣ, и моя столовая и пріемная, а за нею и спальня мгновенно освѣтились чуднымъ свѣтомъ, мало уступавшимъ полному дневному свѣту...

Я сѣлъ къ моему «волшебному» столу... На его крышкѣ, обитой чѣмъ-то въ родѣ клеенки краснаго цвѣта, были разставлены тарелки, стаканы, ложки, вилки и ножи, опять

очень похоже на наши, но сдѣланные изъ того-же удобнаго прозрачнаго матеріала, который употребляется въ окнахъ; такимъ образомъ все было прозрачно — отъ тарелокъ до вилокъ съ ножами, и все удобно и экономно, потому что не билось въ дребезги отъ паденія... Блюда были изготовлены изъ двухъ родовъ пищи, — молочной и растительной, включая въ послѣднюю мучнистыя вещества и фрукты съ овощами. Блюды было пять: два супа, молочный и фруктовый, котлеты, въ составъ которыхъ входили творогъ, мука и разныя овощи, какіе-то средней величины шарики, зажаренные въ маслѣ и облитые сметаной, и наконецъ сырые фрукты, въ родѣ нашихъ яблокъ и сливъ. Кромѣ того, два небольшіе стакана наполнены были виномъ желтаго янтарнаго цвѣта, очень пріятнымъ и возбуждающимъ аппетитъ. Все было очень вкусно приготовлено и не требовало ни хлѣба, ни соли, которыхъ и не было на столѣ. Я съ огромнымъ удовольствіемъ отобѣдалъ и послалъ искреннее спасибо кулинарному искусству марситовъ!..

Изъ области этого искусства, какъ я потомъ узналъ, решительно исключена животная пища, то-есть мясо всякихъ сортовъ... Такимъ образомъ марситы — вегетаріанцы, тогда какъ на нашей Землѣ вегетаріанизмъ есть не болѣе, какъ скромное исключеніе изъ общаго правила. Мы не можемъ жить, не лишая ежедневно жизни безсловесныхъ тварей, мясо которыхъ жадно поглощаемъ въ громадномъ количествѣ; обитатели-же Марса пользуются отъ нихъ только молочнымъ продуктомъ, истребляя однихъ хищныхъ, кровожадныхъ звѣрей...

III.

Ровно черезъ часъ послѣ моего обѣда я услышалъ нѣсколько легкихъ ударовъ въ дверь... Я прикоснулся къ ней рукою; она отворилась, и я увидѣлъ за нею моихъ любезныхъ хозяевъ...

Я обрадовался и воскликнулъ:

— Войдите, войдите! Я отдохнулъ и отобѣдалъ, и сердечно благодарю васъ за то и другое! Все у васъ прекрасно, — и помѣщеніе, и столъ! Вижу, что и городъ вашъ не менѣе прекрасенъ, и желалъ-бы, если позволите, покороче познакомиться съ нимъ!..

Они, кажется, поняли смыслъ моихъ восклицаній, потому что любезно улыбались и дѣлали мнѣ легкіе поклоны за каждой моей фразой... Я жестами пригласилъ ихъ сѣсть. Они сѣли и стали говорить мнѣ что-то, чего я, къ сожалѣнію, не понималъ... Посидѣвъ минутъ десять, они встали, и подойдя къ окнамъ, опять начали говорить мнѣ что-то, любезно улыбаясь и показывая на улицу... Тогда я понялъ, что они приглашаютъ меня прогуляться вмѣстѣ съ ними по городу, и отвѣтилъ:

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, господа! Я самъ хотѣлъ просить васъ объ этомъ! И такъ пойдемте, пойдемте! Я радъ буду познакомиться со всѣмъ замѣчательнымъ у васъ!

Я взялъ пальто свое и шляпу. Они послѣдовали моему примѣру, и мы вышли на улицу...

Уже изъ оконъ я замѣтилъ, сидя еще въ комнатѣ что городъ освѣщается электричествомъ. Когда-же мы очутились на улицѣ, можно было подумать, что день, послѣ непродолжительныхъ сумерекъ, вернулся снова, — до того было поразительно свѣтло! Каждый домъ, въ каждой улицѣ, снабженъ былъ двумя прикрѣпленными къ нему большими шарами, которые во всѣ стороны посылали отъ себя лучи нѣжнѣйшаго бѣлаго свѣта, самаго пріятнаго и ласкающаго зрѣніе... Мы прошли, а отчасти и проѣхали множество улицъ, и всюду я видѣлъ по два шара у каждого дома; словомъ, здѣсь также обыкновенны они, эти электрическіе шары, у каждого дома, какъ у насъ простые керосиновые фонари, съ тою только разницей, что у насъ даже въ столицахъ иные дома и

этого освѣщенія не имѣють при себѣ... Проѣхавшись съ моими любезнѣйшими спутниками и хозяевами и въ общественныхъ экипажахъ, весьма похожихъ на наши «конки» по наружному виду своему и по внутреннему расположенію, я убѣдился, что на Марсѣ солнце и электричество — рѣшительно *все* въ ежедневной жизни: первое и зимою грѣетъ, отапливая дома, а второе освѣщаетъ ихъ и двигаетъ всякіе механическіе аппараты, начиная отъ самыхъ незначительныхъ и кончая такими сложными, каковы *сушеходъ* и *водоходъ*: научившись въ послѣдствіи немного понимать мѣстный языкъ я *буквально* перевожу два слова *эноси* и *алоэси* который означаютъ два рода передвиженія — по сушѣ и по водѣ...

Обративши затѣмъ вниманіе на дома, я узналъ, что они строятся изъ камня, похожаго на гранитъ, но обшиваются снаружи аллюминіемъ, а внутри деревомъ. Крыши также изъ аллюминія. Здѣсь нѣтъ обыкновенія оклеивать стѣны обоями разнаго рода или обивать ихъ различными дорогими матеріями, къ чему такъ пристрастны наши богачи: и то, и другое признано непрактичнымъ и неэкономнымъ (въ особенности второе), а потому не существуетъ вовсе обойныхъ фабрикъ. Въ домахъ вездѣ устроены водопроводы и *терраклозеты*, а не *ватерклозеты*, какъ у насъ, что чрезвычайно важно въ гигиеническомъ отношеніи: почва, или, какъ говорятъ у насъ, земля, ассимилируя все въ себя, устраняетъ существованіе массы тѣхъ нечистотъ, которыя, смѣшиваясь съ водою и выходя изъ домовъ, заражаютъ обыкновенно у насъ и воздухъ, и воду рѣкъ, съ ихъ каналами, своими мізмами... Это въ высшей степени важное и полезное изобрѣтеніе въ жизни человѣчества, и какъ жаль, что оно не пользуется никакою почти извѣстностью на нашей планетѣ!

Дома строятся въ 4, 5 и 6 этажей; меньше четырехъ и больше шести этажей обыкновенно не строятъ. Въ каждомъ домѣ, кромѣ лѣстницъ, есть непременно и подъемательная машина, встрѣчаемая у насъ только въ немногихъ столичныхъ домахъ. Входныя двери у домовъ и у каждого отдѣльнаго помѣщенія или квартиры только открываются или закрываются электрическимъ токомъ (проведеннымъ по двернымъ притолкамъ), но не *запираются*, потому что воровъ и грабителей нѣтъ, а деликатность и вѣжливость обязываютъ всякаго посѣтителя предварительно *постучаться* у двери, прежде чѣмъ прикоснуться къ ея притолкѣ рукою. Электрическими звонками снабжены только наружный двери у домовъ, ведущія на улицу или на дворъ. Но если кто, въ силу особенныхъ причинъ, желаетъ *прочно* уединиться у себя, тотъ прилаживаетъ запоры или задвижки у своихъ дверей, что, разумѣется, никому не кажется страннымъ.

Я посѣтилъ, и въ тотъ первый мой вечеръ, и въ слѣдующіе за нимъ дни и вечера, множество мѣстъ, отъ ученыхъ засѣданій и библіотекъ до увеселительныхъ собраній включительно, сопровождаемый всюду моими любезными, добрыми хозяевами. Вездѣ я находилъ много поучительнаго и прекраснаго и неизмѣнное вниманіе ко мнѣ и радушіе всѣхъ безъ исключенія жителей города: вездѣ привѣтствовали меня «кеномъ» и дружелюбными взглядами, улыбками и жестами, не тѣснясь возлѣ меня, не безпокая меня безцеремоннымъ, назойливымъ любопытствомъ, которое такъ обыкновенно у насъ, даже въ лучшемъ обществѣ... А *прогос увеселительныхъ* собраній: я чуть не забылъ-было сказать, что *театра* у марситовъ не существуетъ вовсе... Когда я научился потомъ немного объясняться на ихъ языкѣ, то мнѣ сообщили слѣдующее: театръ, дѣйствительно, существовалъ прежде, лѣтъ двѣсти тому, но пользы отъ него такъ было мало, а деморализаціи, напротивъ, такая получалась масса, что онъ сталъ быстро падать въ общемъ мнѣніи, и наконецъ совсѣмъ упалъ и сданъ въ архивъ, какъ давно отжившее свое время, и потому лишнее и *вредное* даже учрежденіе!.. Драмы и комедіи перешли окончательно въ романъ или повѣсть, такъ какъ на театральной сценѣ онѣ постоянно уродовались разными ненужными и неестественными

«эффектами», которые учат людей только позировать, фразировать и кокетничать, развивая въ нихъ до-нельзя привычку ко лжи, къ притворству, къ рисовкѣ и къ половымъ вождельніямъ... Словомъ, театръ потерялъ всякій кредитъ и вышелъ изъ употребленія... Вмѣсто него остались одни «здоровыя» увеселенія, какъ выражаются марситы, то-есть музыка, пѣніе и изящная литература, которыя на вечернихъ собраніяхъ соединяются обыкновенно въ одно цѣлое.

Балета также не существуетъ, и по тѣмъ же причинамъ.

Всѣ эти замѣчательныя свойства марситовъ вытекаютъ изъ ихъ не менѣе замѣчательныхъ гражданскихъ порядковъ, которые такъ поразили меня своею неожиданностью и солидностью, что я намѣреваюсь посвятить обзорѣнію ихъ отдѣльную главу въ моемъ разсказѣ...

IV.

Лѣтъ триста тому назадъ, приблизительно въ концѣ 16 столѣтія нашей эры, на Марсѣ существовали еще тѣ гражданскіе порядки, среди которыхъ мы живемъ теперь на Землѣ: роль правительства въ каждомъ государствѣ ограничивалась военною и полицейскою властью, то-есть поддержаніемъ мира и защитой народа отъ общественныхъ враговъ; при малѣйшемъ международномъ недоразумѣніи объявлялась война, причемъ сокровища государственной казны расточались, какъ вода; войны большей частью не приносили никакой пользы народамъ, а зло, напротивъ, громадное, и проч., и проч. Въ настоящее время войнъ на этой счастливой планетѣ не бы-ваетъ совсѣмъ, и правительства разныхъ націй руководятъ только *промышленностью*, съ цѣлью гарантировать своихъ гражданъ отъ голода и нищеты и доставлять имъ все необходимое.

Теперь на Марсѣ ни въ одномъ государствѣ нѣтъ ни партій, ни политическихъ дѣятелей разныхъ мастей, такъ какъ политика отжила давно уже свой вѣкъ и навсегда похоронена; демагогіи и подкуновъ тоже нѣтъ болѣе нигдѣ, — они вѣдь неразлучны были съ процвѣтаніемъ политики. Вмѣсто всего этого, общественная жизнь сложилась такъ, что какое-нибудь оффиціальное лицо, каковы-бы ни были его побужденія, не имѣстъ рѣшительно никакой возможности злоупотреблять властью въ свою или чью-нибудь частную пользу; хорошо-ли, худо-ли оно исполняетъ свои обязанности, но продажнымъ оно не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ: мотивовъ къ тому нѣтъ... Порядки, однимъ словомъ, таковы, что не представляется при нихъ ни малѣйшей выгоды быть безчестнымъ...

Эти порядки начались съ того, что въ руки государствъ стали постепенно переходить фабрики, заводы, пути сообщенія, фермы, мельницы, добываніе и разработка металловъ и т. д. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ государства взяли на себя и роль капиталистовъ, а когда это случилось, то національная организація труда подъ *единымъ* управленіемъ вполнѣ разрѣшила ту загадку, которая у насъ на Землѣ и до сихъ поръ еще все считается неразрѣшимой: я разумѣю нашъ «рабочій вопросъ». Какъ скоро единственнымъ нанимателемъ или работодателемъ сдѣлалось у каждой націи государство, то всѣ граждане стали работниками, которыхъ правительство и распредѣляетъ сообразно нуждамъ промышленности.

Къ рабочему вопросу былъ примѣненъ принципъ *воинской повинности*, какъ онъ понимался во время господства политики и войнъ. Люди уже съ тѣхъ поръ были приучены къ мысли, что для каждого гражданина, физически способнаго, обязательна военная служба — для защиты отечества отъ всякихъ враговъ. Войны болѣе не стало, а трудъ, по прежнему, остался, и къ нему-то и примѣнили принципъ повинности или необходимости: сложилось здоровое и вполнѣ понятное убѣжденіе, что для преуспѣванія каждой націи обязателенъ

трудъ каждого ея члена, физическій или умственный. Но эта обязательность труда не имѣетъ вида *принудительности*: при укорененіи настоящихъ гражданскихъ порядковъ, работать считается такимъ естественнымъ и разумнымъ дѣломъ, что исключается само собою всякое понятіе о какомъ-бы то ни было принужденіи. Тотъ, къ кому понадобилось-бы примѣнить въ этомъ случаѣ принужденіе, заслужилъ-бы общее презрѣніе къ своей личности. Тѣмъ не менѣе, слово «принужденіе» было-бы еще слишкомъ слабымъ терминомъ для абсолютной необходимости труда при настоящихъ гражданскихъ порядкахъ: все основано на *службѣ обществу* и вытекаетъ изъ нея, и если-бы для кого-нибудь явилась возможность уклониться отъ этой службы, то этотъ кто-нибудь не нашелъ-бы себѣ никакихъ средствъ къ существованію... Онъ самъ себя исключилъ-бы изъ человѣческаго общества, а на это едва-ли кто можетъ рѣшиться, если имѣется хоть капля здраваго смысла въ головѣ!..

Служба обществу своимъ трудомъ имѣетъ свой предѣлъ или срокъ: ей полагается *двадцать лѣтъ*. Въ прежнее время разныя фабрики и мастерскія полны были дѣтей и стариковъ; теперь-же дѣтство и молодость посвящены воспитанію и образованію, а зрѣлые годы предоставляются отдыху и тѣмъ занятіямъ, которыя доставляютъ личное удовольствіе. Періодъ обязательной службы начинается съ 22 лѣтъ, по окончаніи образованія, и оканчивается, стало-быть, въ 42 года; но въ случаѣ какихъ-нибудь особенныхъ надобностей, въ родѣ, напримѣръ, внезапно возникшаго большого спроса на какую-нибудь отрасль труда, и послѣ этого срока до 50 лѣтъ граждане еще подлежатъ призыву къ общественной службѣ; впрочемъ, такіе случаи рѣдки, даже никогда почти не бывають 1-е число 1-го мѣсяца въ году называется «днемъ смѣны»: ежегодно въ этотъ день молодые люди, достигшіе 22 лѣтъ, распредѣляются по разнымъ отраслямъ труда, а 42-лѣтніе, отслужившіе свой обязательный срокъ, получаютъ почетное увольненіе. Этотъ день особенно торжественно празднуется, такъ какъ съ него-же начинается и *новый годъ*.

Что касается до распредѣленія гражданъ по разнымъ отраслямъ труда, то оно предоставлено имъ самимъ. Каждый самъ себѣ избираетъ дѣло сообразно своимъ природнымъ способностямъ; государство-же заботится лишь о томъ, чтобы дать возможность каждому открыть въ себѣ и развитъ свои дѣйствительно-природныя способности. Организція этой «рабочей арміи», которая состоитъ изъ $\frac{3}{4}$ всей націи въ каждомъ государствѣ, основана на томъ принципѣ, что выборъ рода труда долженъ быть рѣшаемъ природными наклонностями человѣка, какъ физическими, такъ и умственными. Хотя служба въ той или другой формѣ обязательна для всѣхъ, но родъ ея опредѣляется свободнымъ выборомъ, и правительство регулируетъ только направленіе рабочихъ силъ. Такъ какъ личное довольство человѣка въ его служебный періодъ зависитъ отъ того, чтобы родъ занятій отвѣчалъ его вкусамъ, то родители и учителя внимательно наблюдаютъ съ раннихъ лѣтъ ребенка его природныя наклонности. Основательное изученіе національной промышленной системы, а также исторіи и основныхъ началъ всѣхъ главныхъ отраслей промышленности, составляетъ существенную часть системы воспитанія и образованія. Учащіеся постоянно посѣщаютъ фабрики и заводы и нерѣдко предпринимають дальнія экскурсіи для ознакомленія съ какимъ-нибудь особеннымъ промышленнымъ предпріятіемъ. Въ прежнее время люди не стыдились своего полного невѣжества во всѣхъ отрасляхъ труда, кромѣ своего собственнаго; теперь подобное невѣжество было-бы несовмѣстно съ настоящею системой — давать каждому возможность разумно избирать родъ занятій, который ему наиболее по вкусу. Теперь молодой человѣкъ еще задолго до того времени, когда его зачислятъ на службу, уже останавливаетъ свой выборъ на какомъ-

нибудь родъ дѣятельности, изучаетъ его и съ нетерпѣніемъ ждетъ времени, когда его примутъ на службу...

При зачисленіи охотниковъ на службу всегда наблюдается, чтобы число рабочихъ рукъ въ каждой отрасли было соразмѣрно спросу на нихъ. Наблюдать за этимъ — дѣло администраціи, которая внимательно слѣдитъ за числомъ охотниковъ на каждую отрасль промышленности. Если предложеніе рукъ на какое-нибудь ремесло значительно превышаетъ спросъ, то значитъ, это ремесло пріятнѣе другихъ, и, наоборотъ, если предложеніе ниже спроса, то изъ этого слѣдуетъ, что данное ремесло тяжелѣе. Наблюдая подобные факты, администрація постоянно заботится объ уравниваніи привлекательности различныхъ ремеселъ, то-есть объ улучшеніи и облегченіи условій труда тамъ, гдѣ это оказывается необходимымъ.

Въ случаѣ чрезмѣрнаго обилія охотниковъ на какое-нибудь ремесло, предпочтеніе отдается тѣмъ изъ нихъ, которые пріобрѣли наиболѣе свѣдѣній въ немъ. Впрочемъ; никогда не бываетъ, чтобы человѣкъ, нѣсколько лѣтъ настойчиво ищущій случая доказать свою способность къ какому-нибудь дѣлу, не нашель-бы наконецъ этого случая. Въ ожиданіи его, онъ пристраивается къ другому дѣлу, къ которому у него есть также склонность и способность, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ къ тому, которое онъ избралъ своей спеціальностью. Въ виду возможнаго недостатка охотниковъ въ какой-нибудь отрасли труда, или внезапной необходимости увеличить гдѣ-нибудь рабочія силы, администрація имѣетъ право спеціально призывать ихъ въ случаѣ необходимости и привлекать нужную рабочую силу откуда-бы ни было.

Но откуда-же, спросятъ, быть можетъ, читатели, берутся люди *умственного* труда, если всѣ должны служить земледѣльцами или ремесленниками?..

Тутъ обыкновенно поступаютъ слѣдующимъ образомъ: послѣ трехлѣтней обязательной службы въ качествѣ простого рабочаго, отъ которой никто не освобождается, каждый самъ рѣшаетъ, сообразно своимъ природнымъ наклонностямъ, посвятить-ли ему себя наукѣ, искусству или ремеслу. Кто чувствуетъ въ себѣ призваніе къ умственному труду, тому предоставляется полная возможность испытать дѣйствительность этого призванія, развить свою способность и отдаться избранной профессіи. Школы всякихъ наукъ и искусствъ открыты, такимъ образомъ, для всѣхъ безусловно. Конечно, многіе изъ учащихся въ нихъ ошибаются въ своемъ призваніи, и убѣдившись, что требованія школъ не подъ силу имъ, возвращаются къ физическому труду. Это нисколько не роняетъ ихъ въ общемъ мнѣніи: въ цѣли общества входитъ и поощреніе развитія всякаго, хотя-бы и воображаемаго, таланта. Въ прежнее время всякія вообще учебныя заведенія существовали на плату своихъ слушателей, и часто аттестаты и дипломы давались также и людямъ неспособнымъ, ограниченнымъ, которымъ открывался такимъ путемъ доступъ ко всѣмъ профессіямъ; теперешнія-же школы — учрежденія національныя, и выдержать въ нихъ курсъ, значитъ выказать, обнаружить *действительные*, а не воображаемые, свои таланты, или дарованія въ области умственного труда. Въ прежнее время молодые люди должны были очень рано избирать свою профессію, и поэтому въ большинствѣ случаевъ выборъ оказывался неудачнымъ, ошибочнымъ; въ настоящее-же время пришли уже къ убѣжденно, что у однихъ природныя способности развиваются позже, чѣмъ у другихъ, и поэтому хотя выборъ профессіи теперь можетъ быть сдѣланъ уже въ 24 года отъ роду, но для *основательною* выбора ея предоставляется затѣмъ еще шесть лѣтъ.

V.

Таковы главные черты этого замѣчательнаго устройства гражданскихъ обществъ или государствъ на Марсѣ. Они всѣ республики съ обычными и у насъ представительными собраніями, кодексами законовъ и судами; но этимъ представителямъ и юристамъ почти нечего дѣлать, потому что о правахъ никто не хлопочетъ, обладая давно ими, законовъ новыхъ не требуется, когда и старые хороши, и никто ни на кого не жалуется, когда всѣ удовлетворены во всѣхъ даже малѣйшихъ потребностяхъ... Некому ни красть, ни грабить, ни завидовать другъ другу, такъ какъ все у всѣхъ есть, что только можно имѣть; вотъ почему и запоровъ въ домахъ не дѣлаютъ, о чемъ я уже говорилъ!.. Но было-бы не полное мое слово, если-бы я не обратилъ вниманія читателей моихъ на нѣкоторыя также подробности, а именно:

Марситы не *покупаютъ* и не *продаютъ* вслѣдствіе итога у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни банковъ, ни цѣлаго сословія услужливыхъ господъ, называемыхъ банкирами, мѣнялами, комиссіонерами и т. д. Въ «доброе старое время», когда всѣ необходимые для жизни предметы производились безчисленнымъ множествомъ независимыхъ людей, необходимъ былъ между ними и безконечный обмѣнъ продуктовъ для того, чтобы каждый могъ имѣть все нужное ему. Обмѣнъ этотъ и назывался торговлей, деньги-же играли роль посредника. Но какъ скоро единственнымъ производителемъ сдѣлалась вся нація, то въ обмѣнѣ между отдѣльными лицами исчезла всякая надобность, такъ какъ они стали пріобрѣтать все нужное другимъ способомъ. Этотъ способъ весьма простъ: въ началѣ года каждому изъ гражданъ открывается государствомъ кредитъ, соотвѣтственный доли его участія въ годовой производительности націи, и выдается кредитный билетъ, по которому онъ получаетъ во всякое время все желаемое изъ государственныхъ складовъ, имѣющихся въ каждомъ городѣ. Такой порядокъ самъ собою исключаетъ всякую необходимость торговыхъ сдѣлокъ между купцами и потребителями. Цѣнность этого билета опредѣлена на прежнюю монету, но эта послѣдняя въ дѣйствительности не существуетъ, а служитъ только терминомъ для опредѣленія сравнительной цѣнности продуктовъ. По предъявленіи билета въ складъ, цѣнность вещи или многихъ вещей, которыя желаетъ пріобрѣсти себѣ предъявитель, выключается конторщикомъ изъ ряда клѣтокъ, на которыя раздѣленъ каждый кредитный билетъ. Нользованіе имъ строго ограничивается однимъ лицомъ, такъ что билетъ никому другому не можетъ быть переданъ; иначе, въ противномъ случаѣ, администрація обязана была-бы вникать во всѣ обстоятельства такой передачи или сдѣлки, чтобы гарантировать ея абсолютную справедливость, а это вовлекло-бы ее въ громадную потерю времени, такъ какъ эти сдѣлки все повторялись бы и повторялись...

Въ случаѣ превышенія годовымъ расходомъ кредитованной суммы, можно получить нѣкоторый авансъ на кредитъ будущаго года; но этотъ обычай не поощряется, и для обузданія его установленъ большой учетъ. Кто-же оказывается слишкомъ легкомысленнымъ, тотъ получаетъ кредитъ помѣсячно или понеѣдельно, и въ крайнемъ случаѣ даже лишается права распоряжаться своимъ кредитомъ. Впрочемъ, кредитъ по билету, выдаваемому на годъ, такъ широкъ, что гораздо чаще не расходуется даже вся годовая сумма, чѣмъ дѣлается какое-нибудь превышеніе ея излишними расходами; надо быть особенно расточительнымъ, чтобы израсходовать раньше годового срока всю сумму и потребовать аванса на будущій годъ.

Но это еще не все: кромѣ платья, бѣлья, мебели и другихъ вещей, получаемыхъ изъ складовъ или магазиновъ, по тому-же годовому кредитному билету каждый гражданинъ получаетъ еще квартиру и пищу на себя и на свое семейство; квартира отводится въ одномъ

изъ домовъ того города, гдѣ онъ живетъ, а пища, въ видѣ завтрака, обѣда и т. п., доставляется ему изъ какой-нибудь общественной столовой, по сосѣдству съ его мѣстомъ жительства. Оказывается, такимъ образомъ, что дома всѣ строятся и принадлежатъ государству или обществу, т.-е. всей націи, и нѣтъ никакихъ собственниковъ или домовладѣльцевъ, какъ было прежде. То-же самое и въ отношеніи всякихъ садовъ, парковъ, лѣсовъ, нивъ и тому подобныхъ почвенныхъ участковъ: всѣ они также составляютъ собственность государственную или общественную, а не какую-нибудь частную, какъ это было назадъ тому двѣсти-триста лѣтъ. Словомъ, каждый гражданинъ теперь во всемъ рѣшительно обезпеченъ, и ему нечего заботиться, ни за себя, ни за дѣтей, о завтрашнемъ днѣ: общество, которому онъ служитъ своимъ трудомъ, гарантируетъ ему пропитаніе, образованіе и всѣ удобства жизни отъ колыбели до могилы. Оно-же, наконецъ, заботится и о его развлеченіяхъ или удовольствіяхъ, предоставляя ему право посѣщать, въ свободные отъ работы часы, всякія музыкальныя, литературныя и другія собранія.

Люди, неспособные къ труду, вслѣдствіе своего болѣзненнаго или слабаго физическаго сложенія, также не забыты государствомъ или обществомъ: не смотря на ихъ болѣзни или недостаточность силъ для труда, они все-таки пользуются всѣмъ необходимымъ, то-есть и помѣщеніемъ, и пищей, и одеждой, потому что, какъ объяснили мнѣ, *всякій гражданинъ имѣетъ право на полное содержаніе отъ общества уже въ силу того, что онъ гражданинъ, то-есть — членъ человѣческой семьи...* Великая, свѣтлая и благотворная идея! Признаюсь, она одна меня болѣе поразила, чѣмъ все общественное устройство на этой замѣчательной планетѣ,— устройство, котораго я одинаково не предвидѣлъ и не ожидалъ найти здѣсь!..

Итакъ, въ сущности, между марситами нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, потому что всѣ одинаково обезпечены всѣмъ необходимымъ. Есть даже нѣчто больше обезпеченности,— есть *избытокъ, въ предметахъ*, доступный всѣмъ и каждому, такъ какъ всѣ трудятся на пользу общую; этотъ-то общій трудъ и создаетъ огромныя богатства, равномерно распределяемые между всѣми; и можно, пожалуй, сказать поэтому, что *всѣ марситы богаты!*..

И не только богаты, но и *равны* между собою, потому что никакихъ сословій или классовъ не существуетъ у нихъ, вслѣдствіе чего нѣтъ ни господъ, ни слугъ, или, точнѣе выражаясь, всякій *самъ себѣ, и слуга, и господинъ...* Да въ сущности въ слугахъ и нужды не ощущается: разныя изобрѣтенія, основанныя на электричествѣ, какъ телеграфъ и т. п., вполне замѣняютъ слугъ, и ни у кого, поэтому, нѣтъ ни кухарокъ, ни прачекъ, ни лакеевъ, ни горничныхъ; первыхъ и вторыхъ замѣняютъ общественныя кухни, столовыя и прачешныя, гдѣ работаютъ тѣ, у кого есть склонность къ хозяйству, а должность лакеевъ и горничныхъ исполняетъ телефонъ (онъ также существуетъ и на Марсѣ!), который устроенъ во всѣхъ рѣшительно помѣщеніяхъ, и большихъ, и малыхъ... По телефону можно и обѣдъ заказать себѣ въ одной изъ общественныхъ кухонь, и книгу затребовать изъ книжнаго склада: и то, и другое своевременно доставляется кѣмъ-нибудь изъ работающихъ въ кухнѣ или въ книжномъ магазинѣ, и тотъ или другой доставитель не считаетъ труда доставки за лакейскій трудъ, такъ точно какъ никто не считаетъ доставителя за лакея: все это — трудъ на пользу общую, какъ и всякій другой трудъ, въ другомъ родѣ!..

Итакъ марситы — счастливы!.. Любя выражаться неопредѣленно, къ чему насъ приучилъ насъ уклончивый «политичный» языкъ, мы-бы прибавили «болѣе или менѣе»; но, по справедливости, они *болѣе* счастливы, а не менѣе, потому что между ними несравненно больше добра, чѣмъ зла, то-есть гораздо больше въ ихъ характерѣ хорошихъ чертъ, чѣмъ

дурныхъ, наслѣдованныхъ отъ старыхъ временъ... Очень ужъ замѣтно, что, въ общей массѣ, всѣмъ живется легко и пріятно, что всякое «горе» навсегда вычеркнуто изъ человѣческой жизни... На Марсѣ не знаютъ такихъ пословицъ и поговорокъ, какъ «нужда не свой братъ», «голодь не тетка», «отъ сумы никогда не отказывайся», «горе не красить», «съ волками жить — по волчьи выть», «жизнь — тяжелое дѣло», «правды не любятъ люди», «справедливость живетъ не на землѣ, а на небѣ», и пр., и пр., и пр... Напротивъ, все здѣсь оказывается иначе, чѣмъ на нашей Землѣ: нужды никто и никогда не знаетъ, голода никто не испытываетъ, кромѣ развѣ тѣхъ минутъ, когда, уставъ отъ труда и проголодавшись, спѣшить домой къ ожидающему его обѣду; о сумѣ никто и представления не имѣетъ, горе испытываютъ только какое-нибудь мелкое, легко поправимое, а не *en gros*, какъ у насъ, съ «волками» вовсе не приходится жить, потому что ихъ теперь и въ лѣсахъ даже трудно встрѣтить, жизнь, напротивъ, и легкое, и пріятное дѣло, правду вездѣ и давно уже научились и любить, и уважать, а справедливость положительно живетъ на Марсѣ, между марситами, такъ что ее далеко искать никогда не приходится...

Да, обитатели этой планеты, носящей у насъ такъ не кстати имя *бога войны*, тогда какъ эта послѣдняя давно изгнана оттуда,— эти счастливые люди успѣли давно уже осуществить у себя тотъ идеалъ общечеловѣческой жизни, о которомъ у насъ на Землѣ нигдѣ людскія массы и понятія не имѣютъ, который извѣстенъ только немногимъ свѣтлымъ умамъ, тщетно старающимся популяризировать его нашимъ инертнымъ массамъ!..

VI.

Проживъ почти два мѣсяца въ этомъ прекрасномъ городѣ, между этими въ высшей степени радушными и высоко-образованными людьми, я полетѣлъ въ дальнѣйшія путешествія по Марсу. Меня сопровождали двое изъ марситовъ — на такихъ же птицахъ какъ моя, которыхъ они устроили себѣ по образцу моей.

У марситовъ, какъ и у насъ, существуютъ воздушные шары, которые они умѣютъ направлять въ желаемую сторону, открывъ, такимъ образомъ, этотъ секретъ раньше насъ (мы вѣдь его и теперь еще не знаемъ); но простого летательнаго снаряда, основаннаго на простѣйшемъ механическомъ законѣ (возможности *опираться на воздухъ*) у нихъ еще не было до сихъ поръ, и вотъ почему ихъ такъ заинтересовала моя птица...

Это меня утѣшило до нѣкоторой степени въ нашей отсталости, сравнительно съ ними, во многомъ... «Если они», думалъ я, «опередили насъ во многомъ, то за то наша Земля, въ моемъ лицѣ, сообщила имъ секретъ летанія, который до сихъ поръ былъ привилегіей однѣхъ птицъ... Пусть хоть въ одномъ этомъ мы будемъ прогрессивнѣе нашихъ образованныхъ сосѣдей!..»

Мы пролетѣли много странъ, и вездѣ видѣли удивительное благоустройство и въ городахъ, и въ цѣлыхъ государствахъ или націяхъ, владѣющихъ, сообразно своей численности, большими или меньшими территоріями: города были такъ-же своеобразно и гигиенично построены, какъ и тотъ, гдѣ я опустился на планету, сады, нивы, парки и проч. содержались въ такомъ-же образцовомъ порядкѣ, какъ и тамъ, возлѣ того города... При этомъ меня удивила одна особенность городовъ — непременно имѣть у себя каналы, не смотря на рѣку, озеро или море...

— Зачѣмъ это?— спросилъ я у моихъ спутниковъ:— Развѣ недостаточно для города того естественнаго резервуара воды, при которомъ онъ построенъ?..

— У насъ признается это недостаточнымъ,— отвѣтилъ одинъ изъ нихъ. Другое дѣло, если городъ состоитъ только изъ одной линіи домовъ, расположенныхъ вдоль рѣчного или

морского берега; но если городъ великъ, если онъ заключаетъ въ себѣ много квадратовъ, тогда тѣмъ изъ нихъ, которые лежатъ вдали отъ воды, будетъ худо въ лѣтнее время: воздухъ у нихъ ничѣмъ не будетъ освѣжаться, и здоровье обывателей станетъ отъ этого страдать... Вотъ почему мы и проводимъ каналы внутри города по многимъ улицамъ...

«Разумная мѣра!» подумалъ я: «дѣйствительно, освѣженіе водою воздуха благотѣльно для здоровья»...

— Но если вода въ каналахъ,— возразилъ я,— будетъ застаиваться?..

— Мы никогда ее до этого не допускаемъ,— отвѣтилъ другой мой спутникъ.— По всѣмъ каналамъ у насъ существуетъ постоянное судоходство; кромѣ того, въ извѣстные сроки мы ихъ чистимъ и, наконецъ, не заражаемъ водъ ихъ никакими нечистотами... Зараженіе послѣдними воды считается у насъ уголовнымъ преступленіемъ,— все равно, что убійство человѣка...

— Вода для человѣка,— заключилъ первый спутникъ мой,— такъ-же необходима, какъ и воздухъ: мало употреблять ее въ видѣ питья,— слѣдуетъ еще и жить всегда въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею... Благодаря каналамъ и этой постройкѣ городовъ, которую вы видите, они, города, оказываются настолько удобными для жизни, что лѣтомъ намъ и дачъ не надо... Устраненіе сплошной постройки городовъ, обыкновенной въ старое время, разбивка территоріи городской на отдѣльные квадраты, сады въ центрѣ ихъ, сады, часто занимающіе *цѣлые* квадраты, близкое сосѣдство повсюду свѣжей воды — въ видѣ каналовъ,— развѣ это не то-же, что и дача?.. Впрочемъ, для особенныхъ любителей лѣтняго простора есть у насъ и настоящіе дачные дома среди лѣсовъ и парковъ, всегда готовые къ услугамъ ихъ... Но ⁹/₁₀ городскихъ жителей *никогда* не расстаются съ городомъ, это смѣло можно сказать!

— А давно у васъ строятъ такъ города?— полюбопытствовалъ я освѣдомиться...

— О, давно! — отвѣтили мнѣ:— болѣе 200 лѣтъ!.. Со времени окончательнаго упраздненія системы политики и войнъ: тогда-же начали постепенно ломать старыя постройки и возводить на мѣсте ихъ новыя, раздѣливъ предварительно городскія территоріи на правильные квадраты... Съ того-же времени начали и каналами снабжать каждый заново строящійся городъ: каналовъ тоже не было въ городахъ въ прежнее время...

— А какія у васъ теперь отношенія между народами или государствами? — предложилъ я еще вопросъ.

— Самыя лучшія, какія только можно себѣ представить: мы обмѣниваемся всякими изобрѣтеніями и открытіями въ области наукъ, искусствъ и ремеслъ, не говоря уже о различныхъ предметахъ, служащихъ къ удовлетворенію нуждъ житейскихъ и называвшихся въ прежнее время *товарами*... Между нашими націями нѣтъ теперь никакихъ «секретовъ»— промышленныхъ или иныхъ, которые въ старое время обыкновенно подавали поводъ къ испрашиванію привилегій, вредныхъ для всѣхъ и полезныхъ только для немногихъ, и не существуетъ также никакихъ конкуренцій или соперничествъ, одинаково вредныхъ, какъ и привилегіи: люди теперь не завидуютъ другъ другу ни въ чемъ, не скрываютъ своекорыстно другъ отъ друга ничего, а просто обмѣниваются всѣмъ между собою по-братски, и помогаютъ одинъ другому во всѣхъ полезныхъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ. Много способствуетъ этому также уничтоженіе паспортныхъ и другихъ стѣсненій и затрудненій, тормозившихъ прежде свободу передвиженія съ мѣста на мѣсто: теперь люди такъ-же просто переѣзжаютъ изъ государства въ государство, какъ живущіе въ одной квартирѣ переходятъ изъ комнаты въ комнату... Смѣло можно ручаться, что въ недалекомъ будущемъ забудутся и всякія границы между

государствами, естественныя и искусственныя, и вся наша планета станетъ однимъ общимъ государствомъ для всего человѣческаго рода, населяющаго ее!..

«Да», подумалъ я, «вотъ она, эта *всесмірная единая монархія*, о которой мечтали у насъ Александръ Македонскій и Наполеонъ II!.. Только, къ сожалѣнію ихъ, она создается не желѣзомъ и кровью, а чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, чего они не въ состояніи были понять»...

Въ нашихъ путешествіяхъ втроемъ, мы посѣтили нѣсколько городовъ, гдѣ насъ принимали радушно и дружелюбно, отличая, конечно, меня между двумя своими, какъ жителя другой планеты, разнящагося отъ нихъ наружнымъ видомъ. Въ этихъ городахъ я видѣлъ такой-же успѣхъ во всемъ, такое-же богатство и разнообразіе въ проявленіяхъ общественной жизни, какъ и тамъ, въ первомъ городѣ, посѣщенномъ мною. Вездѣ съ удивленіемъ и огромнымъ любопытствомъ рассматривали нашихъ птицъ, и одинъ изъ моихъ сотоварищей по путешествію сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Въ скоромъ времени ваше изобрѣтеніе будетъ повсюду у насъ усвоено, и всѣ у насъ будутъ такъ-же летать, какъ теперь мы съ вами летаемъ!.. Въ бывшее время наше государство, которому вы первому показали вашу машину, сейчасъ-же-бы сдѣлало изъ этого изобрѣтенія привилегію себѣ, запретивъ прочимъ государствамъ дѣлать у себя подобные снаряды, и если-бы явились гдѣ-нибудь такъ-называемыя «контрфакціи», то возникли-бы и ссоры и, чего добраго, войны!.. Теперь-же никому и въ голову не приходятъ ни привилегіи, ни запрещенія и неразлучный съ ними контрфакціи... Иныя понятія-иные и нравы!.. А у васъ на Землѣ какъ?.. Давно пользуются этимъ изобрѣтеніемъ, и вызывало-ли оно, появившись, какія-нибудь недоразумѣнія и ссоры?..

Я долженъ былъ солгать: я сказалъ, что это изобрѣтеніе давно у насъ въ ходу, и всѣ пользуются имъ и пользовались мирно, безъ всякихъ пререканій... Тутъ я почувствовалъ укоры совѣсти: подѣлился я своей птицей съ моими соотечественниками, мнѣ-бы не пришлось теперь лгать и обманывать этихъ прекрасныхъ людей... Вотъ до чего доводитъ эгоизмъ!.. А я несомнѣнно поступилъ эгоистично, не захотѣвъ подѣлиться съ моими близкими открытымъ мною «секретомъ»!..

VII.

Въ противоположность нашей планетѣ, на Марсѣ гораздо болѣе материковъ, чѣмъ морей и океановъ, т.-е. болѣе суши, чѣмъ воды. И материки, и моря съ океанами носятъ, у нашихъ астрономовъ, имена разныхъ знаменитыхъ ученыхъ, что, разумѣется, не мѣшаетъ имъ называться, на Марсѣ, по своему. Крупнѣйшій материкъ носить у насъ имя *Гюйенса* (изобрѣтателя маятника), у марситовъ-же называется *Пэарозъ*, что значитъ «лежащій вдали отъ воды»: съ востока и запада онъ тѣсно окружонъ другими материками, отъ которыхъ отдѣляется только узкими полосами воды, а съ сѣвера и юга омываютъ его сѣверный и южный океаны, похожіе на наши такіе-же два океана. На Марсѣ, какъ и на Землѣ, полюсы заняты водою (то-же самое замѣтилъ я на Меркуріи и на Венерѣ), и названные океаны не отличаются, подобно такимъ-же земнымъ, гостепріимностью водъ своихъ. Вотъ почему этотъ самый большой материкъ, дѣйствительно, *вдали отъ воды*, т.-е. отъ большіхъ ея массъ, *извѣстныхъ своею доступностью*.

На материкахъ несравненно болѣе равнинъ, чѣмъ возвышенныхъ мѣстностей, а самыхъ горъ еще меньше, чѣмъ этихъ послѣднихъ, и горы нигдѣ не переходятъ за черту 8,000 футовъ въ вышину; большинство-же ихъ не достигаетъ и 6,000 футовъ. Дѣйствующихъ вулкановъ совсѣмъ нѣтъ. Такой характеръ мѣстности на планетѣ благоприятствуетъ спокойному ровному теченію ея рѣкъ, которыхъ очень много и которыя,

сверхъ того, соединены еще многими каналами. Всѣ эти физическія условія дѣлають жизнь на планетѣ очень удобною въ матеріальномъ отношеніи, что благопріятно, въ свою очередь, вліяетъ и на ея нравственную сторону. Если-же прибавить къ этому, что Марсъ немногимъ только больше Меркурія, который немного больше нашей Луны (въ силу чего онъ долженъ былъ несравненно раньше Земли остыть и покрыться корою), и что Солнце отъ него на разстояніи 225.400.000 верстъ, почему на немъ даже подъ тропиками не бываетъ слишкомъ большихъ жаровъ, то станетъ вполне понятно, почему человѣчество на этой планетѣ дошло до такой высокой степени своего умственнаго развитія*).

Городъ, въ который я опустился на Марсъ) находится на материкѣ *Галилея* (послѣдователя Коперника); онъ лежитъ почти подъ 40° южной широты, и называется *Пренми*, — именемъ одного изъ великихъ историческихъ дѣятелей) жившаго въ эпоху введенія настоящихъ на Марсъ гражданскихъ порядковъ. Я, съ моими любезными спутниками, посѣтилъ и страны сѣвернаго полушарія, гдѣ мы застали лѣто во всей его красѣ, и гдѣ я пораженъ былъ невиданнымъ еще мною зрѣлищемъ...

Я пораженъ былъ *цвѣтомъ растительности* на Марсъ и ея странными формами: травы, листья на деревьяхъ и всякіе полевые злаки были *ярко-краснаго* цвѣта, представляющаго разнообразныя оттѣнки — отъ самаго обыкновеннаго краснаго до великолѣпнаго темно-пунцоваго; древесные-же стволы выдѣлялись на этомъ красномъ фонѣ то лиловымъ цвѣтомъ, то густо-синимъ, переходящимъ почти въ черный цвѣтъ... Когда мы опускались на одну живописную поляну, среди окружающихъ ее лѣсовъ и парковъ, глазамъ нашимъ представилось безконечное красное море, — царство, такъ сказать, краснаго цвѣта со всѣми его оттѣнками, — и я не могъ удержаться отъ восторженныхъ восклицаній, удивившихъ, конечно, моихъ спутниковъ!..

— На Землѣ не такъ? — догадались они спросить меня...

* *) Сравнительная величина **четырёхъ планетъ**: Земля — слива, Марсъ — вишня, Меркурій — меньше вишни, Луна — немного больше горошины.

— О нѣтъ!— отвѣтили я:— У насъ все *зелено* — и поля, и лѣса, и вся вообще флора!

— Это должно быть чрезвычайно оригинально,— замѣтилъ одинъ изъ нихъ...

— Не оригинальнѣ, однако, того, что я вижу на вашей планетѣ.. И вотъ почему онѣ, вашъ Марсъ свѣтитъ на небѣ всегда *краснымъ* свѣтомъ!

Но если не флора своимъ цвѣтомъ, то атмосфера, выдѣляющая изъ солнечныхъ лучей предпочтительно красный (какъ на Землѣ она выдѣляетъ голубой),— несомнѣнная причина того, почему Марсъ блещетъ краснымъ свѣтомъ... И вспомнивъ это, я обратилъ вниманіе на небо надъ нашими головами: оно было густо-розовое, съ блѣдно-желтыми облаками по краямъ горизонта, принимавшими кое-гдѣ оранжевый цвѣтъ... *Густо-розовое* небо вверху и *красная* растительность внизу, со своими безчисленными оттѣнками! Чудная, прелестная картина!..

Формы этой растительности были также оригинальны и неожиданны для меня: листьевъ въ *нашемъ* смыслѣ на Марсѣ не существуетъ: вмѣсто нихъ, стволы деревьевъ и сучья ихъ съ вѣтками покрыты густыми прядями нитей разнообразной длины и толщины, отъ сажени до вершка, и отъ толщины веревки до самой тонкой швейной нитки!.. Трава и злаки суть кусты нитей, болѣе или менѣе тонкихъ, болѣе или менѣе красныхъ; изъ массы ихъ выдаются свѣтло-лиловые стебли цвѣтовъ разныхъ видовъ, величинъ и красокъ, между которыми попадаются и *зеленые*... Зеленый цвѣтъ, какъ я замѣтилъ и раньше, довольно рѣдокъ на Марсѣ...

Эти нити, играющія роль листьевъ, принимаютъ, подобно волосамъ на головахъ людей, двоякій видъ: на однихъ деревьяхъ онѣ прямы, на другихъ — слегка волнисты, или совсѣмъ курчавы. Травы и злаки — исключительно курчавы, можетъ быть потому, что ихъ попираютъ ногами и люди, и животные. Вѣтры производятъ большой беспорядокъ въ этой древесной шевелюрѣ: благодаря имъ, нити такъ сплетаются между собою, что часто не находится никакой возможности не только распутать деревья, но даже пробраться сквозь ихъ «листву» если только это слово хоть сколько-нибудь примѣнимо къ деревьямъ на Марсѣ... Странно и необычно смотрѣть, нашими земными глазами, на эти громадныя космы какихъ-то густыхъ нитокъ, то ярко-краснаго, то пунцоваго цвѣта, невообразимо переплетшихся другъ съ другомъ, всклокоченныхъ хаотически, до *plus ultra*, буйнымъ дыханіемъ вѣтровъ!.. И при всемъ томъ, онѣ растутъ и растутъ себѣ, красуясь своею свѣжестью, привлекая къ себѣ своей физическою мощью и оригинальною красотою!..

Въ странахъ съ четырьмя временами года, эти древесныя нити, осенью, принимаютъ совсѣмъ темный цвѣтъ, и массами валятся на почву, удобряя ее своимъ разложеніемъ. Самыя тонкія и нѣжныя между ними собираются и идутъ въ пищу рогатаго скота; для этого рубятъ ихъ на мелкія части и посыпаютъ мукою, похожею на нашу ржаную муку. Травы, какъ и у насъ, косятъ лѣтомъ, заблаговременно приготовляя въ прокъ.

За то *фауна* на Марсѣ рѣшительно похожа на земную: тѣ-же домашнія животныя, тѣ-же дикія, между которыми кровожадные хищники систематически преслѣдуются и истребляются. Пернатый міръ также похожъ на такой-же нашъ, насѣкомыя — почти тѣ-же. Птицы и въ особенности насѣкомыя отличаются только своимъ продолжительнымъ *вистніемъ* въ воздухѣ, что мнѣ напомнило Меркурія: вѣсь предметовъ на Марсѣ почти втрое меньше земного: 1 земной пудъ вѣситъ здѣсь немного болѣе 14 фунтовъ (точнѣе — 14 фунтовъ и $2\frac{1}{4}$ лота). Ходя по почвѣ, я опять сталъ ощущать ту необыкновенную легкость и быстроту движенія, которая такъ поражала и забавляла меня на Меркуріи... И здѣсь, какъ и тамъ, можно весьма много и далеко ходить, весьма мало подвергаясь чувству усталости!..

VIII.

Не смотря на свою очень незначительную величину, Марсъ однако имѣетъ двухъ спутниковъ, открытыхъ нашими астрономами весьма недавно и получившихъ имена «Фобось» и «Деймосъ». Они чрезвычайно малы и вращаются вокругъ Марса на поразительно-близкомъ разстояніи отъ него: Фобось отстоитъ отъ Марса не болѣе какъ на 5,600 верстъ, Деймосъ на 19,000 верстъ; первый совершаетъ свой путь вокругъ него въ 40 часовъ, 39 мин. и 14 сек., второй — въ 62 часа, 17 м. и 54 с., а обращаются на своихъ осяхъ въ болѣе еще короткое время, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Величина этихъ двухъ замѣчательныхъ тѣлъ такъ ничтожна, что вся ихъ шарообразная поверхность равняется пространству одной Африки: Фобось немногимъ только больше своего товарища...

Поразительно малыя планеты для безконечнаго, необъятнаго пространства вселенной!.. Я думаю, что меньше ихъ ничего не существуетъ между небесными тѣлами!.. Но онѣ производятъ собою, своими фигурами, такія странныя и замѣчательныя явленія на Марсѣ, что умолчать объ этихъ послѣднихъ было-бы невозможно.

Вслѣдствіе того, что онѣ такъ необыкновенно близки къ Марсу, фигуры ихъ видны на небѣ даже днемъ, даже въ періоды такъ-называемаго у насъ «новолунія», когда наша Луна перестаетъ быть видимой: шары ихъ всегда отчетливо вырисовываются въ небе, причѣмъ Деймосъ, какъ дальній, блѣдно-желтъ, а Фобось, какъ отстоящій на чрезвычайно-ничтожное разстояніе, принимаетъ темно-сѣрую окраску... Съ другой же стороны, вслѣдствіе ихъ самой миниатюрной величины, лучи Солнца, въ продолженіе дня на Марсѣ, постоянно заставляютъ ихъ отбрасывать тѣни свои на поверхность этого послѣдняго; тѣни эти, сообразно различному положенію Солнца и спутниковъ Марса на небѣ въ разные часы дня, бываютъ то воротки, то длинны, и рисуютъ обыкновенно на почвѣ Марса болѣе или менѣе исполинскую сѣть прямолинейныхъ чертъ, разнообразно пересѣкающихся между собою, и различной ширины: инныя черты не болѣе 1 версты въ ширину, другія-же доходятъ до 5, 6, и даже до 9 верстъ...

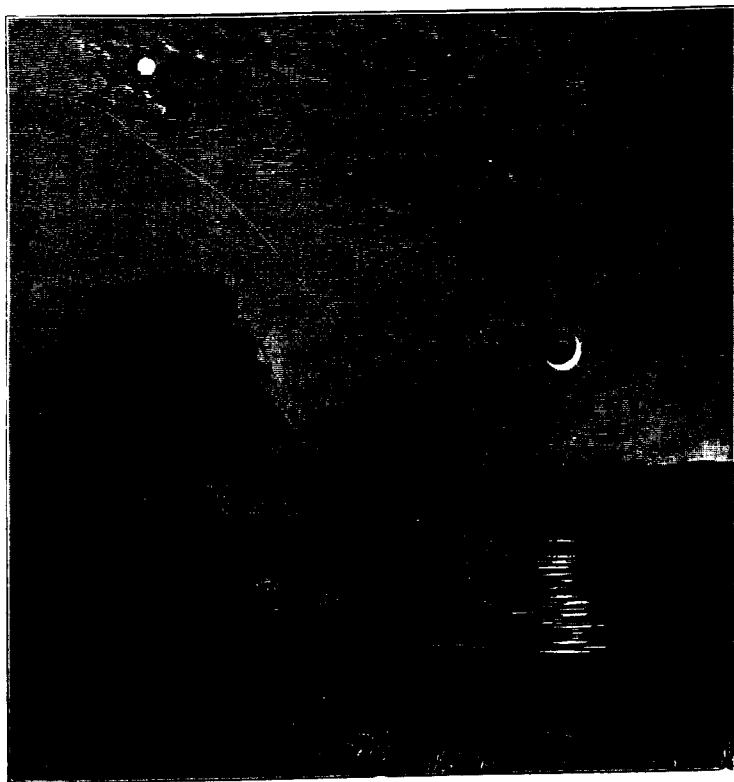
Во всякомъ случаѣ это — поразительно странное зрѣлище, съ которымъ незнакомы, вѣроятно, жители многихъ планетъ! Оно невольно бросается въ глаза, и я замѣтилъ его въ первый-же мой день на Марсѣ, когда была ясная погода, такъ какъ въ облачную, естественно, его не бываетъ...

Поразительно въ этомъ явленіи то, что Солнце какъ-бы не считаетъ нужнымъ маскировать эти крошечныя тѣла днемъ своими лучами, какъ маскируетъ оно, напр., Луну, а приравниваетъ ихъ (въ силу ихъ ничтожности и необыкновенной близости къ главной планетѣ) къ какимъ-нибудь весьма обычнымъ предметамъ, каковы напр., башни или горы, которыя бросаютъ отъ себя тѣни во всевозможныя стороны!..

Въ ясные дни не бываетъ только тогда этихъ сѣтеобразныхъ тѣней отъ спутниковъ, когда та часть неба, гдѣ они находятся, покрыта облаками, которыя такимъ образомъ скрываютъ ихъ, или когда одинъ изъ нихъ, а именно — Деймосъ, находится, напр., на западномъ горизонтѣ, а Солнце на восточномъ. Въ этомъ случаѣ, если на небѣ мало облаковъ, или совсѣмъ ихъ нѣтъ, Солнце и Деймосъ, идя на-встрѣчу другъ другу*), постепенно раскидываютъ и раскидываютъ свои сѣтеобразныя тѣни по материкамъ Марса, и наконецъ, когда пути ихъ совпадутъ въ одну точку, происходитъ затменіе Солнца; послѣднее никогда не бываетъ значительнымъ по причинѣ крайне незначительнаго диска спутника, не покрывающаго, поэтому, и половины солнечнаго диска. Затменіе не продолжается болѣе получаса (а часто и менѣе того), и, по окончаніи его, Солнце и

* Почему *на-встрѣчу*, см. *объ этомъ* 1 выноски въ главѣ о Деймосѣ.

спутникъ, расходясь въ разныя стороны, продолжаютъ обыкновенно свою безконечную игру тѣней, пока не станутъ въ такое положеніе другъ къ другу, въ которомъ тѣни не могутъ уже падать на поверхность планеты...

Спутники Марса.

И вотъ гдѣ разгадка тѣхъ «загадочныхъ каналовъ на Марсѣ», которые такъ озадачиваютъ нашихъ астрономовъ, и озадачиваютъ потому еще, что «то появляются, то исчезаютъ, то представляются даже иногда въ *двойномъ видѣ*»!.. Оказывается, что всѣ эти «каналы» производятъ спутники своими тѣнями, бросаемыми на почву Марса, причемъ невообразимая ширина ихъ, «доходящая до 1,000 верстъ» (!), есть продуктъ самыхъ поспѣшныхъ и потому невѣрныхъ вычисленій: ширина тѣневыхъ чертъ *на самомъ Марсѣ*, какъ я сказалъ уже, простирается отъ 1 до 9, или, много-много, до 10 верстъ...

Но такъ какъ, все-таки, это *тѣни*, и довольно даже *густыя*, то на совершенно *ясномъ* фонѣ онѣ непременно будутъ замѣтны въ хорошіе, сильные телескопы, не смотря на свою скромныхъ размѣровъ ширину и на очень большое разстояніе, отдѣляющее Землю отъ Марса...

Спутники по ночамъ свѣтятъ плохо: причина этому — ихъ ничтожная величина и большая отдаленность Солнца отъ нихъ... Какъ ни близки они къ Марсу, но на его небѣ Фобосъ, напр., является въ видѣ крупной вишни, а Деймосъ — немного болѣе горошины, и все количество ихъ общаго свѣта не можетъ сравниться и съ *четвертой* частью свѣта, которое мы получаемъ отъ нашей Луны. Подобно Лунѣ, они также подвергаются фазамъ въ соотвѣтствующее имъ время.

Съ ближайшимъ изъ нихъ къ Марсу, съ Фобосомъ, марситы давно уже завели сношенія при помощи воздушныхъ шаровъ и тщательно-закупоренныхъ стеклянныхъ будокъ, въ родѣ будки на моей птицѣ, со всеми ея приспособленіями... Я тоже, вмѣстѣ съ ними, посѣтилъ Фобоса, а затѣмъ и Деймоса, на который марситы не проникали еще до меня... Что мы такъ увидѣли, и на томъ и на другомъ спутникѣ, расскажу моимъ читателямъ въ слѣдующихъ главахъ.

IX.

Пять съ половиною тысячъ верстъ! Это не болѣе какъ *часть* полета на такихъ машинахъ, какъ наши птицы, и мы, дѣйствительно, черезъ часть опустились, всѣ трое, на почву Фобоса...

Первое наше ощущеніе, которое мы стали испытывать, было чувство неимоверной легкости и подвижности въ ногахъ и вообще во всѣхъ членахъ: казалось, наши ноги рѣшительно не хотѣли попить почвы этой замѣчательной планеты, и потому мы не ходили, а буквально — *скользили*, чуть-чуть только касаясь поверхности почвы!.. И скользили такъ быстро и легко, какъ конькобѣжцы на любомъ каткѣ въ нашемъ Петербургѣ!.. Всѣ предметы на Фобосѣ въ *семь* разъ меньше, чѣмъ на Марсѣ, такъ что 1 пудъ, вѣсящій на Марсѣ 14 съ небольшимъ фунтовъ, вѣситъ здѣсь только 2 *фунта*... Удивительная, до смѣшнаго, вещь!..

Мы опустились на прекрасный лугъ, окруженный съ трехъ сторонъ густыми лѣсами, а съ четвертой перерѣзанный широкою рѣкою, за которою вдали виднѣлись также лѣса. Вся растительность такая-же была красная, какъ на Марсѣ, съ такими-же нитями вмѣсто нашихъ листьевъ, и небо было такое-же розовое, какъ и тамъ; только надъ нашими головами висѣлъ въ немъ, въ этомъ восхитительномъ небѣ, громадный, почти необъятный, шаръ бѣлесовато-розоваго цвѣта съ болѣе темными пятнами въ разныхъ мѣстахъ: это былъ Марсъ, который мы часъ тому оставили, съ его материками и морями... Онъ занималъ, безъ малаго, половину неба въ его центрѣ, оставляя по краямъ не очень широкія полосы свободного пространства!..

Я невольно вскрикнулъ отъ изумленія: никогда еще не приходилось мнѣ быть такъ *неотразимо* близко отъ той планеты, которую я уже оставилъ, для другой, на которой только что очутился!.. Это было второе ощущеніе *для меня лично*, ощущеніе, неизвѣданное еще мною и превзошедшее мои ожиданія своей слишкомъ *подавляющею* реальностью! Эта планета, съ которой мы только что улетѣли сюда, оказалась такъ близка отъ насъ, и такъ, поэтому, пристально глядѣла сюда, на насъ, что невольно всѣмъ существомъ моимъ овладѣвала тревога, спасеніе: вотъ-вотъ она сейчасъ, немедленно, притянетъ къ себе этотъ ничтожный шаръ, на когоромъ мы теперь находимся, или сама грохнется на него, разбивъ его въ мелкіедребезги и погубивъ все живущее на немъ!

Товарищи мои по путешествію, вѣроятно, были свободны отъ этого тревожнаго чувства, такъ какъ они не въ первый только разъ очутились на Фобосѣ,— они уже давно

дѣлали свои экскурсіи на него; но я думаю, что и они, посѣтивъ *въ первый разъ* своего ближайшаго спутника, должны были неизбежно ощутить ту-же тревогу, то-же опасеніе...

Сутки на Фобосѣ очень малы: онѣ состоятъ изъ 7 часовъ, 38 минутъ и 24 секундъ, изъ которыхъ на долю дня приходится отъ 4 до 2 часовъ въ разныхъ широтахъ; но изъ этого скромнаго количества часовъ слѣдуетъ еще исключить минутъ 30—40, уходящія на *затменіе Солнца* Марсомъ, которое лѣтомъ случается *каждый день*, а зимою черезъ каждые два-три дня... Удивительныя условія жизни на этой крошечной планетѣ!..

Мы попали подъ экваторіальныя широты, и въ разгаръ лѣта. День былъ совершенно ясный, безъ малѣйшихъ облаковъ, тихій, и Солнце кротко свѣтило намъ, близясь къ закату, до котораго оставалось не болѣе часу; мы прилетѣли спустя уже полчаса послѣ его затменія, котораго такимъ образомъ не удалось намъ видѣть, но которое, конечно, ожидало насъ и завтра, и послѣ-завтра, такъ какъ не на короткое время посѣтили мы Фобоса...

Послѣ первыхъ неизбежныхъ ощущеній, первая моя мысль была — о *жителяхъ* этого маленькаго міра, и я обратился къ моимъ товарищамъ съ вопросомъ:

— Гдѣ-же *люди*?.. Я что-то не вижу ихъ!..

— И не увидите,— отвѣтилъ одинъ изъ нихъ,— потому что Фобосъ необитаемъ людьми...

— Въ самомъ дѣлѣ?!— удивился я...

— То-есть, вы ихъ увидите,— отвѣтилъ другой,— да только не туземцевъ, а *колонистовъ*, то-есть нашихъ-же марситовъ: на Фобосѣ мы не нашли никакихъ людей, и, повидимому, ихъ никогда здѣсь и не было; животныя-же всякія здѣсь существуютъ, какъ и на нашей планетѣ...

— И на этомъ основаніи,— заключилъ первый изъ моихъ спутниковъ,— мы обратили Фобоса въ свою колонію, владѣя имъ *сообща всѣми нашими націями*, какъ это у насъ принято съ давняго времени.

— И большія выгоды приноситъ вамъ эта колонія?

— О да! Не смотря на свою слишкомъ малую величину, Фобосъ богато одаренъ природою: флора здѣсь богатѣйшая, фауна также, всякихъ ископаемыхъ веществъ — многое-множество; здѣсь, напримѣръ, особенно много алюминія, и притомъ такого качества, передъ которымъ нашъ положительно пасуетъ!.. Мы уже лѣтъ десять стали пользоваться здѣшнимъ алюминіемъ, вывозя его къ себѣ на особенно устроенныхъ для этого шарахъ...

— Вы здѣсь увидите много небольшихъ, но хорошихъ городовъ и различныхъ фермъ, построенныхъ по образцу нашихъ и ни въ чемъ почти не уступающихъ имъ... Въ одинъ изъ нихъ мы сейчасъ полетимъ и будемъ ночевать тамъ: онъ находится за рѣкою, которую вы видите, и мы будемъ въ немъ черезъ десять минутъ...

— И мы полтѣли...

Въ *семь* минутъ даже мы увидѣли подъ собою маленькій и чистеный городокъ, состоящій не болѣе, какъ изъ тридцати квадратовъ и расположенный при живописномъ озерѣ, изъ котораго также были проведены каналы внутрь городка, какъ это дѣлается въ каждомъ городѣ на Марсѣ. Дворы, улицы, сады, освѣщеніе, и пр., все было такое-же, какъ и тамъ, за исключеніемъ только общественныхъ экипажей, которыхъ не было вовсе: малая величина города не нуждалась въ нихъ. Между тѣмъ, пока я знакомился съ жителями, которые чрезвычайно радушно и любезно приняли меня, и съ большимъ изумленіемъ разсматривали нашихъ птицъ, Солнце успѣло зайти за горизонтъ, и то, что я увидѣлъ по

заходѣ его, убѣдило меня въ ненужности для города и обычнаго повсюду электрическаго освѣщенія...

Надъ нашими головами запылалъ громаднѣйшій шаръ, тотъ самый, который днемъ рисовался въ небѣ бѣлесовато-розовымъ цвѣтомъ своимъ: теперь это было въ полномъ смыслѣ *свѣтило*, и какое грандіозное, великолѣпное, поражающее и зрѣніе, и воображеніе! Онъ теперь уже находился не въ самомъ центрѣ неба, а немного ближе къ его западному краю... По вычисленіямъ, за которыя я немедленно принялся, глядя на это дивное зрѣлище, оказалось, что этотъ могучій шаръ долженъ быть въ 7,126 разъ больше Луны на нашемъ небѣ: нужно, на нашемъ небѣ, соединить въ одно цѣлое 7,126 Лунъ, чтобы получился объемъ и видъ Марса на ночномъ небѣ Фобоса!.. И, стало быть, во *столько-же* разъ свѣтъ его сильнѣе *полнаго* луннаго свѣта въ наши ночи!..

И, дѣйствительно, его свѣтъ такъ силенъ, что немногимъ отличается отъ дневнаго свѣта, т.-е. отъ солнечнаго: можно совершенно свободно и въ комнатѣ что угодно дѣлать, даже самыя мелкія работы, не прибѣгая *решительно* ни къ какому освѣщенію, что я испыталъ въ ту-же ночь *лично*!.. Но большую часть ночи, продолжавшейся три часа съ немногимъ, я не могъ оторвать глазъ своихъ отъ Марса! Онъ буквально *горѣлъ* краснымъ свѣтомъ; щедро освѣщая имъ всѣ малѣйшіе закоулки и норки у насъ и кладя на дома, на улицы, на фигуры людей и на все, все какую-то необыкновенно великолѣпную красную краску, подобной которой я не видѣлъ даже въ самомъ Марсѣ, въ его флорѣ!.. Блѣдно-голубыя лица марситовъ-колонистовъ, не потерявшія и на Фобосѣ своего цвѣта, были теперь ярко-красны, какъ и мое лицо, такъ рѣзко отличающееся днемъ отъ прочихъ своимъ характеристическимъ *земнымъ* цвѣтомъ! То-же самое происходило и съ нашими руками и костюмами: и тѣ, и другіе были такъ-же красны, какъ наши лица и все кругомъ!..

Горы, материки, моря, рѣки, озера, льды и снѣга на полюсахъ,— все это превосходно виднѣлось на Марсѣ, отчетливо вырисовываясь до самыхъ ничтожныхъ мелочей... Виднѣлись даже крупныя и маленькія точки тамъ и сямъ, въ которыхъ я не безъ основанія заподозрилъ города, и вся эта географическая картина исчерчена была прямыми линіями въ разныхъ направленіяхъ, то толстыми, то тонкими: это были сѣтеобразныя тѣни, бросаемыя Фобосомъ и Деймосомъ, о которыхъ я уже говорилъ!.. Я взялъ свою трубу и направилъ ее на этотъ исполинскій роскошный шаръ: въ ней, конечно, не умѣстилась и тысячная часть шара, но за то нѣкоторую долю его я такъ отчетливо увидѣлъ, какъ только могъ видѣть ее, находясь на самомъ Марсѣ, и совершенно ясно рассмотрѣлъ города, признавъ въ нихъ *точки*, видимыя простымъ глазомъ... Да, это были они, города, съ ихъ квадратными улицами и каналами,— только въ миниатюрѣ!.. И по этимъ улицамъ и внутри квадратовъ,— стало быть на дворахъ,— двигались опять точки, которыхъ невозможно уже было разглядѣть: разумѣется это были люди!..

Поразительное, дивное зрѣлище! Разъ увидѣвъ его, нельзя никогда забыть его, какъ нельзя долгое время отвести отъ него глаза: оно влечетъ, оно приковываетъ властно къ себѣ, какъ что-то полное могучихъ, сильныхъ, ничѣмъ непобѣдимыхъ чаръ!.. И только въ эти чудныя минуты, я въ первый разъ *настоящимъ, реальнымъ* образомъ понялъ и почувствовалъ) что значить тяготѣніе другъ къ другу, притяженіе одной планеты другою, болѣе сильное, болѣе могучее, чѣмъ собственное, и потому неизбежно заставляющее повиноваться себѣ!..

По мѣрѣ того, какъ необъятный красный шаръ разгорался и разгорался, стали слышаться, сперва слабо, а потомъ сильнѣе и сильнѣе какой-то шумъ... Это былъ шумъ воды въ озерѣ, въ каналахъ и въ недалекой отъ города рѣкѣ: она волновалась все больше и

больше, и наконецъ стала выступать изъ береговъ — въ озерѣ и въ рѣкѣ... Это былъ *приливъ*, въ этомъ сказывалось могучее вліяніе Марса на своего незначительнаго спутника, его *притяженіе* къ себѣ!.. Волненіе и шумъ воды достигли своего апогея въ срединѣ ночи: вода изъ рѣки и озера разлилась на версту кругомъ, каналы въ городѣ переполнились ею до верха набережныхъ, а шумъ заглушалъ положительно говоръ людей!.. Я опять началъ испытывать то тревожное чувство, которое овладѣло мною днемъ при первомъ взглядѣ на висящій надъ головою исполинскій шаръ, висящій *такъ близко*, и подѣлился вновь вернувшимся ко мнѣ этимъ чувствомъ съ моими любезными хозяевами...

— Въ первое время нашего здѣсь поселенія, — отвѣтили они мнѣ, — мы долго находились подъ вліяніемъ его; но потомъ, мало-по-малу, привыкли...

— И каждую ночь происходятъ у васъ приливы эти? — спросилъ я.

— Рѣдкая ночь обходится безъ нихъ: тогда только, когда Марсъ не стоитъ въ зенитѣ, а лежитъ на юго-западномъ или-же на южномъ горизонтѣ; это случается въ концѣ осени и зимою, и тогда бываютъ совсѣмъ ничтожные приливы...

— И вы не боитесь? — невольно сорвалось у меня съ языка.

— Чего?..

— Что когда-нибудь или вы свалитесь на Марса, или онъ самъ упадетъ на васъ и раздробитъ васъ въ мелкіе осколки!

Они стали смѣяться моему чисто-дѣтскому опасенію; но мнѣ послышались въ этомъ смѣхѣ какія-то ноты, которыя какъ будто-бы мало гармонировали съ беззаботнымъ видомъ моихъ милыхъ хозяевъ и собесѣдниковъ...

Наконецъ Марсъ сѣлъ на западный горизонтъ, уходя все глубже и глубже за него, и волненіе воды совсѣмъ почти утихло, — начался *отливъ*. Марсъ принялъ темный оттѣнокъ, что бываетъ и съ нашею заходящею или восходящею Луною. Прошло еще полчаса, и онъ совсѣмъ скрылся... Красное освѣщеніе и красный цвѣтъ пропали вездѣ, — на всѣхъ предметахъ и на нашихъ лицахъ, водворились сумракъ, спокойствіе и... желаніе отдыха, сна... Я простился съ хозяевами и, войдя въ отведенную мнѣ просторную и комфортабельную комнату, съ наслажденіемъ бросился въ постель... «Пускай Марсъ падаетъ на насъ, или мы на него, — но теперь, въ эти минуты, мнѣ хочется только *спать*, *спать*, и больше ничего!..»

Такъ я думалъ, засыпая, и наконецъ уснулъ. Я проспалъ два часа, или немного болѣе и проснулся уже среди полнаго дня, не чувствуя ни малѣйшей усталости послѣ такого, далеко недостаточнаго, по нашему, сна: на Фобосѣ этого количества времени было вполне достаточно, даже много, такъ какъ люди здѣсь употребляютъ на сонъ обыкновенно не болѣе полутора часа въ свои короткія сутки. Меня тотчасъ-же посѣтили мои хозяева, приглашая къ завтраку, и одинъ изъ нихъ, улыбаясь, сказалъ:

— Поторопитесь, пока еще свѣтло!

— А что? — спросилъ я...

— Да черезъ 56 минутъ начнется затменіе Солнца...

— Затменіе Солнца?.. Ахъ, да, помню, помню! — воскликнулъ я.

— У насъ оно лѣтомъ бываетъ ежедневно, отнимая всегда по 30—40 минутъ и заставляя прибѣгать къ электрическому свѣту... И хотя мы привыкли къ этому неудобству, но лучше, если-бы не было его совсѣмъ!..

— На полевыхъ работахъ это особенно неудобно, — добавилъ другой...

Мы позавтракали и пошли въ садъ наблюдать явленіе.

Я тотчасъ-же осмотрѣлъ небо: оно было, по вчерашнему, совершенно безоблачно, и Марсъ, бѣлесовато-розовый шаръ, подвигался уже съ востока къ полуденной точкѣ, къ которой, въ свою очередь, шло также Солнце... Черезъ 18 минутъ первый настигнулъ второе, и Марсъ все болѣе и болѣе поглощалъ, такъ сказать, небольшой блестящій дискъ дневного свѣтила, пока наконецъ не поглотилъ его совсѣмъ... Наступила страшная темнота, или, вѣрнѣе сказать, самая темная ночь, ничѣмъ не освѣщаемая, кромѣ звѣздныхъ точекъ по краямъ неба; въ центрѣ-же его водворилась густочерная темнота — тамъ висѣлъ надъ нами громадный шаръ Марса, на которомъ теперь ровно ничего нельзя было увидѣть: онъ былъ черенъ и черенъ, словно исполинское круглое пятно, сдѣланное самыми густыми черными чернилами!.. Невольный ужасъ охватилъ меня среди этой непроглядной тьмы, такъ быстро и деспотично ворвавшейся въ средину прекраснаго, свѣтлаго дня, и я вздрогнулъ и слабо вскрикнулъ...

— Что съ вами?..— участливо спросили меня мои хозяева...

— Страшно!— откровенно воскликнулъ я:— Пойдемте въ комнаты! Это слишкомъ сильно для моихъ нервовъ!..

Они поднялись съ своихъ мѣстъ, но въ ту-же минуту мнѣ стало совѣстно моего малодушія, и я удержалъ ихъ за руки, сказавъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, останетесь здѣсь! Все это вздоръ, минутная слабость! Простите меня за напрасную тревогу!..

— Мы понимаемъ ваше настроеніе,— отвѣчали они.— Мы сами долго находились подъ его властью, въ первое время нашего поселенія на Фобосѣ; но потомъ — ничего, обтерпѣлись!..

— Черезъ 26 минутъ вернется къ намъ нашъ короткій день!— весело воскликнулъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ...

И, дѣйствительно, уже черезъ 20 минутъ стало замѣтно свѣтлѣть, такъ сказать, *вновь разсвѣтаетъ* (!), а черезъ 6 минутъ Солнце окончательно вышло изъ-за темной громадной массы, и день опять заблисталъ повсюду... Въ одну секунду погасли электрическіе шары, зажегшіеся, часовымъ механизмомъ, при началѣ темноты, и освѣщавшіе городъ 34 минуты и 42 секунды, пока продолжалось затменіе!..

Вотъ что бываетъ на Фобосѣ, на этой крошечной планеткѣ!..

Она имѣетъ свои полюсы, покрытые неизбѣжными снѣгами и льдами, свой экваторъ, свои времена года, свои материки, горы, равнины, моря и т. д. И у ней есть свой оригинальный календарь, не похожій на многіе другіе календари: во-первыхъ, два рода годовъ,— *солнечный*, весьма долгій, о которомъ я буду говорить, возвратясь къ Марсу, и *марсовскій* — наоборотъ — чрезвычайно короткій, слагающійся изъ 40 часовъ и почти 40 минутъ; сутки-же состоятъ, какъ уже извѣстно моимъ читателямъ, изъ 7 часовъ, 38 минутъ и 24 секундъ..

По какому-же году считать время на Фобосѣ?.. Для *аборигеновъ* планеты, если-бы таковые были на ней, разумѣется, справедливѣе было-бы придерживаться *марсовскаго* года, потому что Марсъ имѣетъ громадное вліяніе на своего спутника: онъ волнуетъ постоянно воду его, вызывая ежедневные приливы въ моряхъ и во всѣхъ водовмѣстилищахъ планетки, онъ несомнѣнно сообщаетъ свой характеръ флорѣ и фаунѣ ея, онъ неотразимо и слишкомъ сильно дѣйствуетъ на зрѣніе и воображеніе живыхъ существъ ея своимъ исполинскимъ видомъ въ небѣ, своимъ въ высшей степени яркимъ свѣтомъ ночью и своими страшными затменіями Солнца, случающимися почти каждыя сутки... Словомъ, Марсъ, въ силу своей поразительной близости къ Фобосу, составляетъ почти все для него!.. И необычайно-

быстрое вращение его на своей оси (не говоря уже и о быстромъ вращенія вокругъ Марса) должно вызывать такой-же быстрый обмѣнъ веществъ въ физической природѣ живыхъ существъ и приводитъ срокъ ихъ жизни къ самому короткому періоду времени, — къ какимъ-нибудь 15 годамъ по нашему земному счету... Но марситы-колонисты, еще не отвыкшіе отъ своей настоящей родины, придерживаются на Фобосѣ, по старой привычкѣ, солнечнаго года, игнорируя мѣстныя физическія условія, которыя рано или поздно должны напомнить о себѣ если не имъ, то дѣтямъ ихъ *во всякомъ случаѣ*... И тогда, по-неволѣ, ввести придется въ употребленіе мѣстный годъ, то-есть — марсовскій!..

Х.

Употребивъ менѣе чѣмъ три недѣли на путешествія по Фобосу, при чемъ я все еще не могъ вполнѣ равнодушно относиться ни къ виду Марса по ночамъ, ни, въ особенности, къ затменію имъ Солнца, мы полетѣли дальше, къ Деймосу. Намъ предстояло промчаться болѣе 13,500 верстъ, отдѣлявшихъ Фобоса отъ этого второго спутника Марса, что мнѣ, конечно, казалось бездѣлицей послѣ моихъ предыдущихъ громаднѣхъ перелетовъ съ планеты на планету, но что съ непривычки считали значительнымъ мои товарищи-марситы. Черезъ два часа и сорокъ три минуты мы опустились на почву Деймоса...

Если Фобосъ — несомнѣнный сынъ Марса, *слишкомъ* даже похожи на своего отца, то Деймосъ, наоборотъ, очень мало напоминаетъ его, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что прежде всего дѣйствуетъ на зрѣніе: флора на немъ свѣтло-фіолетоваго цвѣта, небо — прелестнаго оранжеваго... Мы опустились среди густого лѣса, дикаго, первобытнаго, безъ всякихъ признаковъ обитаемости, безъ дорогъ и безъ малѣйшихъ тропинокъ, проложенныхъ кѣмъ-либо... Деревья были многочисленныхъ породъ, совершенно неизвѣстныхъ намъ, огромнаго роста, развѣсистыя, переплетшіяся между собою сучьями и вѣтвями; стволы ихъ бросались въ глаза какою-то сѣрою голубизною съ серебристымъ отливомъ, а вмѣсто нашихъ листьевъ или нитей Марса, съ нихъ то свѣшивались внизъ длинныя толстыя трубки свѣтло-фіолетоваго цвѣта, то торчали во всѣ стороны такія-же коротыя трубки, оканчиваясь отвороченными кнаружи разрѣзанными краями... Травы и злаки состояли изъ такихъ-же трубокъ, вышиною въ полроста человѣка, и толстыхъ, и тонкихъ; многія трубки букетами выбрасывали изъ себя разноцвѣтныя тонкіе стебельки, усаженные крошечными звѣздочками; это были цвѣты, рѣшительно не похожіе, по формѣ своей, ни на марсовскіе, ни на цвѣты другихъ планетъ, посѣщенныхъ мною...

Въ общемъ, она также была прекрасна, эта свѣтло-фіолетовая флора, какъ и всѣ другія, видѣнныя мною, флоры, какъ все то прекрасно, въ чемъ выказывается прихотливое разнообразіе и оригинальность творящей природы!.. Не менѣе прекрасно было и это оранжевое небо, напоминавшее цвѣтъ самаго роскошнаго апельсина, и мы долго любовались имъ, усѣвшись, возле нашихъ птицъ, на трубчатой травѣ...

Оно было почти безоблачно, съ небольшою кучкою легкихъ облаковъ голубоватаго цвѣта въ одномъ краю горизонта. На западной сторонѣ его висѣлъ тотъ-же огромный шаръ Марса, того-же бѣлесовато-розоваго цвѣта, рельефнѣе выдѣлявшійся здѣсь на *оранжевомъ* небѣ, чѣмъ на небѣ Фобоса; но за то онъ уже не такъ былъ громаденъ, какъ тамъ: онъ былъ почти *вчетверо* меньше здѣсь — благодаря вчетверо большому разстоянію отъ него къ Деймосу, чѣмъ къ Фобосу; все-таки и на здѣшнемъ небѣ онъ былъ въ 1,781½ разъ больше Луны на нашемъ небѣ, и, слѣдовательно, въ 1,781½ разъ давалъ больше свѣта ночью, чѣмъ даетъ его намъ наша полная Луна!..

Отдохнувъ достаточно, мы полетѣли въ экскурсіи по планетѣ — знакомиться подробнѣе съ ея физическими свойствами, съ ея фауною и, наконецъ, съ обитателями человѣческой породы, если только они существуютъ тутъ.

Деймосъ еще меньше Фобоса, приблизительно на $\frac{1}{8}$ раза; но это нисколько не мѣшаетъ ему быть также богато одареннымъ природою, какъ и его старшему брату, и отличаться такимъ-же разнообразіемъ материковъ и морей въ миниатюрномъ видѣ; теми-же полюсами, покрытыми льдами и снѣгами, тѣми-же странами — экваторіальными, умѣренными и холодными; снѣга здѣсь — блѣдно-голубые, а вода принимаетъ золотисто-оранжевый цвѣтъ искрящейся при малѣйшемъ движеніи, что представляетъ восхитительную, единственную въ своемъ родѣ картину!.. Въ экваторіальныхъ странахъ много отдѣльно стоящихъ высокихъ горъ съ голубыми снѣжными вершинами, достигающихъ до 16 и 17 тысячъ футовъ, чего нѣтъ ни на Марсѣ, ни на Фобосѣ; нѣкоторыя между ними — дѣйствующіе вулканы, что замѣтно по ихъ дымящимся кратерамъ... Этихъ также нѣтъ на двухъ близкихъ къ нему планетахъ.

Фауна — большею частью та-же, что на Марсѣ и на Фобосѣ, за исключеніемъ чрезвычайно многочисленныхъ обезьянъ, которыхъ на первомъ нѣтъ совсѣмъ, а на второмъ — только самое ограниченное количество. Въ теплыхъ странахъ онѣ попадались намъ на каждомъ шагу, и весьма вызывающе и дерзко смотрѣли на нашъ полетъ надъ ихъ головами... Эти существа живутъ семействами и умѣютъ строить себѣ нѣчто въ родѣ жилищъ: мы замѣтили въ лѣсахъ и на лѣсныхъ полянахъ нѣсколько шалашей, сложенныхъ изъ стволовъ и сучьевъ усохшихъ деревьевъ, къ которымъ, для прочности, привалены были еще большія глыбы почвы, покрытой мохомъ и мелкой травой; изъ каждого такого жилья глядѣли то одна, то двѣ безобразныя фигуры, безбоязненно наблюдая нашъ полетъ... Онѣ были въ средній ростъ человѣка, очень толсты, неуклюжи, покрыты густою темнокоричневою шерстью и непремѣнно — съ огромною дубиною въ длинныхъ переднихъ лапахъ, исправлявшихъ должность рукъ... Ужъ не это-ли обладатели Деймоса, такъ какъ людей мы не нашли здѣсь и слѣда, не смотря на наши усердные поиски?!

Я обратился съ вопросами къ моимъ товарищамъ:

— Что вы думаете объ этомъ новооткрытомъ мірѣ?.. Обратите-ли вы его въ свою колонію, подобно Фобосу, такъ какъ людей здѣсь нѣтъ также, какъ и тамъ?..

— Вѣроятно... хотя здѣсь очень много этихъ четверорукихъ!..

— И они довольно-таки недружелюбно посматриваютъ на насъ, — замѣтилъ другой мой товарищъ...

— Да... И поэтому, я думаю, нельзя будетъ обходиться безъ столкновеній съ ними...

— Можетъ быть, даже *кровавыхъ*, — добавилъ другой...

— Да, перспектива непріятная! — заключилъ я: — Въ особенности — для піонеровъ новой колоніи, которые вынуждены будутъ, въ первое время поселеній здѣсь, вести почти примитивный образъ жизни!.. Но гдѣ мы будемъ ночевать сегодня?.. Я думаю, что для ночлега намъ лучше выбрать какое-нибудь поле, чѣмъ оставаться въ лѣсу...

— Совершенно согласны съ вами!..

— И... а ргггггг этихъ четверорукихъ... одинъ изъ насъ будетъ охранять сонъ двухъ другихъ, которые потомъ смѣнятъ его, т.-е. обмѣняются съ нимъ ролями...

— Непремѣнно!..

— Во всякомъ случаѣ!..

Условившись такъ, мы полетѣли дальше.

На берегу одной рѣки мы должны были опуститься на почву, потому что готовилось затмение Солнца Марсомъ... Черезъ четыре минуты оно наступило и продолжалось 29 минутъ и 6 секундъ... Царила такая-же непроглядная, страшная темнота, какъ и на Фобосѣ назадъ тому сутки, съ тою лишь разницей, что здѣсь мы должны были довольствоваться нашими путевыми электрическими фонарями, которыхъ всего было шесть; но они достаточно давали намъ свѣту и, я думаю, болѣе напугали обезьянъ и все живущее въ окрестностяхъ, чѣмъ самое затмение, къ которому, конечно, съ дѣтства еще привыкають здѣшніе обитатели всякой породы...

Насталъ вечеръ. Для ночлега мы выбрали самое удобное и безопасное мѣсто,— небольшой скалистый островъ среди одной рѣки; онъ былъ совсѣмъ пустыненъ и покрытъ только травою, обильно украшенною разнообразными цвѣтами. Плѣнительную картину представлялъ этотъ свѣтло-фіолетовый уголокъ среди золотисто-оранжевыхъ водъ, спокойно обтекавшихъ его со всѣхъ сторонъ!.. Мы долго любовались имъ... Между тѣмъ закатилось Солнце и запылалъ Марсъ, стремясь къ востоку *)... Тотъ-же красный свѣтъ, что на Фобосѣ, мгновенно охватилъ все собою, и все получило иную окраску:

оранжевое небо приняло розоватый оттѣнокъ, свѣтло-фіолетовая растительность превратилась въ какую-то сине-багровую, странную, небывалую, воды окрасились почти въ красный цвѣтъ... Наши лица, руки и фигуры стали опять красны, какъ на Фобосѣ, и глаза мои снова приковались къ этому громадному, плававшему краснымъ свѣтомъ, шару, хотя онъ и былъ вчетверо меньше здѣсь, чѣмъ на Фобосѣ!..

Да, *вчетверо* меньше!.. Но что значить въ сравненіи съ нимъ Луна на нашемъ небѣ, если видъ ея въ $1,781\frac{1}{2}$ разъ меньше вида этого шара?.. Если, чтобы на нашемъ небѣ получился видъ этого шара, нужно соединить въ одно цѣлое $1,781\frac{1}{2}$ лунъ?!.. Все-таки $\frac{1}{8}$ неба была властно занята имъ здѣсь!..

Материки, моря, горы, рѣки, все также можно было отлично видѣть простымъ глазомъ и отсюда, какъ съ Фобоса, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что не виднѣлось уже точекъ, скрывавшихъ въ себѣ города; но въ трубѣ замѣтны были и эти точки, то крупныя, то мелкія, хотя и невозможно уже было распознать въ нихъ городовъ. Красный свѣтъ былъ вчетверо слабѣе, чѣмъ на Фобосѣ, но вѣдь тамъ, на этомъ первомъ спутникѣ, его слишкомъ уже много,— такъ много, что ночь, освѣщаемая Марсомъ, соперничаетъ, можно сказать, съ днемъ! На Фобосѣ, можно сказать безъ преувеличенія, господствуетъ почти непрерывный, сплошной день,— въ одну часть сутокъ бѣлый, съ примѣсью, какъ на Марсѣ, розоваго элемента, въ другую — исключительно ярко-красный! Тамъ этотъ день прерывается только короткими сумерками по закатѣ Солнца и Марса да затмениями Солнца!.. Здѣсь-же ночь уже болѣе походить на ночь, хотя она, все-таки, съ такимъ обиліемъ красного освѣщенія, при которомъ всякое искусственное совсѣмъ оказывается лишнимъ, ненужнымъ...

Опять, какъ на Фобосѣ, по мѣрѣ того, какъ разгорался громадный красный шаръ, стала повсюду шумѣть, волнуясь, вода и выступать изъ береговъ своихъ бассейновъ... Правый низменный берегъ нашей рѣки былъ занята приливомъ почти на полверсты, а высокій лѣвый и нашъ островокъ не подверглись наводненію, но видѣли воду весьма недалеко отъ уровня своей поверхности... Казалось, еще-бы одно усиліе сдѣлать водѣ,— и она, хлынувъ, затопила-бы и ихъ, чего мы и ожидали! Но этого не случилось!.. Марсъ опустился на восточный горизонтъ,— и наступила реакція: безпокойная стихія стала утихать, постепенно освобождая несправедливо занятія ею мѣста, и наконецъ совсѣмъ утихла, войдя въ свои обычныя границы... Не стало болѣе слышно повсемѣстнаго ропота и

* Деймосъ обращается вокругъ Марса въ направленіи противоположномъ ему, то-есть — *съ востока на западъ*

плеска волнъ, раздавагося справа и слѣва, спереди и сзади,— точно готовился потопъ!.. Марсъ все уходилъ и уходилъ за горизонтъ, и съ нимъ все убавлялось и убавлялось красное освѣщеніе, давая мѣсто *настоящей* ночи... И когда онъ окончательно скрылся, спустилась къ намъ, съ покинутого имъ *темно-оранжеваго* теперь неба, эта *настоящая* ночь, темная, ласкающая, успокоительная, умиряющая напряженные нервы... Около трехъ часовъ этой ночи было вполнѣ достаточно для отдыха и сна...

Ровно двѣ недѣли пробыли мы на Деймосѣ, осматривая все достойное замѣчанія и дѣлая всякія коллекціи, необходимыя для заглазнаго ознакомленія марситовъ съ ихъ вторымъ спутникомъ. Столкновений съ обезьянами у насъ не было, хотя онѣ, во все время нашего пребыванія на ихъ планетѣ, очень недружелюбно смотрѣли на насъ, наблюдая за нами издалека, на почтительномъ разстояніи... И въ этомъ ихъ благоразумномъ поведеніи относительно существъ, которыя имъ неизвѣстны и, очевидно, сильны и потому опасны, и въ образѣ жизни — исключительно *на почвѣ* и подъ защитою *построекъ* (тогда какъ настоящія обезьяны живутъ на деревьяхъ), такъ осязательно сказывалось нѣчто такое, что выше простого животнаго инстинкта, что мы должны были придти къ заключенію, довольно выгодному для этихъ обитателей Деймоса...

Деймосъ, какъ я сказалъ уже, обращается вокругъ Марса въ 62 часа, 17 минутъ и 54 секунды: въ этомъ состоитъ его *настоящій* годъ, т.-е. *марсовскій*, такъ какъ онъ спутникъ Марса и подчиненъ сильному влиянію его, хотя и не такому *слишкомъ сильному*, какъ Фобосъ. Другой годъ на немъ — солнечный. Вращеніе-же его на собственной оси совершается въ 16 часовъ и 43½ минуты, и въ этомъ состоятъ его сутки, *больше чѣмъ вдвое* продолжительнѣе, стало быть, сутокъ на Фобосѣ*).

Такимъ образомъ спутники Марса существенно отличаются отъ нашего спутника,— отъ Луны: они съ неимоверной быстротою обращаются вокругъ своей главной планеты, имѣютъ при томъ собственное обращеніе, еще болѣе быстрое, на своихъ осяхъ и, что всего замѣчательнѣе, одинъ изъ нихъ, Деймосъ, движется въ сторону, противоположную движенію Марса на его оси, то-есть — съ востока на западъ.

XI.

Черезъ два съ половиною часа мы были на Марсѣ, въ городѣ Пренми, — и восторженнымъ оваціямъ, разпросамъ и рассказамъ не было конца, по поводу нашего возвращенія, съ многочисленными и разнообразными коллекціями, съ Деймоса! Милые и сердечные эти люди, марситы! Какъ они внимательно, искренно и вполнѣ по-братски умѣютъ обращаться и со своими, и съ чужими!

Выслушавъ наши подробныя, обстоятельныя описанія Деймоса и разсмотрѣвъ коллекціи разныхъ предметовъ, вывезенныхъ нами оттуда, они рѣшили опубликовать нашу экскурсію по всѣмъ государствамъ своей планеты и отправить къ своему второму спутнику *настоящую* экспедицію, изъ людей всякихъ профессій на воздушныхъ шарахъ и на птицахъ, которыхъ, по образцу моей, предположили построить какъ можно болѣе. Въ то-же время, зная, что я хочу летѣть къ Юпитеру и дальше, два мои товарища и еще пять другихъ марситовъ пожелали составить со мною «компанію междупланетныхъ экспедицій», для чего принялись строить еще пять птицъ и заготавливать различные предметы и съѣстные припасы, необходимыя для далекихъ путешествій. Но прежде чѣмъ проститься съ Марсомъ

* Въсѣхъ предметовъ на Деймосѣ *такой-же* какъ на Фобосѣ, т.-с. 2 фунта вмѣсто 1 пуда, быстрота и легкость движеній *та-же*, вѣкъ *человѣческій*, въ силу чрезвычайно быстрыхъ вращеній планеты, *можетъ* быть только на 1 или на 2 года длиннѣе, чѣмъ на Фобосѣ, т.-е. 16—17 лѣтъ.

на извѣстное время или, быть можетъ, навсегда, я нахожу нужнымъ сообщить о немъ моимъ благосклоннымъ читателямъ нѣсколько астрономическихъ данныхъ.

Марсъ обращается вокругъ Солнца на *среднемъ* разстояніи отъ него въ 225,400,000 верстъ, слѣдовательно — на 77,400,000 верстъ *дальше* Земли отъ Солнца. Обращеніе свое вокругъ Солнца онъ совершаетъ въ 687 сутокъ, причемъ дѣлаетъ 668 оборотовъ на своей оси (годъ *сидерическій* или звѣздный, первое-же число сутокъ называется обыкновенно солнечнымъ годомъ), а на обращеніе вокругъ себя, то-есть — на своей оси, употребляетъ 24 часа, 37 минутъ и 23 секунды; слѣдовательно сутки на Марсѣ почти приближаются къ земнымъ, будучи только минутъ на 40 длиннѣе ихъ; но за то годъ почти *вдвое* длиннѣе земного (сидерически или звѣздный, называемый также *гражданскимъ*), а именно — на 303 сутокъ!

Марситы дѣлятъ свой годъ на 16 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 14 заключаютъ, каждый, по 42 дня, а послѣдніе два, пятнадцатый и шестнадцатый, имѣютъ по 40 дней. Годъ начинается весною, то-есть, по нашему, 1-го Марта, кончается-же послѣднимъ мѣсяцемъ зимы, соотвѣтствующимъ нашему Февралю. Кромѣ мѣсяцевъ существуютъ еще недѣли, называемыя *джинсаро*, что значитъ *шестидневный періодъ*: каждый мѣсяць слагается изъ 7 джинсаро, въ которыхъ по 6 дней, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ (40-дневныхъ), *седьмая* недѣли которыхъ имѣютъ уже всего по 4 дня. Мѣсяцы носятъ имена великихъ людей, имѣющихъ значеніе для всего человѣчества на Марсѣ, а дни недѣли, отличаются просто числами — 1-й, 2-й, 3-й и т. д. Пять дней въ недѣлѣ называются рабочими днями, а 6-й, послѣдній, посвящается отдыху и необходимымъ развлеченіямъ; въ седьмой-же 4-дневной недѣлѣ 15-го мѣсяца 3 дня употребляются на работу, а 4-й день на отдыхъ, а въ 16-мъ мѣсяцѣ вся послѣдняя 4-дневная недѣля посвящается каникуламъ (по случаю конца года), что вмѣстѣ съ двумя первыми днями новаго года составляетъ непрерывный 6-дневный праздникъ.

Кромѣ того, существуютъ еще лѣтнія каникулы для учебныхъ заведеній, состоящія изъ 3-го и 4-го лѣтнихъ мѣсяцевъ (времена года на Марсѣ заключаютъ въ себѣ, каждое, по 4 мѣсяца), и лѣтнія одномѣсячныя каникулы для людей всѣхъ вообще профессій.

Такимъ образомъ марситскій календарь хотя длиненъ (благодаря обилію дней въ году), но весьма простъ, т.-е. чуждъ всякой запутанности: 1-е число каждаго мѣсяца всегда приходится въ 1-й день недѣли, вслѣдствіе того, что недѣли не сдѣланы *непременно* изъ опредѣленнаго числа дней (какъ у насъ), а состоятъ изъ 6 и изъ 4 дней, какъ седьмая недѣли двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Шестидневныхъ недѣль въ году огромное большинство, а четырехдневныхъ только двѣ. Впрочемъ, простотѣ календаря исключительно помогаетъ число дней въ году — 668, которое, какъ четное, весьма удобно дѣлится на 16.

По продолжительности года можно судить о продолжительности жизни живыхъ существъ на Марсѣ, сравнительно съ землею; 668 сутокъ и 365 сутокъ! Какая, *слишкомъ замѣтная*, разница! Не достаетъ только 62 сутокъ, то-есть — *двухъ мѣсяцевъ* (по 31 дню), чтобы марсовскій годъ былъ *вдвое* длиннѣе нашего! Два мои товарища по экскурсіямъ моимъ къ Фобосу и Деймосу считали себѣ: одинъ — 38 лѣтъ, а другой — 44 года; по нашему счету это выходитъ 64 года и 76 лѣтъ, съ прибавкою еще нѣсколькихъ десятковъ дней на тотъ и другой возрастъ... У насъ люди подобныхъ лѣтъ считаются уже стариками: они уже сѣды и дряхлы, и одержимы разными недугами, свойственными старости; между тѣмъ мои товарищи — марситы были только еще въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, подобно людямъ на Землѣ *тѣхъ-же лѣтъ*, то-есть — 38 или 44!.. Нашъ

столѣтній старикъ равенъ на Марсѣ человѣку, приблизительно, 62 лѣтъ, нашъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ есть 14-лѣтній мальчикъ на Марсѣ...

Такъ различны, въ безконечномъ міровомъ пространствѣ, условія долгой или короткой жизни, зависящія отъ быстроты или медленности вращенія планетъ на своихъ осяхъ, и, одновременно, отъ длинныхъ или короткихъ путей ихъ вокругъ Солнца!.. И какіе контрасты въ этихъ условіяхъ жизни, представляемые, напримѣръ, Марсомъ и его спутниками, на которыхъ вѣкъ человѣческой сводится всего къ 15 или, много, къ 17 годамъ, или между Меркуріемъ и самою отдаленною планетою — Нептуномъ!..

Солнце съ Марса представляется значительно меньшимъ, чѣмъ съ Земли, и сила его свѣта, естественно, уже не та, которою мы пользуемся на нашей планетѣ; но эта умѣренность въ освѣщеніи нисколько не замѣтна для обитателя Земли — послѣ мрака междупланетнаго пространства, которое онъ долженъ пролетѣть, направляясь къ Марсу; я думаю, что эта умѣренность свѣта осталась-бы незамѣченною и меркуріанцемъ по той-же причинѣ; за то умѣренность въ теплотѣ и отсутствіе огромныхъ водныхъ пространствъ создаютъ пріятный умѣренный климатъ почти повсюду, начиная отъ крайнихъ широтъ сѣвера и юга до самаго экватора. На Марсѣ не бываетъ ни слишкомъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ, ни такихъ-же холодовъ зимою: 35° тепла такая-же рѣдкость тамъ, какъ 35° зимняго холода; первое случается только въ немногихъ мѣстностяхъ подъ экваторомъ, второе есть удѣлъ однѣхъ полярныхъ странъ.

Я нѣсколько разъ наблюдалъ нашу землю съ Марса простымъ глазомъ и вооруженнымъ. Простымъ глазомъ можно видѣть ее, какъ у насъ Венеру, утромъ или вечеромъ, и она представляется почти такою-же блестящею звѣздою, почти такой-же величины; на обсерваторіяхъ-же у марситовъ, снабженныхъ великолѣпными зрительными инструментами, во многомъ превосходящими наши, она является шаромъ такой величины, какъ Луна на нашемъ небѣ, *увеличенная въ шесть разъ*, и позволяетъ отчетливо и довольно подробно разсмотрѣть очертанія своей поверхности, чѣмъ марситы и пользуются: они давно уже знаютъ и дѣйствительную величину нашей планеты съ ея спутникомъ, и періоды ея вращенія на своей оси и вокругъ Солнца, и очертанія и число ея материковъ и океановъ до морей включительно. Они съумѣли даже лучше насъ разсмотрѣть и изучить наши полюсы, и безошибочно опредѣлили высоту нашихъ горъ, каковы Гималаи, Анды, Альпы и многія другія. Они находятъ природу нашей планеты болѣе грандіозною и поэтическою, чѣмъ природу своей, и удивляются только такъ рѣзко преобладающему у насъ количеству воды надъ количествомъ суши... Съ какимъ восхищеніемъ, поэтому они принялись разсматривать и изучать лучшіе географическіе наши атласы, которые я показалъ имъ, взявъ ихъ, какъ и нѣкоторыя другія книги, въ путешествіе съ собой!.. Съ другой стороны, я съ меньшей любознательностью и съ огромнымъ интересомъ набросился на ихъ географическія карты...

ЦАРСТВО ГРОМОВЕРЖЦА.

Послѣ многихъ совершенно темныхъ сутокъ, освѣщаемыхъ только путевыми электрическими шарами на нашихъ птицахъ, мы увидѣли наконецъ одного изъ спутниковъ Юпитера и решили, прежде всего, познакомиться съ нимъ... |Нельзя-же иначе: если желаютъ имѣть доступъ къ какому-нибудь властителю, то сначала стараются завязать знакомство съ его приближенными!..

Это была планета *Каллисто*, самый отдаленный спутникъ Юпитера: она отстоитъ отъ него на 1,914,000 верстъ, стало-быть — болѣе чѣмъ въ $6\frac{1}{2}$ разъ дальше Луны отъ Земли. Мы опустились среди горной мѣстности, чрезвычайно дикой, но живописной: со всѣхъ сторонъ окружали насъ конусообразныя горы, крайне крутыя и потому неприступныя, скалы, ущелья, пропасти, шумящіе водопады, бѣшено-мчащіеся ручьи; уступы горъ были покрыты густыми лѣсами, но долина, на которой мы остановились, отличалась каменистою, почти безплодною почвою. Мы обратили вниманіе на растительность: она была совершенно синяя, съ темно-бурыми стволами у деревьевъ, испещренными темно-красными и свѣтло-красными пятнами... Вмѣсто нашихъ листьевъ на деревьяхъ, или нитей, какъ на Марсѣ; красовались, на болѣе или менѣе тонкихъ стебляхъ, синіе шары неправильной формы и различной величины — отъ вишни до яблока... Мы сначала подумали, что это плоды, и удивились такому поразительному ихъ обилію; но сорвавъ нѣсколько такихъ шаровъ, мы убѣдились, что внутри они совсѣмъ пусты и представляютъ собою не болѣе какъ хлопущки, весьма занимательныя, поэтому, для дѣтей... Синяя оболочка ихъ то тонка и эластична, то, напротивъ, толста и груба, смотря по породамъ деревьевъ, и совершенно безвкусна, какъ наши древесные листья. Травы и злаки также являются хлопущками, но уже овальной, значительно удлиненной, формы и издають постоянные выстрѣлы, когда ихъ, проходя, по необходимости попирають ногами... Прогулки по лугамъ, такимъ образомъ, здѣсь ежеминутно сопровождаются подножными выстрѣлами... Чрезвычайно оригинальныя прогулки!

Но *цвѣты* еще замѣчательнѣе деревьевъ и травъ: на верху очень длиннаго овала-хлопущки вырастаетъ цѣлый букетъ меньшихъ оваловъ-хлопущекъ, сидящихъ на короткихъ стебляхъ и украшенныхъ мелкими звѣздочками всевозможныхъ красокъ и ихъ оттѣнковъ; такимъ образомъ одинъ какой-нибудь цвѣтокъ пестритъ сотнями звѣздочекъ — красными, пунцовыми, голубыми, оранжевыми, фіолетовыми, золотыми, серебряными и т. д.— до безконечнаго разнообразія... Изъ такихъ странныхъ цвѣтовъ невозможно, да и нѣтъ надобности, составлять букеты, потому что каждый подобный цвѣтокъ представляетъ собою цѣлый букетъ — по соединенію вмѣстѣ всевозможныхъ красокъ!..

Опускаясь на планету, мы долго не могли рѣшить, день или ночь принимаетъ насъ въ свои объятія: на небѣ, далеко уже за полуденною чертою, ярко свѣтилъ огромный шаръ, который, по вычисленіямъ нашимъ, оказался почти въ 76 разъ больше полной Луны; на восточной-же сторонѣ неба довольно уже далеко отъ горизонта, слабо блесѣлъ другой шаръ, въ пять разъ менѣе Солнца на нашемъ небѣ; лучи его такъ были деликатны и освѣщеніе, распространяемое ими, такъ было жидко, что совершенно терялось въ массѣ самаго яркаго и сильнаго свѣта, исходящаго отъ перваго шара...

Этотъ первый огромный шаръ свѣтилъ чистѣйшимъ желтымъ свѣтомъ, налагая на все свою желтизну, давая, однимъ словомъ, планетѣ яркій *желтый* день... Огромный шаръ, какъ мы потомъ убѣдились, никогда не закатывался за горизонтъ, а только циркулировалъ на небѣ отъ одного края до другого, и желтый день поэтому былъ вѣчный, безсмѣнный; малый-же, почти незамѣтный, шаръ находился на небѣ около 8 сутокъ, т.-е. болѣе недѣли, и, закатившись наконецъ, не восходилъ другія восемь сутокъ... Оказывалось очевиднымъ, вслѣдствіе этого, что Каллисто обращается вокругъ своей главной планеты, Юпитера, въ періодъ времени, равный, приблизительно, 16-ти земнымъ суткамъ, и что въ то-же самое время она совершаетъ вращеніе и на своей оси. Въ этомъ отношеніи Каллисто тождественна съ Луною: она медленно двигается на своей оси, хотя и необыкновенно быстро обращается вокругъ такой громадной планеты, какъ Юпитеръ, и къ этому послѣднему постоянно обращена однимъ и тѣмъ же полушаріемъ, тогда какъ другое, въ силу этой причины, никогда не видитъ Юпитера...

Читатели, конечно, догадались уже, что за шары были, различной величины, на небѣ Каллисто... Догадались и мы — послѣ нѣкотораго недоумѣнія, сильно пораженные невиданнымъ еще нами зрѣлищемъ... Да, безспорно, огромный шаръ былъ Юпитеръ, а маленькій, дававшій незначительный свѣтъ,— наше Солнце!.. Для планеты Каллисто, какъ и для прочихъ спутниковъ Юпитера, онъ, этотъ царственный Юпитеръ, былъ самъ Солнце, не болѣе и не менѣ!..

Этотъ нескончаемый желтый день былъ очень жарокъ: мы попали въ умѣренныя страны Каллисто, довольно далеко уже отъ экватора, а именно — подъ 50° южной широты, но и здѣсь теплота доходила до 30° въ тѣни... «Что-же дѣлается въ экваторіальныхъ странахъ?» задавали мы себѣ вопросы, собираясь посѣтить и ихъ...

Мы направили наши трубы, предварительно закрывъ ихъ закопченными стеклами, на этотъ огромный шаръ, и долго разсматривали его... Видъ его въ трубѣ, въ которой и десятая часть его не помѣщалась, живо напомнилъ мнѣ Солнце съ Меркурія, которое я такъ-же разсматривалъ тамъ: то-же ужасное, поражающее зрѣлище адской работы раскаленныхъ стихій, только здѣсь эти раскаленные стихіи были желтаго цвѣта, тогда какъ на Солнцѣ онѣ почти бѣлы!.. Кромѣ того, здѣсь несравненно больше встрѣчалось пятенъ, то темно-желтыхъ, то совсѣмъ почти черныхъ, которыя непрерывно мѣняли свои мѣста, какъ-бы передвигаясь въ извѣстномъ направленіи: въ этомъ выражалось вращеніе Юпитера на своей оси...

Да, не оставалось болѣе никакого сомнѣнія: Юпитеръ находится еще въ жидкомъ состояніи, подобно Солнцу, съ тою однако разницей, что его жидкое состояніе очень уже близко, можетъ быть, къ тому, чтобы сплотиться въ кору; другими словами — Юпитеръ пока еще Солнце, но уже дающее не бѣлый, а *желтый* свѣтъ, то-есть, весьма близкое къ тому, чтобы перейти, превратиться въ темное тѣло; это ему, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ все еще освѣщать и согрѣвать въ самой высокой степени, что мы и видимъ на одномъ изъ его спутниковъ... Какъ-бы ни было, но все это приводило насъ къ заключенію, что намъ нечего и думать летѣть къ Юпитеру: въ атмосферу Солнца, хотя-бы и готоваго въ скоромъ времени погаснуть, не можетъ безнаказанно проникнуть ни одно живое существо... Намъ предстояло довольствоваться знакомствомъ съ его спутниками, и только съ нихъ, насколько это возможно будетъ, наблюдать этого недоступнаго властелина *собственного*, значительно удаленнаго отъ Солнца, міра...

II.

Болѣе трехъ часовъ мы провели, отдыхая, въ этой горной мѣстности, и затѣмъ полетѣли дальше. На далекое пространство тянулись подъ нами все горы и горы, изрѣдка чередуясь съ небольшими долинами, перерѣзанными иногда быстрыми рѣчками. Многія горныя вершины были увѣнчаны желтоватыми шапками: оказывалось, что это были снѣга, бѣлые по своей природѣ, какъ и у насъ, но получившіе желтую окраску — отъ желтаго дня... Наконецъ, показалось на горизонтѣ огромное водное пространство: сѣро-зеленоватыя волны, отражавшія цвѣтъ безоблачнаго *зеленого* неба, мирно играли на своей дикой свободѣ, слегка колеблемыя вѣтромъ... Не было видно береговъ ни впереди, ни справа, ни слѣва: мы рѣшили, что это, по всей вѣроятности, было море, или, по малой мѣрѣ, почтенныхъ, размѣровъ озеро, — и направили свой полетъ черезъ него...

Жаръ, беспокоившій насъ на сушѣ, смѣнился пріятною прохлагою, которою съ наслажденіемъ дышали мы теперь, открывъ всѣ двери въ будкахъ на нашихъ птицахъ. Четыре часа мчались мы надъ этимъ озеромъ или моремъ, потерявъ уже изъ виду покинутый нами берегъ и не видя ничего вдали, кромѣ одной водной массы; наконецъ чуть-чуть обозначилась на противоположномъ горизонтѣ темная линія суши, — и наши птицы еще быстрѣе замахали крыльями, получивъ усиленное движеніе впередъ...

Во все время нашего перелета, море оставалось пустыннымъ, безжизненнымъ: ни одного судна человѣческаго не замѣтили мы на немъ нигдѣ, и только однѣ птицы, въ родѣ чаекъ, нарушали своимъ присутствіемъ и криками его торжественное уединеніе и пустынность... Онѣ летали очень медленно, важно и гордо размахивая своими длинными крыльями...

— Нѣтъ людей! — воскликнулъ одинъ изъ насъ, переставая обозрѣвать, въ подозрную трубку, окрестности...

— Неужели и дальше не увидимъ ихъ?..

— Посмотримъ, что будетъ *тамъ*! — сказала я, указывая на приближавшуюся сушу. — Мое мнѣніе все тоже: если Каллисто такъ-же движется, какъ наша Луна, то и обитатели ея человѣческой породы, равно какъ и прочія животныя, должны быть, по природѣ своей, медлительными, спокойными и чуждыми всякой предприимчивости. Море, стало быть, не для нихъ! Они довольствуются одною сушею, мало заботясь о водѣ!.. Посмотрите на этихъ чаекъ: какъ онѣ медлительны и важны въ своихъ движеніяхъ! Такими-же должны быть и люди здѣсь — съ увеличенною въ нѣсколько разъ медлительностью, сообразно ихъ физической величинѣ сравнительно съ птицами... Я почти увѣренъ, что мы найдемъ здѣсь такихъ-же лунитовъ, которыхъ видѣлъ я на нашемъ земномъ спутникѣ!.. Если и будутъ они отличаться отъ тѣхъ чѣмъ-нибудь, то это отличіе должно быть весьма незначительнымъ...

— Можетъ быть, вы и правы! — рѣшилъ одинъ изъ моихъ товарищей...

— Посмотримъ, посмотримъ! — сказали другіе...

Суша опять была подъ нами... Ровная мѣстность, слегка покатаая къ морю, къ которому текло нѣсколько рѣкъ и рѣчекъ, усѣянная лугами и лѣсами такими-же *синими*, какъ и по ту сторону моря, изрѣзанная проторенными дорогами, разстилалась подъ нами на далекое разстояніе во всѣ стороны...

— *Дороги*, да еще *проторенныя*! — замѣтилъ я. — Приготовьтесь скоро увидѣть и людей, и ихъ жилища!..

— Мы попали, нѣтъ сомнѣнія, въ *культурную* страну! — воскликнулъ одинъ изъ моихъ товарищей...

— Любопытно, любопытно!— отозвались другіе, направляя снова свои трубки на окрестности...

Но далеко смотрѣть не пришлось: почти подъ собою мы замѣтили *цѣлый городъ* въ нѣкоторомъ родѣ, расположенный у одной рѣки... Огромное поле раздѣлено было на двадцать круговъ, изъ которыхъ каждый, въ діаметрѣ не менѣе полуверсты, былъ окаймленъ по краямъ круглыми-же каменными домами, съ высокими коническими крышами; за домами простирались участки почвы, клинообразные, постепенно суживавшіеся къ центру круга, а въ самомъ центрѣ его возвышалась каменная башня, съ площадкою на верху, увѣнчанная невысокимъ деревяннымъ столбомъ съ огромнымъ на верхушкѣ его кругомъ; этотъ послѣдній былъ утвержденъ на столбѣ въ вертикальномъ положеніи и окрашенъ густою желтою краскою...

Каждый кругъ окаймленъ былъ десятью домами и заключалъ въ себѣ, стало быть, десять почвенныхъ участковъ. Каждый участокъ дѣлился на три части: ближе къ дому былъ дворъ съ разными хозяйственными постройками, за нимъ простиралась нива и огородъ вмѣстѣ, а за нивою — садъ, занимавшій самую узкую часть клина, немного усѣченного въ пользу круглаго центрального двора, на которомъ стояла башня. Башенный дворикъ былъ огороженъ каменною оградой съ десятью воротами со стороны каждого участка, тогда какъ эти послѣдніе отдѣлялись другъ отъ друга деревянными оградами...

Дома, по окружности своихъ круговъ, соединялись между собою также каменными оградами, съ воротами извнѣ, или со стороны улицы, въ каждый дворъ...

Улицъ въ нашемъ смыслѣ не было въ сущности никакихъ, такъ какъ между кругами виднѣлось вездѣ поле, поросшее травами и усѣянное узкими дорожками отъ круга къ кругу.

Круги были чрезвычайно правильно очерчены, на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга (приблизительно — на ширину самой широкой нашей улицы), и математически — точно разбиты на радіусообразные участки...

Круги не были вытянуты въ одну линію, а представляли изъ себя пять рядовъ, идущихъ перпендикулярно къ рѣкѣ, или четыре ряда — параллельно рѣкѣ. Въ первомъ случаѣ каждый рядъ состоялъ изъ четырехъ круговъ, во второмъ — изъ пяти...

Итакъ, передъ нами былъ городъ въ 200 домовъ!..

— Ну-съ, вотъ вамъ и города!— обратился я къ моимъ товарищамъ:— что мы теперь будемъ дѣлать?..

— Пойдемъ къ *нимъ* — предложилъ одинъ...

— *Знакомиться?*..— спросилъ другой...

— Конечно, конечно!— подтвердили остальные...

— Не опасно-ли будетъ это?— спросилъ все тотъ-же...

— Конечно, нѣтъ!..

— Опасности никакой не можетъ быть,— сказалъ я.— Мы видимъ, безъ всякаго сомнѣнія, цивилизованныхъ людей въ этихъ чрезвычайно своеобразныхъ, правильныхъ и хорошо исполненныхъ постройкахъ... Совершенно какъ у лунитовъ! Разница лишь въ томъ, что здѣсь не квадраты, а круги, и не четырехугольные дома, а круглые; наконецъ у лунитовъ нѣтъ этихъ центральныхъ башенъ, которыя мы видимъ здѣсь...

— Что это за башни?..— спросилъ одинъ изъ насъ...

— Трудно сказать, не зная, въ чемъ дѣло...

— Неужели это какая-нибудь обсерваторія?..

— Не можетъ быть! Что съ нихъ можно наблюдать?.. Не телескопы-же эти желтые деревянные круги!..

Мы засмѣялись: въ самомъ дѣлѣ, забавно было думать, что эти круги имѣли какое-нибудь *астрономическое* назначеніе!..

— Можетъ быть, какіе-нибудь особенные, невѣдомые намъ, громоотводы или градоотводы...

— Но какимъ образомъ *деревянный* столбъ и такой-же кругъ на немъ можетъ парализовать дѣйствіе электричества, проводя его черезъ себя, разряжая?.. Надѣюсь, что хоть законы, по которымъ дѣйствуетъ электричество, всюду въ природѣ одни и тѣ-же, если ужъ нѣтъ однихъ и тѣхъ-же законовъ касательно постройки городовъ и домовъ!..

— Не проще-ли, господа, вотъ что предположить, — замѣтилъ одинъ изъ насъ, пытливо всматривавшійся до сихъ поръ въ башни и все молчаніи:— это, мнѣ кажется, *молельни*, или *храмы* въ своемъ родѣ... Каллиститы, вѣроятно, поклоняются на этихъ площадкахъ своимъ божествамъ, или, можетъ быть, одному какому-нибудь божеству, и этотъ желтый кругъ, вертикально поставленный, долженъ имѣть особенно священное значеніе: можетъ быть, онъ представляетъ *лицо* этого божества...

— Вы, кажется, правы,— согласился я:— ваши догадки я нахожу настолько близкими къ истинѣ, что готовъ даже пари держать за васъ!..

III.

Насъ было восемь человѣкъ. Восьми человѣкамъ неудобно было идти въ одинъ какой-нибудь домъ, къ одному какому-нибудь хозяину въ гости; поэтому мы раздѣлились на три партіи, по два человѣка къ каждой, и рѣшили, что каждая партія пойдетъ одновременно въ три какіе-нибудь дома. Двое же изъ насъ останутся при нашихъ птицахъ...

— Если не скоро отопрутъ вамъ дверь,— сказалъ я,— то знайте, что это *физически* невозможно, какъ на Лунѣ; поэтому не повторяйте стука въ дверь, а подождите, на примѣръ, полчаса, или минутъ сорокъ... На Лунѣ нужно было около часу употребить на то, чтобы выйти изъ комнаты въ сѣни и отпереть дверь; но вѣдь Луна совершаетъ два свои движенія въ 28 сутокъ, значить — 12 сутками дольше, чѣмъ Каллисто...

— Примемъ это къ свѣдѣнію!— отвѣтили мнѣ.— Итакъ пойдете!..

Мы бросили жребій, кому оставаться при птицахъ. Выпало мнѣ и одному изъ моихъ трехъ товарищей по путешествіямъ нашимъ на Фобосъ и Деймосъ. Случай вполне справедливо разсудилъ: на мою долю достаточно пришлось разныхъ знакомствъ съ людьми въ моихъ предыдущихъ полетахъ на планеты; мой товарищъ тоже видѣлъ кое-что, если не Меркурія, Венеру и Луну, то двухъ спутниковъ Марса; между тѣмъ какъ прочіе наши товарищи (за исключеніемъ одного изъ нихъ) ничего еще, кромѣ Каллисто, не видѣли, и потому, естественно, хотѣли *лично* видѣть ея жителей, въ ихъ домашнемъ быту.

Итакъ, укрывъ нашихъ восемь птицъ въ тѣни небольшой рощи, не болѣе какъ въ ста саженьяхъ отъ перваго городского круга, мы вдвоемъ комфортабельно расположились отдыхать и ждать, тогда какъ шесть нашихъ товарищей пошли въ городъ дѣлать визиты...

— Какъ вы думаете,— предложилъ мне вопросъ мой компаньонъ,— какъ ихъ примутъ?..

— Я думаю,— отвѣчалъ я,— что такъ-же, какъ принимали меня луниты: спокойно, медлительно и съ самой незначительной долей изумленія и любознательности къ такому факту, какъ появленіе людей изъ чуждаго и неизвѣстнаго имъ міра... Впрочемъ, здѣшніе обитатели должны быть нѣсколько живѣе лунитовъ въ силу извѣстной намъ причины...

— Станные и интересные должны быть эти люди!— продолжалъ мой товарищъ: — ужъ одинъ этотъ городъ и эти ихъ дома чего стоятъ, чтобы привыкнуть къ ихъ виду!..

— А согласитесь,— замѣтилъ я,— что дома хотя и странны на видъ, но все-таки красиво и прочно построены! А какъ правильно распланированы и раздѣлены на участки эти городскіе круги! По нимъ можно судить, что люди, строившіе городъ, не только аккуратно и искусно умѣютъ исполнять работы, но даже обладаютъ и нѣкоторыми научными знаніями — для раздѣленія, напримѣръ, территоріи на правильные и равномерно распределенные участки подъ постройки, нивы и сады...

— Да, это правда!..

Въ самомъ дѣлѣ, дома были красивы: высокіе фундаменты ихъ были плотно и искусно сложены изъ дикаго камня голубовато-сѣраго цвѣта, стѣны гладко и артистически округлены и окрашены розовато-бѣлой краской, а коническія крыши сложены изъ толстыхъ досокъ, которыя постепенно суживались кверху и окрашены были въ синюю краску — подъ цвѣтъ растительности. Каждый домъ глядѣлъ четырьмя большими и тоже круглыми окнами, обведенными красными карнизами и занавешенными изнутри чѣмъ-то желтымъ, конечно какой-нибудь матеріей. Кромѣ того, у каждого дома было по двѣ круглыя пристройки,— одна между двумя окнами на улицу, другая между двумя окнами, выходящими во дворъ: это были сѣни или подѣзды, съ широкими, закругленными вверху дверями, и передъ каждой дверью, окрашенной въ синій цвѣтъ, лежала толстая и круглая плита, изъ того-же голубовато-сѣраго дикаго камня. Круглыя пристройки или сѣни были также каменные, розовато-бѣлаго цвѣта и оканчивались такими-же коническими синими крышами.

— Форма *круга*,— замѣтилъ мой товарищъ,— рѣшительно преобладаетъ во всемъ у этихъ людей: городъ дѣлится на круги, дома круглые, окна круглыя, сѣни круглыя, центральныя башни эти тоже круглыя... Я думаю, что если-бы удобно было дѣлать *совсѣмъ* круглыя двери, то и двери также были-бы круглыя!.. Не имѣетъ-ли поэтому форма круга *релиознаго* значенія, на что какъ будто-бы указываютъ эти деревянные желтые круги на башняхъ?..

— Я склоняюсь къ вашему предположенію,— отвѣтилъ я.— Ваша давешняя догадка объ этихъ башняхъ и кругахъ, повторяю вамъ, очень близка, какъ думается мнѣ, къ истинѣ: въ самомъ дѣлѣ, должно-же было откуда-нибудь взяться это предпочтеніе къ кругу! Въдѣ круглое жилище не такъ удобно, какъ четырехугольное, круглыя окна тоже нисколько не удобнѣе четырехугольныхъ, а наоборотъ — *постѣднія* удобнѣе первыхъ... Итакъ, нужно было что-нибудь особенное, что вызвало-бы это предпочтеніе къ формѣ круга!..

Прошло не болѣе часу, какъ наши ушли въ гости къ каллиститамъ. Конечно, мы полагали, что не менѣе трехъ часовъ нужно для обстоятельныхъ визитовъ къ этимъ людямъ и потому безпечно продолжали свой отдыхъ и бесѣду, какъ вдругъ мой товарищъ вскрикнулъ:

— Смотрите, наши, наши! И за ними эти люди! Чортъ возьми! Да они, просто, гонятся за нашими! Смотрите! Видите?.. Побѣжимъ къ нимъ на выручку!..

То, что я увидѣлъ, такъ поразило меня своей неожиданностью, что я съ минуту не могъ опомниться; наконецъ, схвативъ револьверъ, я побѣжалъ вслѣдъ за товарищемъ, бросившимся на встрѣчу къ нашимъ.

Шесть нашихъ товарищей бѣжали къ намъ съ растерянными лицами, почти испуганные; за ними медленно двигались рослыя фигуры людей, почти исполины, одѣтые по-библейски — въ какія-то желтыя хламиды, въ желтыхъ кожаныхъ туфляхъ... Лица ихъ были оливковаго цвѣта, съ правильно, почти антично, очерченными губами, глазами и носомъ, съ окладистыми черными бородами, съ роскошными волосами на головахъ

величественно опускавшимися на плечи, но гнѣвныя, свирѣпыя, дышавшія жаждою мести... Въ рукахъ у нихъ были широкіе и длинные ножи, которые они медленно поднимали вверхъ, потрясая ими въ воздухѣ, грозя ими намъ!..

За что?.. Что случилось между нами и ими?.. Наши визиты оскорбили ихъ какой-нибудь священный обычай, котораго никто до насъ не дерзаль нарушать?..

Къ счастью для насъ и для нихъ, конечно (такъ какъ, при стычкѣ, мы-бы должны были пустить въ ходъ наши револьверы), они, по своей природѣ, двигались очень медленно, хотя и скорѣе лунитовъ, и потому далеко остались назади, подвигаясь все-таки къ намъ; наши-же успѣли добѣжать до мѣста, гдѣ стояли птицы, и крикнули:

— Скорѣе, господа, въ путь! Это звѣри, а не люди!

— Что случилось?.. — спросилъ я.

— Узнаете сейчасъ! Но сперва летѣть, летѣть надо отсюда!..

Мы выдвинули нашихъ птицъ на открытое мѣсто и, сѣвъ въ будки, полетѣли нарочно надъ городомъ, чтобы видѣть, что станутъ дѣлать эти разсвирѣпѣвшіе люди... За нашими товарищами гналось человѣкъ десять, какъ только мы ихъ увидали; теперь-же ихъ было уже нѣсколько десятковъ, въ тѣхъ-же хламадахъ, съ такими-же ножами въ рукахъ, съ тѣми-же гнѣвными лицами, такіе-же всѣ красивые, исполинскаго роста, съ оливковыми лицами, бородатые, съ волосами до плечъ... Увидѣвъ насъ парящими надъ ихъ головами, они точно окаменѣли въ первое мгновеніе,— нашъ полетъ былъ, вѣроятно, неожиданностью для нихъ; но потомъ подняли ножи вверхъ, грозя ими намъ и крича что-то нараспѣвъ...

Мы стали кружиться надъ городомъ, чтобы видѣть, что еще будетъ, потому что люди все прибывали и прибывали, выходя изъ своихъ домовъ; почти уже полгорода было на улицахъ, то-есть на травянистомъ полѣ между городскими кругами... Вдругъ одинъ изъ нашихъ товарищей обратилъ наше вниманіе на башни: на нихъ стали появляться люди... На каждой площадкѣ, на которой стоялъ столбъ съ кругомъ, было уже по нѣсколько человѣкъ... Когда площадки достаточно наполнились людьми, всѣ находившіеся тамъ стали на колѣна вокругъ столбовъ, и поднявъ руки вверхъ и съ благоговѣйнымъ страхомъ устремивъ глаза на желтые круги, запѣли общимъ хоромъ какую-то торжественно-грозную и вмѣстѣ уныло-печальную пѣснь...

На улицахъ никого уже не было: все мужское населеніе города наполнило свои башни для какой-то молитвенной пѣсни или гимна!..

— Вы правы!— сказалъ я своему товарищу, съ которымъ мы оставались при птицахъ.— Эти башни — молельни или храмы, а желтые круги на столбахъ — рѣшительно — изображеніе божества!..

— И я вамъ скажу еще,— отвѣтилъ онъ,— о чемъ теперь эти люди поютъ или молятся своему богу: они просятъ его наказать насъ за нашу попытку проникнуть въ ихъ дома, которые мы, какъ чужестранцы, осквернили, вѣроятно, своимъ прикосновеніемъ, и въ то-же! время изъявляютъ ему свою преданность и покорность...

— Но что это за богъ?..— спросилъ одинъ изъ насъ.— Въ какомъ смыслѣ *желтый кругъ* можетъ быть его изображеніемъ?..

Вдругъ самый простой и естественный отвѣтъ на эти вопросы пришелъ мнѣ въ голову.

— Послушайте, господа!— сказалъ я.— Этотъ богъ не кто иной, какъ Юпитеръ, а желтый кругъ — изображеніе его, потому что развѣ онъ не все для этой планеты, и развѣ онъ не круглъ, не желтъ и не поразительно великъ на этомъ зеленомъ небѣ?..

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Ваша правда!

— Ничего не может быть понятнѣе!

— Тысячу разъ вы правы!— восклицали мои товарищи, удивляясь, какъ они сами не набрали на эту весьма простую разгадку...

— Но расскажите-же намъ, господа,— сказалъ я,— что у васъ вышло съ этими людьми?..

Товарищи рассказали слѣдующее:

Они выбрали первые три дома и, подойдя къ нимъ, постучались... Дѣйствительно, только черезъ полчаса двери стали медленно открываться и за ними показались люди... Но когда они увидѣли передъ собою какихъ-то чужестранцевъ, видъ и костюмы которыхъ были необычны для нихъ,— лица ихъ нахмурились, и произнеся нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ, повидимому, былъ неодобрителенъ для гостей, они медленно стали уходить въ комнаты, оставивъ двери открытыми... Это и ввело въ заблужденіе нашихъ товарищей: видя двери открытыми, они подумали, что имъ предлагаютъ войти въ домъ, и вошли въ сѣни, рѣшивъ, однако, подождать еще полчаса, не покажутся-ли вновь хозяева съ приглашеніемъ войти въ самый домъ... И, дѣйствительно, дождались, но совсѣмъ другого, чего и не воображали себѣ: хозяева вышли къ нимъ въ сѣни освирипѣлые, съ ножами въ рукахъ и чуть не закололи ихъ тутъ-же: спасла только медленность; съ которою они стали заносить ножи свои надъ головами нашихъ товарищей; тогда, увидѣвъ въ чемъ дѣло, наши быстро ретировались отъ такого гостепріимства!..

Разговаривая такъ, мы уже далеко отлетѣли отъ города, оставивъ въ покоѣ его обитателей и мчась дальше въ поиски за новыми видами, впечатлѣніями и, можетъ быть, приключеніями. Кто знаетъ,— можетъ статься, эти люди насъ приняли за какихъ-нибудь дьяволевъ, увидѣвъ насъ летающими, а не ходящими, какъ они, и поэтому еще свирѣпѣе ополчились на насъ?..

IV.

— Да, я не угадалъ натуры этихъ людей!— говорилъ я потомъ моимъ товарищамъ.— Они ненавидятъ иностранцевъ! Они фанатики въ своихъ обычаяхъ и въ своей религіи, и имъ ничего не стоитъ *убить* даже иностранца, нарушившаго, въ невѣдѣніи своемъ, какой-нибудь изъ ихъ обычаевъ или правилъ! Какая ошибка — отождествлять во всемъ этихъ людей съ лунитами!..

— Но ихъ *физическія* свойства вы все-же угадали!— старались утѣшить меня товарищи.— Какая удивительная медленность движеній! Полчаса нужно, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ! Минуть десять нужно, чтобы поднять или опустить руку!.. Странно и дико для человѣка нашей породы!..

— Эта-то медленность и спасла васъ отъ ихъ ножей!— продолжалъ я,— Не будь ея, вышла-бы трагедія! Ужасно, ужасно!.. Не буду впередъ судить о людяхъ по одной теоріи!..

— Какъ-бы вы поступили,— спросилъ, полушутя, полусерьезно, одинъ изъ товарищей, ходившихъ въ каллиститамъ,— если-бы насъ всѣхъ перерѣзали эти свирѣпыя юпитеровцы?..

— Мы-бы тогда всѣхъ ихъ перестрѣляли!— отвѣтилъ я, и обратясь къ товарищу, который оставался со мною при птицахъ, спросилъ его:— Не такъ-ли?..

Тотъ, молча, утвердительно кивнулъ головою.

— Значить, смерть за смерть?— спросило, въ одинъ разъ, нѣсколько голосовъ...

— Какъ-же иначе поступить въ подобномъ случаѣ?— отвѣтилъ я вопросомъ и продолжалъ:— По нашему, *по земному*, такъ выходитъ! хорошо, что у васъ на Марсѣ нѣтъ болѣе ни войны, ни преступленій, а остались одни *проступки*, караемые презрѣніемъ или выговоромъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, кратковременнымъ арестомъ! У насъ-же на Землѣ господствуютъ еще повсемѣстно различныя преступленія, за которыя приходится нерѣдко и *смертью* наказывать! У насъ въ Англіи, въ самой цивилизованной и свободной странѣ, убійцъ, безъ церемоніи, вздергиваютъ на петлю!..

— Ужасные нравы!— воскликнули нѣкоторые...

— У насъ то-же было прежде,— замѣтилъ согласившійся со мною товарищъ...

— Но васъ перерѣзали-бы тоже въ концѣ-концовъ! Какъ можно *двоимъ* уцѣлѣть — среди сотенъ свирѣпыхъ убійцъ?..

— Пускай!— отвѣтилъ я.— Но все-же эти убійцы были-бы наказаны за свое преступленіе смертию многихъ изъ своихъ!..

— Да мы-бы не стали больше и трудиться надъ ними,— сказалъ мой единомышленникъ.— Мы-бы только перестрѣляли тѣхъ изъ нихъ, которые совершили убійство и, унеся съ собою васъ, улетѣли-бы во-свояси... Намъ помогли-бы въ этомъ ихъ медленность и наша быстрота, и мы въ этой экзекуціи не потеряли-бы ни единаго волоска съ головъ нашихъ!..

Всѣ замолчали послѣ этихъ словъ, оказавшихся болѣе справедливыми, чѣмъ мои: въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убивать многихъ и невиновныхъ вовсе въ преступленіи, сверхъ тѣхъ только, кто виновенъ въ немъ?.. Я увлекся въ своемъ *земномъ* раздраженіи противъ преступниковъ и выказалъ жестокіе инстинкты, свойственные, напримѣръ, каллиститамъ!.. Мнѣ стало неловко и совѣстно передъ моими мягкими и гуманными товарищами, хотя одинъ изъ нихъ и соглашался со мною — въ вопросѣ о наказаніи за тяжкое преступленіе...

— Но любопытно,— прервалъ молчаніе одинъ изъ насъ,— какъ-же можно познакомиться съ этими людьми?.. Неужели-же они *рѣшительно* — таки отвергають всякое знакомство съ иностранцами, то-есть съ людьми, ничѣмъ непохожими на нихъ?..

— Вѣроятно!

— Ну, если запрещается иностранцамъ входить къ нимъ въ дома, то неужели и внѣ дома иностранецъ не можетъ завязать знакомство съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ?..

— Очень возможно, что и внѣ дома не можетъ,— сказалъ я.— У насъ существовали не такъ давно, лѣтъ 50 тому, цѣлыя государства, не допускавшія никакихъ знакомствъ съ иностранцами, напримѣръ Китай и Японія... Послѣдняя въ настоящее время отказалась уже окончательно отъ своей замкнутости, а Китай — только отчасти: онъ все еще неохотно пускаетъ къ себе иностранцевъ, не смотря на явную выгоду отъ знакомства съ ними... А въ древнія времена всѣ азіатскіе и африканскіе народы жили большею частью замкнуто другъ отъ друга, и мнѣ эти каллиститы очень напоминаютъ нашихъ древнихъ евреевъ, у которыхъ прямо считалось *грѣхомъ* знакомство съ иностранцами...

Въ виду такой исторіи, мы рѣшили отказаться вообще отъ всякихъ попытокъ познакомиться лично съ каллиститами, довольствуясь только наблюденіемъ ихъ быта съ высоты нашего птичьяго полета; но товарищъ, котораго такъ интересовалъ вопросъ о возможности знакомства, неожиданно объявилъ:

— Я васъ прошу, господа, позволить мнѣ одну только попытку: если мы увидимъ гдѣ-нибудь, на нейтральномъ мѣстѣ, одного или нѣсколькихъ изъ нихъ, я подойду къ нимъ и жестаи покажу, что желаю познакомиться: неужели такъ-таки отвернутся отъ меня, или, того хуже, накинута съ какимъ-нибудь оружіемъ?..

— Что вы называете нейтральнымъ мѣстомъ?..

— Поле, или лѣсъ, вдали, конечно, отъ всякаго жилища, будь это городъ или одиноко стоящій домъ... Я не подвергаюсь въ этой попыткѣ никакой опасности, благодаря ихъ медленности въ движеніяхъ: чуть только замѣчу гнѣвъ на лицѣ или намѣреніе поднять руку для удара,— моментально стушуюсь, и дѣло тѣмъ и кончится...

— Хорошо, мы вамъ позволяемъ это, въ виду этой ихъ медлительности, которая, дѣйствительно, можетъ защитить васъ отъ какого-нибудь враждебнаго посягательства на вашу личность; но, просимъ васъ съ своей стороны, *будьте осторожны!*..

— О, конечно! Кто-же себѣ желаетъ зла?..

Хотя день на одномъ изъ полушаріи Каллисто вѣчный и безсмѣнный, но мы считали время по своему, то-есть по марсовски или по земному (что почти одно и тоже), дѣля его на наши дни и ночи; итакъ, *на другой день*, выражаясь по нашему, послѣ этого разговора, мы пролетали надъ однимъ полемъ и увидѣли двухъ каллиститовъ, медленно двигавшихся по широкой дорогѣ...

Это было уже верстъ за 300 отъ того города. На всемъ этомъ протяженіи мы насчитали только девять незначительныхъ городовъ, имѣвшихъ тотъ-же круглый видъ, но не замѣтили ни одного человѣка. Эти два во всемъ были похожи на нашихъ недавнихъ непріятелей: тѣ-же хламыды желтыя, такія-же огромныя и красивыя фигуры, исполненныя важности и сознанія своего достоинства, и тѣ-же оливковыя и правильныя лица, полузакрытыя капюшонами отъ жары...

«Что за красивая раса», невольно подумалъ я: «и какъ она, къ сожалѣнію, суевѣрна и фанатична — по милости Юпитера!..»

Они насъ не видѣли, занятые, вѣроятно, бесѣдою другъ съ другомъ. Мы дали задній ходъ нашимъ машинамъ, чтобы остаться позади ихъ и незамѣтно опуститься на почву, что намъ и удалось. Тогда нашъ товарищъ, искавшій знакомства, вышелъ изъ будки и направился скорымъ шагомъ къ нимъ...

Черезъ пять минутъ онъ догналъ ихъ и громко кашлянулъ, чтобы заставить ихъ обернуться... Они медленно обернулись и, увидѣвъ передъ собою человѣка необыкновеннаго для нихъ вида, на мгновеніе какъ бы застыли; потомъ лица ихъ приняли спокойный и холодный видъ, но губы не шевельнулись ни для малѣйшаго звука: повидимому эти люди ждали слова отъ незнакомаго и чуждаго имъ существа, не желая сами начать разговоръ съ нимъ...

Товарищъ нашъ очень вѣжливо поклонился и сказалъ, мало надѣясь, конечно, быть понятымъ:

— Милостивые государи! Не позволите-ли вы мнѣ познакомиться съ вами?.. Я — уроженецъ планеты Марса; вмѣстѣ съ другими шестью согражданами моими и съ однимъ, обитающимъ на планетѣ Землѣ, которыхъ вы видите вонъ тамъ, невдалекѣ отсюда, я посѣтилъ ваше отечество и желалъ-бы поближе узнать какъ его, такъ и васъ лично, жителей этого прекраснаго и величественнаго міра, во многомъ непохожаго на нашъ... Мы совершили наше далекое путешествіе на машинахъ, сдѣланныхъ на подобіе птицъ и изобрѣтенныхъ нашимъ уважаемымъ сотоварищемъ, обитателемъ Земли...

Тщетно нашъ товарищъ сопровождалъ свою рѣчь жестами, показывая то на небо, то на насъ; тщетно и мы приблизились со своими птицами: важные каллиститы продолжали хранить молчаніе, стоя неподвижно, какъ статуи, смотря, попрежнему, холодно и безучастно на желавшаго завязать знакомство съ ними!.. Насъ они едва удостоили однимъ мимолетнымъ небрежнымъ взглядомъ!..

Не получивъ отвѣта на свою рѣчь, товарищъ нашъ рѣшился, все-таки, продолжать ее, надѣясь, конечно, хоть одно слово услышать отъ своихъ нѣмыхъ собесѣдниковъ:

— Мы видѣли ваши города и дома съ нивами и садами, и ваши храмы въ центрѣ каждаго городского круга: все у васъ прекрасно устроено, и по образцу, невиданному нами нигдѣ! Мы всегда любовались вашими постройками, пролетая надъ ними и во время остановокъ вблизи вашихъ жилищъ!

Но и на эти слова, сопровождаемая необходимыми жестами, по направленію ихъ городовъ, отвѣтомъ было то-же упорное холодное молчаніе!.. Тогда товарищъ, указывая на нашихъ птицъ, сказалъ свои послѣднія слова:

— Обратите, прошу васъ, вниманіе ваше на наши машины! Онѣ очень просто устроены, безъ всякихъ мудреныхъ хитростей, и на нихъ можетъ всякій летать, кто только пожелаетъ... Въ нихъ нѣтъ ничего противнаго божескимъ или человѣческимъ законамъ! Онѣ придуманы съ единственною цѣлью — сберегать силы человѣка въ его путешествіяхъ, переносясь съ мѣста на мѣсто по воздуху, а не попирая почву собственными ногами или ногами животныхъ; при такомъ способѣ передвиженія сокращается во множество разъ драгоценное время, которое приходится тратить, двигаясь по почвѣ!..

И онъ еще ближе подкатилъ къ себѣ свою птицу, открылъ въ будкѣ всѣ двери, открылъ даже нижнюю дверь, черезъ которую можно было видѣть устройство механизма, приводившаго птицу въ движеніе...

На лицахъ каллиститовъ изобразилось, въ самой слабой степени, любопытство, и они медленно наклонились къ машинѣ... Они разсматривали ее минутъ 15—20, не прикасаясь, однако, ни къ чему руками и не говоря, по-прежнему, ни слова... Потомъ съ тою-же медленностью выпрямили свои библейскія фигуры, придавъ имъ обычную спокойную и важную осанку, и стали смотрѣть снова безучастно и холодно на человѣка, напрасно пытавшагося пробить ту ледяную кору, въ которую заключились они, не смотря на свой вѣчный жаркій день!..

Всѣ средства были истощены; оставалось, впрочемъ, еще одно, можетъ быть, самое дѣйствительное, и товарищъ нашъ прибѣгнулъ, наконецъ, и къ нему...

— Прощу васъ, милостивые государи,— сказалъ онъ,— посмотрѣть на дѣйствіе этой машины!

И онъ вошелъ въ будку, и сѣвъ въ кресло, поднялся вверхъ; потомъ сдѣлалъ горизонтальный круговой полетъ, и опустившись на прежнее мѣсто, спросилъ, выходя изъ будки:

— Не правда-ли, милостивые государи, *удобно и быстро?*.. Лучше вѣдь, чѣмъ *двигаться по почвѣ* какимъ-бы ни было способомъ?..

Но и на это не послѣдовало ни полуслова!.. На полеты они смотрѣли съ нѣкоторымъ любопытствомъ, сохраняя, однако-же, свою обычную важность и сознаніе достоинства, никогда, невидимому, не покидавшія ихъ... Наконецъ, находя, вѣроятно, что достаточно съ иностранца этой импровизированной аудіенціи, которою они удостоили его среди пустынного поля и подъ палящими лучами ихъ бога, они чуть замѣтно наклонили свои могучіе станы, и также медленно повернувъ къ намъ спины, принялись продолжать свое прерванное путешествіе... Мы переглянулись и не могли удержаться отъ юмористическихъ улыбокъ по адресу нашего бѣднаго собрата, даромъ потратившаго такъ много пороку!..

— Ну, вотъ вамъ каллиститы и *вмѣ дома!*

— А внѣ дома они много лучше! Все-таки видно, что люди, а не какія-то разъяренные животныя!

— Замѣтили, съ какою осторожностью и не прикасаясь ни къ чему руками, разсматривали они птицу?.. Я убѣжденъ, что прикосновеніе ко всему иностранному, а тѣмъ болѣе къ самому иностранцу, считается у нихъ оскверненіемъ себя, грѣхомъ!..

— Да, это очевидно!

— Пари держу, что если не насъ самихъ они считаютъ демонами, жителями преисподней, то во всякомъ случаѣ и нашихъ птицъ, и наши полеты относятъ къ изобрѣтенію демоновъ!..

— Вѣроятно, и даже весьма!

— Поняли-ли они хоть сколько-нибудь то, что имъ говорили о нашемъ путешествіи на ихъ планету, или то, что мы удивляемся и хвалимъ ихъ постройки?

— Едва-ли! Не только Земли и Марса не оказалось въ тотъ моментъ гдѣ-нибудь вблизи насъ, но даже ни единого ихъ дома нигдѣ не было видно, какъ и въ настоящія минуты!.. Трудно дать понятіе о предметахъ, на которые, за отсутствіемъ ихъ, нельзя указать, да еще говоря на языкѣ, неизвѣстномъ слушателю!..

— Да, вотъ вамъ *люди*! Какіе красивые и мощные, какіе важные, гордые и глубоко замкнутые въ своемъ тѣсномъ религіозно-нравственномъ мірѣ! О ты, Юпитеръ! Отъ тебя все это!

— Странныя эти планеты, господа, на которыхъ мы живемъ! Вдали отъ насъ, онѣ расширяютъ нашъ умственный кругозоръ, возбуждая жажду изслѣдованій, заставляя отказываться отъ массы предразсудковъ и суевѣрій въ которые такъ охотно вѣрилось прежде; вблизи, наоборотъ, онѣ суживаютъ наше міровоззрѣніе, и до того, что дѣлаютъ изъ насъ покорныхъ себѣ рабовъ... Меркурианцы — рабы Солнца, жители Венеры — вѣроятно тоже, луниты — и до сихъ поръ еще рабы Земли, хотя, какъ видно, и не фанатики; наконецъ, каллититы — рабы Юпитера, и слѣпыя рабы, и тоже самое можно напередъ сказать и объ обитателяхъ прочихъ его спутниковъ, которыхъ мы пока еще не видѣли!.. И если-бы на нашемъ Фобосѣ или Деймосѣ были свои аборигены, они непременно оказались-бы рабами нашего Марса!.. Счастье вамъ и намъ, что наши двѣ планеты не близки къ Солнцу и не состоятъ спутниками при другихъ планетахъ!..

Послѣднія слова относились ко мнѣ лично, и я сказалъ:

— Да, счастье! Хотя и было время, когда и мы были покорными рабами Солнца и даже Луны!..

— Въ самомъ дѣлѣ?..

— Какъ-же, да! Но это было давно-давно, нѣсколько тысячелѣтій тому, такъ что это рабство перешло уже въ темную область преданій... У насъ тогда азіатскіе и африканскіе народы, какъ, напримѣръ, вавилонцы, ассирійцы, финикійцы, египтяне и другіе, поклонялись Солнцу и Лунѣ, и первому приносили даже человѣческія жертвы!..

— Не можетъ быть! Развѣ на вашемъ небѣ Солнце очень внушительнаго вида?..

— Совсѣмъ нѣтъ, немногимъ только больше, чѣмъ у васъ! Тутъ исключительно виноваты азіатскіе и африканскіе жары, да наша роковая глупость, отъ которой мы и до сихъ поръ еще несвободны во многихъ дѣлахъ нашихъ!

— У насъ также поклонялись когда-то Солнцу и даже «звѣздамъ», но о *человѣческихъ* жертвахъ ничего не говоритъ наша исторія...

— Да, вы счастливѣе насъ...

И съ этими словами мы полетѣли дальше...

V.

Въ тропическихъ странахъ на Каллисто еще жарче, еще желтѣе этотъ вѣчный юпитеровсый день, чѣмъ въ умѣренныхъ, гдѣ мы до сихъ поръ путешествовали. Зной тамъ доходить до 50° въ тѣни и... *юпитеровскіе*, а не солнечные, удары весьма нерѣдки: всеобщій этотъ, на свѣтломъ полушаріи планеты, богъ, этотъ Юпитеръ, тезка нашему Юпитеру былыхъ временъ, благодѣтельствуя своихъ вѣрныхъ рабовъ свѣтомъ и тепломъ, не прочь иногда и пошутить съ ними, пробуя на ихъ головахъ силу своихъ раскаленныхъ стрѣлъ, въ видѣ свѣтоносныхъ лучей; только эти шутки дорого обходятся тѣмъ изъ его почитателей, которые случайно подвертываются подъ божественную руку, играющую раскаленными стрѣлами!.. Мы были свидѣтелями нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ... Для огражденія себя отъ нихъ мы должны были покрывать верхи нашихъ будокъ брезентами, пропитанными охладительнымъ составомъ, — превосходнымъ изобрѣтеніемъ марситовъ, — и тотъ-же составъ, въ видѣ жидкостей въ особыхъ вазахъ, держать въ своихъ будкахъ...

И въ этихъ жаркихъ странахъ каллититы все тѣ-же — съ ихъ типомъ городовъ и домовъ и самихъ обитателей ихъ: тѣ-же повсюду крупныя и болѣе или менѣе красивыя фигуры; только лица здѣсь и руки совсѣмъ уже почти черныя; но опять тѣ-же библейскіе костюмы желтаго цвѣта, желтыя туфли и огромные желтые круги на такихъ-же молебняхъ...

Мы съ любопытствомъ наблюдали это поразительное однообразіе въ людяхъ и въ образѣ ихъ жизни, и пришли къ заключенію, что оно, это однообразіе, должно было выработаться, въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, изъ существовавшего когда-то разнообразія — путемъ безчисленныхъ пертурбацій: мы видимъ, безъ сомнѣнія, давно уже установившуюся и окрѣпшую повсемѣстно, своеобразную цивилизацію, не имѣющую уже, вѣроятно, будущаго: это ея зрѣлость, а можетъ быть и начало старости, за которою — одна могила... Это — Китай въ своемъ родѣ, даже нѣчто крѣпче Китая, если оно сумѣло объединить подъ своимъ знаменемъ все дневное полушаріе планеты!.. И оно, это нѣчто удивительно-сильное, умереть лишь съ послѣднимъ лучомъ своего бога, имѣющаго въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ стать въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ!..

Да, *кругъ и желтый цвѣтъ* стали немногосложными законами всей человѣческой жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ! Изумляющее оскорбленіе для человѣческаго достоинства!..

Здѣсь намъ удавалось видѣть каллититовъ работающими на своихъ нивахъ и путешествующими не только пѣшкомъ, но и... на ослахъ!.. Точь-въ-точь въ родѣ нашихъ южныхъ и восточныхъ народовъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ!.. Жизни общественной у нихъ не существуетъ, властей и духовенства — не замѣтно; вмѣсто всего этого — жизнь частная, заключенная въ городахъ и въ отдѣльныхъ домахъ и, вѣроятно, родовой бытъ, подъ главенствомъ старшихъ въ родѣ... Въ результатѣ — повсемѣстная республика, безсознательная, наивная, пропитанная насквозь культомъ Юпитера... Войны также нѣтъ, чему обязаны каллититы своей медлительно-спокойной физической природѣ...

Они не пользуются ни своими богатыми лѣсами, ни морями, — они мало требуютъ отъ флоры, фауны и ископаемаго царства своей планеты: намъ ни разу не приходилось видеть ихъ ни въ лѣсу, ни гдѣ-нибудь на водѣ... У нихъ, навѣрно, и представленія нѣтъ о мореплаваніи... Воды ихъ вѣчно пустынно и безжизненны, какъ то море, надъ которымъ мы пролетали, покидая гористыя страны!.. Они понимаютъ одну только идею — удалять препятствіе воды, мѣшающей нерѣдко сообщеніемъ между людьми; для этого они довольно умѣло строятъ мосты, хотя свайные и деревянные, пересекающіе во многихъ мѣстахъ тѣ

изъ рѣкъ, которыя не слишкомъ широки. Какъ они строятъ эти сооруженія, осталось для насъ секретомъ, такъ какъ мы нигдѣ не видали работъ подобнаго рода и не замѣтили ни одной ничтожной лодки на ихъ малыхъ и большихъ водахъ...

Есть-ли у нихъ письменность, литература, книги, бумага, искусство писать, печатать, и т. д.?.. Должно полагать, что есть, хотя литература, вѣроятно, состоитъ въ собраніи однихъ религіозно-поучительныхъ сочиненій, молитвъ и гимновъ, и далѣе этого не идетъ, а журналовъ и газетъ, можетъ быть, никогда и не существовало, такъ какъ ихъ вызываетъ исключительно общественная жизнь, а не частная, обособленная. Существуетъ-же все это у лунитовъ, съ которыми у нихъ огромное сходство въ образѣ жизни...

Да, въ образѣ жизни, но не въ способѣ обхожденія съ иностранцами! Какой, наоборотъ, громадный контрастъ въ этомъ послѣднемъ! Лунить видятъ божество въ своемъ ночномъ свѣтилѣ, но находятъ, что это не мѣшаетъ ему просто и по-человѣчески держать себя съ иноземцами; каллиститъ-же, боготворя своего Юпитера, видятъ въ людяхъ не похожихъ на себя, далекихъ отъ его склада жизни, однихъ лишь нечистыхъ созданий, съ которыми имѣтъ какое-нибудь дѣло — большой грѣхъ! Громадный контрастъ!..

VI.

Два полушарія Каллисто,— одно, вѣчно обращенное къ Юпитеру, другое, никогда не видящее его,— два особенные міра, ничѣмъ не похожіе другъ на друга... Перебраться съ одного на другое — все равно, что попасть съ одной планеты на другую!..

Въ этомъ мы осязательнымъ образомъ убѣдились, посѣтивъ наконецъ полушаріе Каллисто, незнающее Юпитера...

По мѣрѣ того, какъ мы покидали страны вѣчнаго желтаго дня, лучи огромнаго шара становились все косвеннѣе и косвеннѣе, и самый шаръ все глубже и глубже уходилъ за горизонтъ... Дѣлалось все темнѣе и холоднѣе, какъ бываетъ у насъ при закатѣ солнца... Наконецъ огромнаго шара совсѣмъ не стало видно, и мы очутились въ царствѣ самой темной ночи, освѣщаемой только далекими звѣздами...

Но что за страны, которыя мы увидѣли здѣсь!

Все было покрыто снѣгомъ на далекое разстояніе: онъ лежалъ на горахъ и на долинахъ, на моряхъ, на озерахъ и на рѣкахъ, повсюду скованныхъ льдами... Растительности нигдѣ никакой: ни кустика, ни деревца... Холодъ доходилъ до 40°, такъ что мы, заключившись въ нашихъ будкахъ, принуждены были согрѣваться печами...

Было ясно, что изъ царства вѣчнаго дня, теплоты и жизни мы перебрались въ царство вѣчной ночи, холода и смерти... Унылыя, печальныя и безотрадныя страны!..

Мы-бы очень скоро покинули ихъ, простившись навсегда съ Каллисто, но насъ интересовало здѣсь *Солнце*, которое въ непродолжительномъ времени должно было показаться на этомъ темномъ, непривѣтливомъ небѣ: неужели оно не дастъ *дня* этимъ печальнымъ странамъ?..

Двое нашихъ земныхъ сутокъ оставалось еще до его восхода; мы рѣшились дожидаться, спустившись на стоянку на небольшой равнинѣ, подъ защитою сосѣднихъ скалъ...

Погода была ясная; но по временамъ дулъ довольно сильный вѣтеръ, гудѣвшій въ горахъ и сметавшій съ ихъ боковъ глубокіе снѣга, которые бѣлою пылью носились по равнинѣ, въ родѣ пыли на нашихъ проѣзжихъ дорогахъ...

— Неужели здѣсь и *медвѣдей* нѣтъ?.. — предложилъ вопросъ одинъ изъ товарищей...

— Я думаю, что нѣтъ здѣсь и ихъ: чѣмъ-бы они питались?..

— Это правда... Такъ, значить, на этомъ полушаріи нѣтъ ни одного живого существа?..

— Ровно ни одного, кромѣ насъ восьми, явившихся сюда въ качествѣ гостей...

— И такъ *всегда* было здѣсь?..

— Надо полагать, что всегда...

— Необыкновенная участь этихъ планетъ, вынужденныхъ, силою притяженія къ главной планетѣ, обращаться вокругъ нея такъ, какъ обращается Каллисто: тогда какъ одно ея полушаріе, ничѣмъ не согрѣваемое, быстро остываетъ и заранѣе обрекается на смерть, другое, наоборотъ, медленно стынетъ, медленно покрывается корою и становится царствомъ вѣчнаго дня и вѣчной жизни! И все по милости главной планеты, къ которой оно всегда обращено, и которая громадное количество времени находится въ состояніи Солнца!..

— Да, странная участь!..

Мы расположили нашихъ птицъ въ одну линію, и отворивъ въ будкахъ переднія и заднія двери (за исключеніемъ двухъ крайнихъ птицъ, 1-й и 8-й, гдѣ было открыто по одной только двери), протянули деревянные *коридоры* между ними, устроенные для этой цѣли сообразительными марситами еще на Марсѣ, въ городѣ Пренми; эти коридоры были не что иное, какъ продолговатые ящики въ роста человѣка, *сквозные*, то-есть безъ двухъ противоположныхъ стѣнокъ, соотвѣтствующихъ дверямъ въ будкахъ, и изъ самага легкаго дерева. Такимъ образомъ изъ будокъ на птицахъ у насъ составилось нѣчто въ родѣ цѣлой квартиры, въ которой оказалось восемь стеклянныхъ комнатъ въ рядъ, сообщавшихся между собою деревянными проходами...

Въ такомъ видѣ наши птицы, если смотрѣтъ на нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, напоминали вагоны желѣзной дороги. Мы даже и летали иногда въ такомъ видѣ. Для этого нужно было только скрѣплять нижнія части птицъ желѣзными крюками и давать каждой изъ нихъ одинаковую степень въ скорости полета.

Мы зажгли электрическіе шары. Свѣтъ ихъ, сквозь стекла нашихъ будокъ, распространялся далеко вокругъ по равнинѣ, освѣщая большую часть ея... *Искусственный* свѣтъ, плодъ научныхъ знаній человѣка, одинъ изъ атрибутовъ цивилизаціи — въ этихъ странахъ, не знающихъ никогда иного свѣта, кромѣ скуднаго солнечнаго!.. Это насъ занимало, и мы дѣлали даже небольшія прогулки по равнинѣ, не смотря на сильный холодъ, и любовались издали нашими птицами, имѣвшими очень эффектный видъ; отъ холода-же служили намъ защитой гуттаперчевые костюмы, подъ которыми носили мы запасы теплаго сгущеннаго воздуха.

Наконецъ взошло Солнце... Но, Боже, что это за Солнце! Дискъ его вчетверо меньше серебрянаго пяточка!.. Мы нарочно погасили электричество, чтобы испытать впечатлѣніе, получаемое отъ этого естественнаго свѣта, и что-же?— получилось впечатлѣніе самага ранняго утра зимою, или передсумеречнаго времени, готоваго уже уступить мѣсто вечеру! Мы думали, что съ теченіемъ времени свѣтъ этотъ сколько-нибудь усилится; но Солнце поднималось выше, проходили часы за часами, а свѣтъ усилился только въ самой ничтожной степени, почти нечувствительной для глаза!..

Наконецъ этотъ свѣтъ нисколько не грѣлъ, хотя мы находились въ экваторіальномъ поясѣ темнаго полушарія...

Мы прогостили еще трое сутокъ въ этихъ печальныхъ странахъ, чтобы побольше провести здѣсь времени и *днемъ*, какъ проводили его ночью. Сутки здѣсь, какъ и на юпитеровскомъ полушаріи, состоятъ изъ 16 нашихъ сутокъ, но распадаются на день и ночь,

по 8 сутокъ въ каждомъ: ночь совсѣмъ темна, день — немногимъ свѣтлѣе; въ пасмурную-же погоду, когда разыграется снѣжная метель, это не день, а сумерки, дляшіяся 8 нашихъ дней и ночей...

Мы пролетѣли надъ многими странами темнаго полушарія Каллисто, и вездѣ видѣли одно и то-же: горы, скалы, ущелья, пропасти, равнины и долины, покрытыя саваномъ смерти — снѣгами и льдами... Изъ живого начала уцѣлѣли здѣсь только воздухъ и вода; но послѣдняя можетъ существовать здѣсь только въ видѣ снѣга или льда: Солнце, по громадной отдаленности своей отсюда, не въ состояніи ничего болѣе дать этимъ странамъ, кромѣ скуднаго свѣта, потерявшаго даже способность согрѣвать...

Такова планета Каллисто!

Разстояніе ея отъ Солнца — 800.426,000 верстъ, слѣдовательно — почти въ $3\frac{1}{2}$ раза дальше Марса и почти въ $6\frac{1}{2}$ разъ дальше Земли. Разстояніе громадное!.. Величина — средняя между Марсомъ и Меркуріемъ. Всѣхъ предметовъ — немного менѣе вѣса на Лунѣ. Два рода годовъ — юпитеровскій и солнечный. Первый, какъ уже извѣстно читателямъ, состоитъ изъ вѣчнаго дня, заключающаго въ себе 16 земныхъ сутокъ, то-есть — періодъ обращенія планеты вокругъ Юпитера и, одновременно, на своей оси; годъ этого рода можетъ быть болѣе всего обязательнымъ на свѣтломъ полушаріи. Солнечный годъ неизмѣримо великъ, и о немъ мы будемъ еще имѣть случая говорить.

На свѣтломъ полушаріи бывають частыя затменія Юпитера другими его тремя спутниками; но они почти нечувствительны, такъ какъ ихъ диски на небѣ далеко не превосходятъ, каждый, диска полной Луны, тогда какъ дискъ Юпитера въ 76 разъ больше луннаго. Вращаясь вокругъ Юпитера еще быстрее, чѣмъ Каллисто, они появляются разновременно на ея небѣ, слабо вырисовываясь на немъ маленькими блѣдножелтыми шарами, еще менее замѣтными, чѣмъ скромный шаръ Солнца...

VII.

Простившись съ Каллисто, мы полетели къ *Ганимеду*, второму спутнику Юпитера по отдаленности своей отъ него, и первому — по величинѣ между его спутниками.

У Юпитера ихъ четыре: *Каллисто*, *Ганимедъ*, *Европа* и *Іо*. Въ такомъ порядкѣ они приближаются къ нему; а вотъ ихъ порядокъ *по величинѣ*: Ганимедъ, Каллисто, Іо и Европа. Великою своей всѣ они превосходятъ Луну, являясь только 2-й, 3-й и 4-й, немногимъ меньше Меркурія, а Ганимедъ даже больше Меркурія, занимая средину между нимъ и Марсомъ.

Мы попали на темное полушаріе Ганимеда: и на немъ, какъ на Каллисто, два полушарія — свѣтлое и темное, потому что и онъ совершаетъ такое-же вращеніе вокругъ Юпитера, какъ Каллисто, то-есть показывая всегда ему одну и ту-же сторону. Періодъ этого вращенія — семь сутокъ (земныхъ), стало-быть по $3\frac{1}{2}$ сутокъ на день и ночь. 1.088,000 верстъ отдѣляютъ его отъ Юпитера, значить на 826,000 верстъ онъ ближе къ нему, чѣмъ Каллисто.

На темномъ полушаріи Ганимеда былъ тогда трехсуточный день, то-есть Солнце находилось на его небѣ; но погода была облачная, и Солнца нельзя было видѣть. Зато мы увидѣли, что Ганимедъ здѣсь ничѣмъ не отличается отъ Каллисто: то-же царство вѣчной зимы, тѣ-же ландшафты, покрытые снѣгами и льдами, и тотъ-же жестомъ холодъ доходящей до 40° ... Но мы опять, какъ на Каллисто, выбрали небольшое ровное мѣсто и расположили на немъ своихъ птицъ въ одну линію, соединивъ ихъ коридорами и освѣтивъ неизменными электрическими шарами...

Между нами возникъ споръ: сколько оставаться намъ на этомъ полушаріи?..

— Чего мы хотимъ отъ этого царства смерти?..— спросилъ одинъ изъ насъ.

— Намъ слѣдуетъ увидѣть здѣсь Солнце!

— Но если целый мѣсяцъ нельзя будетъ его видѣть по милости этакой погоды?..

— Подождемъ сутки, то-есть 24 часа, и если погода не разъяснится, не станемъ болѣе ждать...

— Да стоитъ-ли видѣть Солнце, когда оно здѣсь должно быть почти такое-же, какъ на темномъ полушаріи Каллисто?..

— Нѣтъ, *меньше* еще, чѣмъ тамъ, потому что мы здѣсь еще на 826,000 верстъ удалились отъ него...

— Господа,— сказалъ я,— я вамъ предлагаю сойтись на *половинѣ*: если черезъ 12 часовъ небо не освободится отъ этихъ тяжелыхъ снѣжныхъ тучъ, и мы не увидимъ Солнца,— мы летимъ тогда на свѣтлое полушаре...

— Хорошо, пусть будетъ такъ! Черезъ 12 часовъ!

Прошелъ условленный срокъ, но погода не разгулялась, мы полетѣли на свѣтлое полушаріе Ганимеда. Въ дорогѣ намъ показалось наконецъ Солнце: на темномъ небѣ самага страннаго, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, мы увидѣли маленькій золотой кружокъ, почти такой-же, какъ на небѣ Каллисто... И свѣтъ отъ него получался такой-же, то-есть передсумеречный, или свѣтъ дня, не успѣвшего еще вполнѣ освободиться отъ передутренней полутьмы...

Тепла также не давалъ никакого этотъ чахлый, словно умирающій, солнечный свѣтъ...

По мѣрѣ приближенія нашего къ свѣтлому полушарію, свѣтъ все увеличивался и увеличивался, дѣлаясь желтымъ, а снѣжные ландшафты все болѣе освобождались отъ своихъ снѣговъ, показывая уже намъ свою почву, мѣстами покрытую даже растительностью голубого цвѣта. Мы пролетали, такъ сказать, переходную область между двумя полушаріями,— область весны: холода уже не было,— его замѣнила теплота, доходящая до 8°, 10° и 12°... Но источника этой теплоты все еще не было видно...

Но вотъ сталъ показываться, изъ-за горизонта, и онъ, этотъ источникъ: мы увидѣли сперва четверть, а потомъ половину огромнаго шара, еще болѣе желтаго, чѣмъ тамъ, на Каллисто, причемъ теплота сразу повысилась до 20°... Появились уже кустарники и небольшія деревья почти синяго цвѣта, господствующаго на Каллисто... Наконецъ показался и весь шаръ темножелтаго цвѣта, и теплота дошла до 30°...

Мы опустились на одну долину, чтобы принять необходимыя мѣры противъ возраставшаго жара: покрыть верхи будокъ брезентами и приготовить охлаждаемый составъ. Исполнивъ это, мы полетѣли дальше, и въ короткое время увидѣли себя въ царствѣ настоящаго вѣчнаго дня: въ зеленомъ небѣ, почти надъ нашими головами, сіялъ огромный темножелтый шаръ, *болѣе чѣмъ въ три раза болѣе* того, который мы видѣли на Каллисто, или въ 250 разъ больше полной Луны... Да, 250 Лунъ требовалось, чтобы получилась подлинная величина этого шара на нашемъ небѣ!..

Какъ и на свѣтломъ полушаріи предыдущей планеты, онъ тутъ пребываетъ безотлучно, но быстрее циркулируетъ отъ горизонта къ горизонту, такъ какъ орбита Ганимеда, по которой онъ движется, короче. Солнце-же появляется черезъ каждыя $3\frac{1}{2}$ сутокъ, оставаясь столько-же сутокъ на небѣ; но свѣтъ его такъ слабъ и величина такъ незначительна, что невольно спрашиваешь себя, то-ли это Солнце, которое такъ могуче и такъ *необходимо* на другихъ планетахъ...

Въ скоромъ времени жаръ достигъ до 40°, а потомъ и до 50°... Все было покрыто ярко-желтымъ свѣтомъ, и даже самыя тѣни, бросаемаыя различными предметами, были какія-то темно-желтоватыя!.. Синяя роскошная растительность, до того густо-синяя, что скорѣе можно было назвать ее сизою, съ такими-же странными формами, какъ на Каллисто, мѣстами казалась завядшею, а травы кое-гдѣ совсѣмъ были выжжены... По всему замѣтно было, что долго не выпадало дождя...

— Удивительная вещь,— замѣтилъ одинъ изъ насъ:— 826,000 верстъ отдѣляютъ Ганимеда отъ Каллисто, а между тѣмъ флора его — та-же флора Каллисто; наши-же спутники, Фобосъ и Деймосъ, отстоятъ другъ отъ друга всего на 13,500 верстъ, но какая поразительная разниа между ихъ флорами! Даже цвѣтъ неба у нихъ различенъ! Чѣмъ это объяснить?..

— Мнѣ кажется, однимъ только,— предложилъ я свое объясненіе загадки:— Деймосъ, должно полагать, не родное дитя Марса, а пріемное: между Марсомъ и Юпитеромъ многое множество циркулируетъ самыхъ мелкихъ планетъ, изъ которыхъ инныя заходятъ даже за его орбиту, подвергаясь разнымъ пертурбаціямъ въ своемъ вращеніи вокругъ Солнца; вѣроятно, одна изъ такихъ планетокъ такъ далеко зашла, что подпала притяженію Марса и превратилась въ его спутника...

— Да, это весьма возможно!— согласились со мною.— Иначе нечѣмъ объяснить, почему Марсъ и Фобосъ — одно и то-же, а Деймосъ — почти ничѣмъ не похожъ на нихъ...

— Итакъ, Ганимедъ и Каллисто — родные братъ и сестра, а отецъ ихъ — этотъ исполинскій желтый шаръ, который, кажется, хочетъ зажарить насъ своею щедрой теплотою; но это плохо удастся ему, такъ какъ наши брезенты и охлаждательные составы дѣйствуютъ превосходно!..

— Да, мы не можемъ пожаловаться на нихъ!

— Но посмотрите: вотъ, кажется, и сыны Ганимеда, «вѣнецъ творенія» его органической природы!..

На одной обширной равнинѣ паслись многочисленныя стада овецъ и козъ, чрезвычайно крупной породы и, большей частью, нѣжнѣйшей бѣлой шерсти; меньшая часть, въ особенности козы, были красношерстныя. Стада оберегали рослые люди темно-оливковаго цвѣта, съ довольно безобразными лицами, обросшими кругомъ черными курчавыми волосами, весьма короткими на головахъ и бородахъ. Безобразіе состояло въ непомѣрно-широкихъ ртахъ, далеко выдающихся скулахъ и круглыхъ носахъ, въ форме картофелинъ. Они были безъ всякой одежды: козыи шкуры съ красной шерстью покрывали только ихъ станы, и изъ тѣхъ-же шкуръ сидѣли на ихъ головахъ высокія конусообразныя шапки... Вооружены они были толстыми палками и собаками, мирно лежавшими въ разныхъ пунктахъ по окраинамъ стадъ...

— Что вы думаете объ этомъ явленіи?..— предложилъ вопросъ одинъ изъ насъ.

— А вы?..— отвѣтили ему.

— Я нахожу, что эти сыны Ганимеда, къ несчастью, не интересны...

— Пастушеская раса,— замѣтилъ кто-то.

— Но гдѣ-же ихъ жилища?.. Я не вижу ничего кругомъ, кромѣ собакъ!..

— Гдѣ-нибудь вдали!

И, дѣйствительно, скоро мы увидѣли и жилища: на той-же равнинѣ, подъ защитою сосѣднихъ, обнаженныхъ и совсѣмъ выжженныхъ Юпитеромъ скалъ, устроены были четырехугольные шалаши изъ кольевъ и тѣхъ-же красныхъ козыхъ мѣховъ... Шалаши, числомъ восемь, были закрыты со всѣхъ сторонъ, изъ чего можно было заключить, что ихъ

владѣльцы — тѣ-же пастухи; у каждаго также мирно покоились собаки, по двѣ и по три вмѣстѣ...

— Собаки у нихъ хорошо дрессированы,— замѣтилъ я.— Посмотрите, какъ онѣ точно держатся тѣхъ постовъ, которые имъ назначены!

— Да, очень даже точно и неуклонно!

Одинъ товарищъ шутливо спросилъ:

— Что-же, господа, не будемъ знакомиться лично съ этими почтенными владѣльцами стадъ?..

— Сначала надо познакомиться съ ихъ слугами, которые едва-ли будутъ милостивы къ намъ...

Между тѣмъ владѣльцы стадъ замѣтили насъ, и сперва крайнее изумленіе, а потомъ ужасъ изобразились на ихъ грубыхъ, тупыхъ фізіономіяхъ... Они сбѣжались другъ къ другу и, образовавъ группу въ 11 —12 человѣкъ, принялись усердно смотрѣть на насъ, толкая одинъ другого локтями и дѣлая замѣчаніями, о чемъ говорили ихъ движущаяся толстая губы... Ихъ «слуги», принявъ участіе въ тревогѣ хозяевъ, тоже увидѣли насъ, и поджавъ хвосты, подняли пронзительный вой: они, подобно хозяевамъ, также и изумились, и оробѣли!..

И мы, чтобы не нарушать болѣе мирнаго теченія жизни этихъ, вѣроятно, добрыхъ людей, поспѣшили скрыться изъ вида ихъ...

VIII.

Хотя Ганимедъ не въ 24 часа совершаетъ обращеніе на своей оси, а въ 7 сутокъ и 2 часа, что составляетъ ровно 170 часовъ, но такъ какъ онъ это-же количество времени употребляетъ и на обращеніе вокругъ Юпитера на разстояніи отъ него въ 1.088,000 верстъ, то оказывается, что онъ, въ сущности, очень быстро движется. Это можно замѣтить и по *кажущемуся* быстрому движенію Юпитера на его небѣ, и по довольно скорымъ движеніямъ ганимедянъ, не похожихъ и въ этомъ отношеніи на каллиститовъ.

Мы полетѣли на югъ, въ экваторіальныя страны. Вездѣ подъ собою мы видѣли роскошныя, дивныя пейзажи, самую прихотливую смѣсь суровыхъ горныхъ мѣстностей съ ласкающими взоръ мирными долинами, орошенными рѣками, рѣчками и озерами и украшенными богатѣйшею и роскошнѣйшею растительностью. Намъ попадались громадныя стаи водяныхъ птицъ, въ родѣ гусей и утокъ, бѣлыхъ, черныхъ и совершенно желтыхъ; они пугались то насъ, подобно людямъ, то небольшихъ животныхъ, похожихъ на лисицъ, ихъ, вѣроятно, враговъ и истребителей; въ обоихъ случаяхъ они шумно поднимались съ воды и съ разнообразными криками улетали прочь...

На пастбищахъ мы опять замѣчали такихъ-же людей, съ ихъ стадами овецъ и козъ, съ собаками и съ шалашами гдѣ-нибудь вдали, подъ какою-нибудь естественною защитой. Увидѣвъ насъ, они опять изумлялись и страшились, оживленно толкуя другъ съ другомъ...

Что они толковали о насъ?.. Къ какому разряду существъ относили насъ вмѣстѣ съ нашими птицами?..

Но вотъ и экваторіальныя или тропическія страны... Жаръ доходилъ до 55° и до 60°... Ужасно! У меня въ будкѣ лопнуло одно изъ боковыхъ стеколъ, *земное* стекло, нужно замѣтить! (У марситовъ, какъ я уже говорилъ, стекла дѣлаются изъ иного состава)... На Каллисто такого жара не было нигдѣ! Но сизая исполинская растительность, въ видѣ лѣсовъ, бодро выносила этотъ жаръ, *органически*, вѣроятно, привыкнувъ къ нему, и только

высокія травы мѣстами завяли, а мѣстами и совсѣмъ были выжжены неумолимыми лучами могучаго темножелтаго шара...

Въ этихъ странахъ, на пастбищахъ, стали попадаться намъ инья стада, а именно — состояція изъ лошадей и ословъ; лошади были полосатой шерсти, похожія на нашихъ зебръ, а ослы — пестрой, напоминающей тигровую шерсть... Мы забавлялись этимъ сходствомъ цвѣтовъ и контрастомъ натуръ: осель въ тигровой кожѣ!.. Какая наивная иронія творящей природы!..

Владѣльцы этихъ стадъ, такіе-же рослые и безобразные, и совсѣмъ уже черные, были почти наги: при началѣ ногъ у нихъ болтались только широкіе завянувшіе листья какого-то растенія, а головы защищались нѣкоторымъ подобіемъ шапокъ изъ лошадиныхъ и ослиныхъ шкуръ... За то они разѣзжали верхомъ на своихъ животныхъ, зорко наблюдая за стадами, и въ такомъ *верховомъ* положеніи мы замѣтили и женщинъ...

Ихъ также сопровождали собаки, а шалаши у нихъ были круглые, сложенные изъ древесныхъ сучьевъ и вѣтвей, и только входы ихъ закрывались кожами животныхъ... До кожаныхъ шалашей они, вѣроятно, или не додумались еще, или, можетъ быть, жилища въ этомъ родѣ не *по климату* имъ...

«Гдѣ-же *болѣе культурные* обитатели Ганимеда?..» спрашивали мы себя, встрѣчая, въ своихъ полетахъ, все стада и стада разныхъ животныхъ, пасомыя почти нагими, черными людьми...

Мы видѣли также множество громаднхъ дикихъ животныхъ, мирныхъ и воинственныхъ, въ родѣ слоновъ, носороговъ, тигровъ и львовъ, но нигдѣ иной человѣческой культуры, кромѣ пастушеской, не встрѣтили... Обширныя поля дикорастущихъ хлѣбныхъ злаковъ, какъ напр., пшеницы, маиса, риса и т. п., оставались нетронутыми рукою челоѣка, привыкшаго питаться лишь мясомъ да молочнымъ продуктомъ пасомыхъ имъ животныхъ...

Мы наконецъ, проникли и въ умѣренныя страны сѣвернаго полушарія (начавъ наше путешествіе съ южнаго), но и тамъ не нашли ничего болѣе, кроме пастуховъ съ ихъ болѣе или менѣе многочисленными стадами разныхъ животныхъ...

Итакъ, что-же такое Ганимедъ?— спросилъ одинъ изъ насъ...

— Прекрасная планета,— если считать одно только ея полушаріе,— богато одаренная природою, но... населенная исключительно *пастушескою* расою людей...

— И неужели нигдѣ нѣтъ здѣсь иныхъ людей?..

— Какъ видите!..

— А любопытно — скоро-ли эти люди выйдутъ изъ своего пастушескаго состоянія?.. И какую форму приметъ ихъ новый бытъ?.. Не превратятся-ли они, подобно каллиститамъ, въ ярыхъ почитателей своего Юпитера?..

— Весьма возможно... Впрочемъ, такъ какъ натура ихъ гораздо живѣе и, стало быть, страстнѣе, то едва-ли юпитеризмъ прочно привьется къ нимъ...

— А какая тутъ богатая пища для него! Вѣдь этотъ шаръ *втрое съ лишнимъ* больше того, и какъ онъ, поэтому, долженъ въ высшей степени неотразимо дѣйствовать на человѣческое воображеніе! Какія исполинскія *башни* можно здѣсь воздвигать въ честь его, и какіе громадныя *желтые круги* утверждать на ихъ вершинахъ! Я увѣренъ, что эти пастухи и ихъ жены уже и теперь поклоняются и молятся своему могучему свѣтилу, хотя и не думаютъ еще ни о башняхъ, ни о кругахъ!..

— Весьма возможно и это!..

И мы стали готовиться къ дальнѣйшимъ нашимъ путешествіямъ. На прощанье съ Ганимедомъ собралась гроза и разразилась страшными молніями и ударами грома съ такимъ проливнымъ дождемъ, какого мы давно уже не видали. Это случилось подъ 43° сѣверной широты. Гроза свирѣпствовала около двухъ часовъ, окутавъ все кругомъ такимъ мракомъ, какой былъ-бы впору и любой темной ночи въ странѣ, знающей эту часть сутокъ... Стоя подъ защитою небольшой горы, мы все-таки нашли брезенты сильно взмокшими, и должны были еще около часу ожидать ихъ просушки... Зато мы были вознаграждены живительною прохладою, которой давно-давно не знали!

IX.

Мы посѣтили двухъ другихъ спутниковъ Юпитера, *Европу* и *Іо*. Это два самые близые къ нему: Европа отстоитъ отъ него на 680,000 верстъ, *Іо* — на 471,000; первая обращается вокругъ него въ 3 сутокъ и 13 часовъ, вторая употребляетъ на это 1 сутки и 16 часовъ. Обращаясь вокругъ Юпитера, онѣ въ то-же время и движутся на своихъ осяхъ, показывая Юпитеру всегда одну сторону, какъ Каллисто и Ганимедъ. Меньшая между ними — Европа; но обѣ, какъ и первые два спутника, превосходятъ величиною Луну.

Да, мы посѣтили и этихъ двухъ спутниковъ Юпитера, ближайшихъ къ нему, но — увы! — нашли на нихъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ, проявленія органической жизни!..

Темныя ихъ полушарія, не видящія никогда Юпитера, необитаемы по той-же причинѣ, по какой необитаемы такія-же полушарія Каллисто и Ганимеда... Это, какъ и тамъ, царства вѣчной зимы и вѣчнаго полумрака или полного мрака, когда появляется или исчезаетъ Солнце: на Европѣ оно свѣтитъ, въ каждое свое появленіе, 1 сутки и 19 часовъ, на *Іо* — 20 часовъ... Но этотъ свѣтъ — почти уже сумеречный и не даетъ ни малѣйшей теплоты, а самое Солнце еще меньшимъ кружкомъ является на ихъ небѣ, чѣмъ на небѣ первыхъ двухъ спутниковъ...

Свѣтлыя ихъ полушарія необитаемы, наоборотъ, по причинѣ страшнаго жара, посылаемаго Юпитеромъ: на Европѣ онъ является громаднымъ шаромъ, который въ 600 разъ больше полной Луны, и зной, распространяемый имъ, доходитъ до 95°, никогда не нисходя ниже 80°; на *Іо* онъ является еще громаднѣе, — въ 1,400 разъ больше Луны, и жжетъ совершенно адскимъ огнемъ, доходящимъ до 120° и никогда не бывающимъ меньше 95°!..

Понятно, что въ такой страшно-высокой температурѣ невозможно существованіе никакого органическаго тѣла...

Мы пролетѣли всѣ поясы свѣтлыхъ полушарій на Европѣ и *Іо*, нигдѣ не рискуя опуститься на почву, потому что это было-бы безуміемъ, — и вездѣ мы видѣли печальныя картины: горы и равнины, возвышенныя и низменныя мѣста, палимыя ужаснымъ зноемъ и лишеныя всякой флоры и фауны и малѣйшихъ водовмѣстилищъ: вода можетъ существовать только въ видѣ паровъ, образующихъ облака... Когда она падаетъ дождемъ, что случается рѣдко, происходитъ явленіе, замѣчаемое при паденіи воды на раскаленную плиту: вода шипитъ отъ раскаленной почвы и повсемѣстно, покрывая ее парами, улетаетъ снова, въ видѣ ихъ, вверхъ, къ облакамъ... Несчастная почва! Она вѣчно, какъ Танталъ, жаждетъ освѣженія, но влага, прикасаясь къ ней, не даетъ ей, ни на минуту, ни малѣйшаго освѣженія!..

Мы должны были *вчетверо* усилить наши охладительные составы, пропитывая ими брезенты и освѣжая будки, чтобы не задохнуться въ этой адской температурѣ, и ускорить до послѣдней степени полетъ нашихъ птицъ... И все-таки, сидя въ тщательно закрытыхъ и освѣженныхъ будкахъ, мы должны были терпѣть зной въ 30°!..

Областью, годною для органической жизни на этих двух планетах, являются одни только промежуточные страны между двумя их полушариями. Тут постоянны два времени года: в странах, смежных с темным полушарием, — постоянное царство весны, в странах, близких к светлomu полушарию — господствует постоянное лето. Страны с весною видят на горизонте своем только четверть громадного раскаленного шара, и то — в полдень; но уже и этого достаточно, чтобы дни щедро были освещаемы, и тепло доходило до 20°; в странах же с летом Юпитер выдвигается из-за горизонта, в полуденное время, до половины уже, ярко, вполне по-летнему, освещая все кругом и нередко возвышая температуру до 35°...

Весьма странное это явление — освещение сбоку, косвенными лучами: тени от предметов всегда длинны и жидки, почти прозрачны!.. Но зато какое светило посылает эти косвенные лучи: в одной четверти его, или в половине, может поместиться многое множество тех маленьких солнечных кружков, один из которых так скудно освещает темные подшария Европы и Io!..

Но эти весенние и летние полосы двух планет очень узки: на Европу ширина их не более 100 верст, на Io — доходит до 120; зато в длину они простираются от полюса до полюса. Они снабжены довольно обильною растительностью и разными породами животных, и щедро орошены водою, в виде рек, озер и морей, но существ человеческой породы мы не нашли на них.

Растительность их отличается тем же цветом и теми же оригинальными формами, которые свойственны Каллисто и Ганимеду. В весенних странах она голубая, в летних принимает синий и даже темносиний цвет.

С каким наслаждением мы отдыхали на стоянках в этих промежуточных странах обих планет, утомленные видами то вечных снегов и льдов, то вечного адского зноя, все сжигающего, не дающего также, подобно холоду, никакой жизни!..

Я помню одну из таких стоянок... Это было на Io, самом близком спутнике громадной планеты...

Летний день только-что начинался, и Юпитер еще не восходил; но было уже совсем видно, и звезды давно погасли на зеленом небе, потому что громадный шар был уже близок... И вот протянулась сначала длинная желто-розовая полоса на западном горизонте; она постепенно укорачивалась и расширялась, образуя сияние вокруг невидимого еще шара, но готового уже ежеминутно показаться... И наконец показалась верхушка этого шара, темно-желтого, исполинского, — и все как-бы пришло в движение, всему вдруг сообщилась деятельность: птицы запели, насекомые затрепали, воды сверкнули желтыми искрами, леса и луга словно помолодели...

С часами шар все рос и рос, выдвигаясь из-за горизонта и направляясь к северу, хотя мы знали, что он не покажется нам весь, а только на половину; но и того было достаточно, и даже слишком, чтобы дать стране прекрасный летний день, яркий, благоухающий и с теплотою в 27°!.. Правда, странно было видеть, что светило остается как-бы прикованным к горизонту, посылая только косвенные, боковые лучи; но лучи его были так могучи, и наконец, все это дышало такою оригинальною прелестью, — картина этого дня со всеми его деталями, — что мы восхищались им, как дити!

В полдень шар выдвинулся до половины своей величины; но в этой половине могло поместиться 700 полных Лун!.. После полудня он стал убывать, уходя за горизонт и подвигаясь к востоку; наконец, через 9 часов, закатился, но еще долго,

болѣ часу, свѣтили его послѣдніе лучи въ воздухѣ, пока не погасли окончательно, уступивъ мѣсто сумеркамъ...

Мы находились почти на экваторѣ, гдѣ, какъ извѣстно, царство постоянного равенства: послѣ 20 часовъ дня наступала ночь такой-же продолжительности (на Іо сутки равняются 1 нашимъ суткамъ и 16 часамъ, что все вмѣстѣ составляетъ 40 часовъ)... И вдругъ мы увидѣли, на восточной сторонѣ неба, маленькій шаръ, величиною съ мелкую горошину; онъ свѣтилъ самымъ жидкимъ свѣтомъ, не сильнѣе свѣта Луны въ первой или въ послѣдней четверти... Это было Солнце!..

Да, это было Солнце, игравшее здѣсь роль *ночного* свѣтила! Мы долго дивились такой противоположности, существующей здѣсь, въ царствѣ Юпитера, наперекоръ всѣмъ нашимъ понятіямъ и представленіямъ о днѣ и ночи, о дневномъ и ночномъ свѣтилѣ!..

И въ продолженіе новыхъ 20 часовъ, это Солнце скромно освѣщало нашу ночь, и зашло наконецъ на своемъ обычномъ мѣстѣ — на западѣ!..

Такъ, благодаря громадному отдаленно отъ центра нашего солнечнаго міра, измѣняются рѣзко, кореннымъ образомъ, наши понятія и представленія, казавшіяся до тѣхъ поръ самыми естественными и вполне нормальными!..

Х.

Итакъ, Юпитеръ недоступенъ: онъ Солнце, онъ имѣетъ при себѣ *четыре* міра, изъ которыхъ каждый больше нашей Луны, а одинъ изъ нихъ даже превосходитъ величиною Меркурія! Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не сообщилъ моимъ читателямъ необходимыхъ астрономическихъ свѣдѣній о немъ.

Это самое огромное тѣло между 8 тѣлами, которыя обращаются вокругъ Солнца: онъ въ 1,230 разъ больше Земли, т.-е. 1,230 такихъ шаровъ, какъ Земля, нужно соединить вмѣстѣ, чтобы составить Юпитера! Разстояніе его отъ Солнца — 802,340,000 верстъ, значитъ — онъ почти въ 5 разъ отдаленнѣе нашей планеты отъ Солнца; путь-же свой вокругъ него онъ совершаетъ въ 12 лѣтъ, т.-е. одинъ его годъ равняется 12-ти земнымъ годамъ... Такимъ образомъ, если бы на Юпитерѣ были обитатели, то ребенокъ, проживши на немъ 1 годъ, равнялся-бы 12-лѣтнему мальчику на Землѣ, а 12-лѣтній мальчикъ на Юпитерѣ — это былъ-бы нашъ старикъ 144 лѣтъ... Какіе громадныя контрасты получаются отъ подобныхъ простыхъ сравненій!..

Эта исполинская планета-Солнце вращается на своей оси неимоვნно-быстро, а именно — въ продолженіе 10 часовъ, или, точнѣе — въ 9 часовъ 55 минутъ и 4 секунды; значитъ, юпитеровскія сутки болѣе чѣмъ вдвое короче земныхъ, т.-е. Юпитеръ, будучи въ 1,230 разъ больше Земли, болѣе чѣмъ въ 2 раза быстрѣе ея движется на своей оси. Итакъ, если Земля, вращаясь на своей оси, дѣлаетъ 216 сажень въ 1 секунду, то Юпитеръ дѣлаетъ болѣе чѣмъ 216X2, то-есть — почти 500 сажень или 1 версту въ 1 секунду... Ужасающая быстрота!

Юпитеровскій календарь, въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, необыкновененъ: въ году 10,455 сутокъ, или, какъ мы привыкли выражаться, *дней* (игнорируя ночи), а въ суткахъ, приблизительно, по 10 часовъ, то-есть — изъ 5 часовъ состоитъ день, и изъ 5 часовъ ночь... Оказывается, что годъ неимоვნно дологъ, тогда какъ день и ночь весьма коротки!

Получается впечатлѣніе двухъ крайностей: необычайной растянутости года, въ которомъ, напримѣръ, весна, лѣто, и проч., длятся по 3 года земныхъ (!), и слишкомъ частой смѣняемости дня и ночи: краткость дня напоминаетъ зимнюю краткость нашихъ дней,

тогда какъ ничтожная продолжительность ночи похожа на такую-же продолжительность нашихъ лѣтнихъ ночей...

Особенность или необычайность такого года усиливается еще тѣмъ, что наклоненіе оси Юпитера къ его орбитѣ (пути вокругъ Солнца) такъ незначительно, что можно назвать его почти перпендикулярнымъ. Вслѣдствіе этого, Солнце можетъ одновременно освѣщать всѣ пункты на томъ или другомъ полушаріи (за исключеніемъ полюсовъ), и на Юпитерѣ, такимъ образомъ, могутъ существовать только два времени года — весна и лѣто: весна — въ періодъ наибольшаго отдаленія его отъ Солнца, лѣто, наоборотъ, въ періодъ наибольшаго приближенія къ нему.

Но Юпитеръ въ настоящее время самъ Солнце, и поэтому въ постороннемъ свѣтѣ и теплотѣ не нуждается: онъ самъ освѣщаетъ и согрѣваетъ четыре планеты, которыя вращаются вокругъ него, и въ такомъ состояніи онъ будетъ находиться долго еще, пока не покроется корою, пока не образуются на немъ суша, вода и воздухъ, необходимые для органической жизни; а когда наступитъ такая эпоха на немъ, окажется, что то Солнце, вокругъ котораго онъ обращается съ 4 спутниками своими, не въ силахъ, по крайней отдаленности отъ него, ни освѣщать, ни согрѣвать его...

Что тогда будетъ съ Юпитеромъ?..

То-же, что происходитъ теперь съ темными полушаріями его 4 спутниковъ... Эта громадная планета — увы! — не призвана создать на своей поверхности ни малѣйшей органической жизни, также какъ не призваны къ этому и тѣ три еще болѣе удаленные отъ Солнца міра, которые мы посѣтили потомъ! Переставъ быть Солнцемъ, Юпитеръ покроется корою, на поверхности которой, за неимѣніемъ свѣта и теплоты, водворятся вѣчные мракъ и холодъ, — вѣчное царство зимы или смерти!..

И невѣрны, поэтому, разсужденія иныхъ мыслителей, пытающихся убѣдить своихъ читателей, что природа такъ могуча, что и среди холода и самаго скуднаго сумеречнаго свѣта, посылаемаго Солнцемъ — горошиной, способна создать какія-то особенныя органическія тѣла, которыя довольствоваться будутъ вѣчнымъ холодомъ и вѣчнымъ сумеречнымъ свѣтомъ; другими словами, что и въ царствѣ снѣговъ и льдовъ способны возникнуть и флора, и фауна какого-то особеннаго устройства, не нуждающагося ни въ свѣтѣ, ни въ теплотѣ!..

Нѣтъ, кажется, ничего наивнѣе подобныхъ разсужденій, подобной вѣры во всемогущество природы; они казались-бы достойными нѣкотораго вниманія въ томъ лишь случаѣ, если-бы намъ, жителямъ Земли, не были извѣстны ни мракъ, ни холодъ, если-бы на нашей планетѣ было постоянное, непрерывное царство свѣта и теплоты, и притомъ — *повсеместное* царство... Къ несчастью, мы по опыту знаемъ, что такое мракъ и холодъ, и имѣемъ достаточно основаній полагать, что *законы природы* вездѣ одинаковы, будь это на Меркурій, на Землѣ, или на самой далекой отъ Солнца планетѣ — Нептунѣ... Вездѣ холодъ остается холодомъ и мракъ мракомъ, и повсюду изъ нуля ничего нельзя создать, кромѣ нуля... Истина въ томъ, что далеко не всѣ законы природы намъ извѣстны, а не въ томъ, что нѣкоторые законы ея, ставшіе намъ извѣстными, необязательны будто-бы на всемъ протяженіи ея безконечнаго царства...

ЦАРСТВО БОГА СУДЬБЫ.

атурнъ, къ которому предположили мы летѣть послѣ знакомства съ Юпитеромъ и его спутниками, имѣеть также спутниковъ, подобно этой величайшей изъ планетъ солпечной системы. У него ихъ восемь: *Мимасъ, Энцеладъ, Тетида, Діона, Рея, Титанъ, Гипергонъ* и *Япетъ*. Ближайшій къ Сатурну — Мимасъ, самый отдаленный отъ него — Япетъ. Мы предположили прежде всего познакомиться съ первымъ, чтобы сдѣлать съ него нѣкоторыя наблюденія надъ Сатурномъ. Летѣть прямо къ Сатурну мы не рѣшались. Насъ останавливали вопросы: что такое Сатурнъ?.. Можетъ быть, онъ такое же Солнце, какъ Юпитеръ?.. И можетъ быть, поэтому, къ нему также, какъ къ Юпитеру, невозможно прямо направиться?..

Восемь спутниковъ! Это цѣлая *система*, своя собственная, какъ у Солнца, у котораго тоже восемь планетъ, обращающихся вокругъ него! Кромѣ того, Сатурнъ окруженъ еще *кольцомъ*, чего нѣтъ ни у одной планеты!.. И мы начали нашъ перелетъ къ Мимасу...

На разстояніи 151,500 верстъ Мимасъ обращается вокругъ Сатурна: это почти въ 2½ раза ближе Луны отъ Земли. Мы опустились на почву этой планеты подъ двумя впечатлѣніями; была, повидимому, ночь, и зима раскинула повсюду свои снѣжные и ледяные покровы... Холодно, мрачно, и пасмурное небо надъ нами! Холодъ доходилъ до 45°.

Мы установили нашихъ птицъ на обширной снѣжной полянѣ и, соединивъ ихъ коридорами, увеличили число электрическихъ шаровъ...

— Гдѣ же мы находимся?— спрашивали мы другъ друга...

— На Мимасѣ, конечно!..

— Но почему зима и ночь кругомъ?.. Повсюду-ли такъ на Мимасѣ, или это его темное полушаріе?..

— Трудно сказать, что именно!.. Вотъ, послѣ отдыха, полетимъ дальше, и тогда узнаемъ истину...

— Я не думаю,— замѣтилъ одинъ изъ насъ,— чтобы такъ было повсюду здѣсь: это значило-бы, что Сатурнъ погасъ и не даетъ ни малѣйшаго свѣта и теплоты своимъ спутникамъ.

— Я тоже думаю, что до этого онъ еще не дошелъ...

— Да, вѣроятно все, что это темное полушаріе, такъ какъ спутники Сатурна, безъ всякаго сомнѣнія, обращаются вокругъ него на подобно нашей Луны,— замѣтилъ я...

Отдыхая, мы начали обозрѣвать окрестности,— на сколько освѣщало ихъ наше электричество.

Ровная мѣстность, на которой мы стояли, была такъ обширна, что только на правой сторонѣ горизонта, куда уже не достигалъ нашъ свѣтъ, мы едва разглядѣли, сквозь мракъ, какое-то возвышеніе: конечно, тамъ были горы... Вокругъ-же насъ было гладко и ровно, какъ въ степи: глубокій снѣгъ покрывалъ почву, изъ которой не поднималось нигдѣ, сквозь его толщину, ни деревца, ни кустика... Если мы находились на темномъ полушаріи планеты, то, конечно, ни флоры, ни фауны не должно было и быть на немъ, какъ на темныхъ полушаріяхъ юпитеровскихъ спутниковъ...

Печальная, унылая картина, наводящая тоску!.. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, мы полетѣли дальше — искать свѣта и тепла...

Часа черезъ три онъ сталъ намъ показываться, чему мы безконечно обрадовались: мы такъ давно не видѣли его! Свѣту все прибывало и прибывало, — было очевидно, что мы вступаемъ къ иное царство!.. И по мѣрѣ того, какъ исчезалъ мракъ уменьшались снѣга и льды, и почва все болѣе освобождалась отъ нихъ. Холодъ уменьшился до 10°, и стали показываться небольшія группы малорослыхъ деревьевъ, лишенныхъ всякой листвы: были-ли они наканунѣ весны, или пребывали вѣчно въ такомъ видѣ?..

Наконецъ мы увидѣли себя среди дня, тепла и, казалось, начала весны... Только небо, какъ и на темномъ полушаріи, скрывалось отъ насъ за довольно густыми тучами желтоватаго цвѣта, и мы, разумѣется, ничего не могли увидѣть на немъ.

Одно только было несомнѣнно: день исходилъ отъ Сатурна!

Солнце, еще болѣе отдаленное здѣсь, чѣмъ въ царствѣ Юпитера, не могло уже имѣть тутъ никакого значенія...

Итакъ Сатурнъ еще не погасъ! Онъ еще и освѣщаетъ, и даетъ теплоту!..

Мы стали съ большимъ интересомъ разсматривать то, среди чего находились...

Подъ нами текла широкая рѣка въ крутыхъ скалистыхъ берегахъ. Она выходила изъ-за невысокихъ горъ и скрывалась въ чаще рѣдкихъ лѣсовъ, виднѣвшихся въ полуверстѣ отъ насъ. Направо и налево также простирались лѣса, рѣдкіе, не очень высокіе; но горы были безлѣсны. Мы стали на берегу рѣки.

Наше зрѣніе прежде всего поразило цвѣтъ растительности.

Она была шоколаднаго цвѣта, съ бѣлыми стволами у деревьевъ и кустовъ, испещренными, чуть замѣтно, голубыми спиралеобразными линіями. Листья имѣли звѣздообразную, довольно правильную форму: отъ центра каждой звѣзды-листа шель внизъ стебель, прикрѣплявшій ее къ стволу вѣтки; звѣзды, смотря по породѣ деревьевъ, были о шести, восьми и даже о десяти концахъ и, разумѣется, различной величины. Травы состояли изъ болѣе или менѣе высокихъ прутьевъ, мягкихъ, гибкихъ и такой формы, что если смотрѣть на поперечный разрѣзъ прута, то глазъ видѣлъ шестиконечную или восьмиконечную звѣзду; травяные прутья были то пусты внутри, то мясисты, то-есть — заполнены растительнымъ веществомъ, непременно шоколаднаго цвѣта, какъ у насъ зеленаго. Злаки имѣли листья — *овальныя* звѣзды, то-есть — одни концы ихъ были удлинены, а другіе укорочены, и сидѣли также центрами на своихъ стебляхъ. Цвѣты, какъ повсюду, отличались разнообразіемъ красокъ, и состояли изъ множества какъ-бы положенныхъ другъ на друга звѣздъ и постепенно уменьшавшихся въ размѣрахъ своихъ вверхъ; на самой верхней, уже маленькой звѣздочкѣ, напримѣръ — краснаго цвѣта, прикрѣпленъ былъ къ ея центру темный шарикъ, или, вмѣсто него, возвышалась тычинка, которая въ верхней своей части иногда развѣтвлялась на двѣ, на три и на четыре меньшія тычинки.

Такова была флора этой планеты, сильно заинтересовавшей насъ собою!..

Но интересъ нашъ возросъ въ выстой степени, когда мы случайно увидѣли *одноглазое* животное, принадлежавшее, повидимому, къ породѣ волковъ или собакъ...

Оно было средней величины, съ большою удлиненною головою, съ остроконечными ушами, стоявшими на сторожѣ; толстыя короткія лапы, на которыхъ можно было разсмотрѣть три передніе когтистые пальца и четвертый задній, равно какъ и коротки пушистый хвостъ, были покрыты густою и довольно длинною сѣрожелтою шерстью, а самый корпусъ животнаго и его голова были совсѣмъ яркожелтаго цвѣта. На широкомъ плоскомъ лбу блестѣлъ единственный глазъ, но за то круглый и большой, величиною въ трехкопѣечную монету...

— Господа!— воскликнулъ я.— Опять *одноглазіе* въ породѣ животныхъ, какъ на Меркуріи! Приготовимтесь увидѣть и одноглазыхъ людей, если они существуютъ тутъ!..

— Это поразительно!

— Чрезвычайно странно!

— Необыкновенное явленіе!— удивлялись мои товарищи, не бывавшіе на Меркуріи и потому видѣвшіе въ первый разъ это одноглазіе...

— Догадываетесь-ли,— спросилъ я,— о чемъ говорить здѣсь это *одноглазіе* животныхъ?..

— О большемъ количествѣ свѣта, не такъ-ли?— отвѣтилъ своимъ вопросомъ одинъ изъ товарищей...

— Именно!— подтвердилъ я...

— Но свѣта, однако, здѣсь не слишкомъ много...

— *Теперь*, въ наше время, когда Сатурнъ близокъ уже къ состоянію планеты, въ чемъ мы, конечно, скоро и убѣдимся!.. Но было время, когда онъ своимъ спутникамъ свѣтилъ настоящимъ Солнцемъ! И вотъ тогда-то было такое обиліе свѣта въ его царствѣ, что животныя, по инстинкту природы, стали рождаться одноглазыми, каковыми они пребываютъ и въ наши дни, не смотря на уменьшеніе свѣта!..

— Но Юпитеръ, напримѣръ, свѣтитъ сильнѣе Сатурна: онъ, можно сказать, *настоящее* Солнце... Отчего-же на его спутникахъ нѣтъ одноглазія въ породѣ животныхъ?..

— Вѣроятно потому, что его спутники слишкомъ отдалены отъ него, тогда какъ спутники Сатурна, наоборотъ, достаточно близки къ нему: Мимасъ, напримѣръ, ближайшій отъ Сатурна, всего въ 151,500 верстахъ отъ него (въ $2\frac{1}{2}$ раза ближе чѣмъ Луна отъ Земли), между тѣмъ какъ Іо, ближайшій спутникъ Юпитера, отстоитъ отъ своей главной планеты на 741,000 верстъ... Разница огромная! Итакъ, хотя Юпитеръ больше Сатурна^{*}), но здѣсь, гдѣ мы теперь находимся, нѣкогда было такое обиліе свѣта (когда Сатурнъ свѣтилъ настоящимъ Солнцемъ), какого на Іо никогда, безъ сомнѣнія, не было, какое можетъ существовать только на Меркуріи... И вотъ почему здѣсь могло возникнуть одноглазіе у животныхъ, и почему въ царствѣ Юпитера оно не возникло!..

— Да, пожалуй, вы правы! Итакъ — въ путь! Отправимтесь искать одноглазыхъ людей!.. Каковы-то они окажутся?.. Неужели въ родѣ обитателей Каллисто?..

— То-есть, въ нравственномъ отношеніи?..

— Да?..

— Объ этомъ трудно судить!

— Сперва надо *увидѣть*, это главное!..

II.

Но прежде чѣмъ найти одноглазыхъ людей, мы, наконецъ, увидѣли Сатурна!

Болѣе двухъ часовъ уже прошло, какъ мы летѣли въ западномъ направленіи, надъ разнообразными пейзажами: горныя мѣстности и низменные, рѣки, моря, лѣса мелькали тамъ и здѣсь, смѣняясь безпрестанно, какъ въ калейдоскопѣ. Между тѣмъ небо освободилось отъ тучъ и показало намъ себя и свое главное свѣтило: оно было темнозеленое, и почти въ зенитѣ его висѣлъ огромный шаръ, въ которомъ могло помѣститься 900 нашихъ полныхъ Лунъ...

^{*} Юпитеръ больше Земли въ 1,230 разъ; Сатурнъ больше Земли въ 750 разъ. Раздѣляя 1,230 на 750, получаемъ цѣлое число 1 и дробь $\frac{480}{750}$, т.-е. болѣе $\frac{1}{2}$. Итакъ, Юпитеръ больше Сатурна въ $1\frac{480}{750}$, т.-е. болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Этотъ шаръ былъ густого темножелтаго цвѣта, немного приближавшагося къ бурому, и посылалъ отъ себя густой желтый свѣтъ, напоминавшій керосиновое освѣщеніе. Когда погода была облачная, освѣщеніе повсюду господствовало бѣлое, съ едва замѣтной только примѣсью легкой желтизны; но по мѣрѣ того, какъ расходились тучи, оно все болѣе и болѣе желтѣло, и наконецъ, при совершенно ясномъ небѣ, превратилось въ густожелтое, наложивъ на всѣ предметы тотъ-же колоритъ... Тепла-же давалъ этотъ свѣтъ всего 22°...

Итакъ вотъ онъ, Сатурнъ!

Исключительное наше вниманіе обращено было на его особенность: по самой срединѣ этого огромнаго шара тянулась съ запада на востокъ узкая свѣтлая полоса, гораздо длиннѣе его экватора, и потому выходившая за предѣлы шара справа и слѣва; она рѣзко отличалась своей свѣтложелтой окраской отъ общаго цвѣта шара, въ которомъ преобладалъ темный колоритъ... Это было знаменитое *кольцо*, поразительная особенность Сатурна, которой не имѣетъ ни одна изъ прочихъ планета, большихъ и малыхъ!..

И мы съ огромнымъ интересомъ направили наши трубы на это оригинальное свѣтило...

Трубы болѣе чѣмъ на половину приблизили къ нашимъ глазамъ Сатурна, такъ что онъ какъ-бы оказался въ разстояніи отъ насъ всего на 75,000 верстъ. Мы увидѣли чрезвычайно любопытное зрѣлище: шаръ состоялъ изъ темножелтой огненной массы, но не сплошной, а усѣянной во многихъ мѣстахъ коричневыми пятнами разной величины. На сѣверномъ полушаріи эти пятна тянулись непрерывной полосой отъ юго-востока къ сѣверо-западу, образуя какъ-бы мостъ черезъ огненный океанъ, а на южномъ полушаріи они сплотились въ довольно большой овальной формы островъ, выдвигавшійся изъ-подъ кольца на востокъ... Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что мы присутствовали при окончательномъ образованіи *коры*, которая уже во многихъ мѣстахъ нашла себѣ точки опоры и остановилась, переставъ плавать въ общей, все еще жидкой, массѣ; меньшіе-же куски ея продолжали передвигаться съ мѣста на мѣсто, ожидая, конечно, и для себя возможности остановиться гдѣ-нибудь, сплотясь въ какой-нибудь большой островъ или мостъ, по примѣру первыхъ двухъ крупныхъ кусковъ *коры*... Весьма часто это дивное и величественное зрѣлище заволакивалось въ иныхъ мѣстахъ раскаленными парами, что указывало на вѣчную совмѣстную работу не только планетной матеріи, но и ея *атмосферы*.

Что касается до кольца, то, наблюдая его, мы пришли къ заключенію, что оно состоитъ изъ несравненно болѣе жидкой огненной массы, чѣмъ самый шаръ, который оно окружаетъ, и потому оно такъ отличается отъ него своей свѣтлой окраской. Оно почти такъ-же свѣтло, какъ Солнце, и состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ частей, между которыми пустые промежутки; послѣднее мы могли разсмотрѣть настолько лишь, насколько позволяло его неудобное положеніе къ зрителю — болѣе *ребромъ*, чѣмъ плоскостью своей... Какъ могло образоваться это въ высшей степени странное прибавленіе къ планетѣ?.. Отдѣлившись нѣкогда отъ ея массы, почему оно не сплотилось въ такой-же шаръ, какими являются Мимасъ, Энцеладъ и прочіе спутники, а именно образовало изъ себя *кольцо* вокругъ своей планеты?..

Мы разсматривали Сатурна въ продолженіе почти двухъ часовъ и замѣтили, что онъ очень быстро вращается на своей оси. Это можно было видѣть, во-первыхъ, по длинному мосту *коры* въ сѣверномъ полушаріи и, во-вторыхъ, по овальному острову изъ той-же *коры* въ южномъ: мостъ сталъ укорачиваться, отодвигаясь на востокъ, островъ также близился къ восточному краю шара... Отдохнувъ немного, мы возобновили свои наблюденія, и въ теченіе новыхъ двухъ часовъ разсматривали интересную планету. Передъ нами была уже

другая картина: мость и овальный островъ совсѣмъ скрылись; вмѣсто нихъ, почти третья часть сѣвернаго полушарія была покрыта сплошною корою, примыкавшею къ сѣверному полюсу, а въ южномъ полушаріи такъ были многочисленны коричневыя пятна что огненная масса казалась здѣсь не правиломъ, а исключеніемъ; мы даже замѣтили, что и напряженность свѣта, исходящаго отъ шара, стала будто-бы слабѣе... Сложивъ всѣ часы нашихъ наблюдений и небольшой антрактъ отдыха между ними, мы пришли къ заключенію, что та сторона планеты, которую мы первоначально увидѣли, успѣла скрыться отъ насъ въ продолженіе 5 часовъ и 8 минутъ; слѣдовательно, если въ такой періодъ времени одно полушаріе скрылось, уступивъ мѣсто другому, то это послѣднее должно скрыться въ продолженіе новыхъ 5 часовъ и 8 минутъ... Итакъ полный оборотъ Сатурна на своей оси совершается въ 10 часовъ и 16 минутъ, т.-е. изъ этого количества времени слагаются *сутки* на немъ...

Сатурнъ, значить, почти такъ-же быстро вращается вокругъ себя, какъ Юпитерь: разница между ихъ сутками всего на 21 минуту безъ 4 секундъ... Необычайно быстрое вращеніе!..

Мы были вполнѣ удовлетворены нашими наблюденіями: все, что мы увидѣли съ помощью нашихъ трубъ, и все, что мы замѣчали кругомъ себя на Мимасѣ, этомъ ближайшемъ спутникѣ Сатурна, приводило насъ къ твердому заключенію, что Сатурнъ — полупогасшее Солнце, которое несравненно ближе, чѣмъ Юпитерь, къ состоянію планеты. Такимъ образомъ, флора и фауна Мимаса находятся уже въ періодѣ упадка, т.-е. постепеннаго исчезновенія, какъ на Лунѣ, съ тою, однако, разницею, что на нашемъ спутникѣ этотъ періодъ давно уже начался, тогда какъ здѣсь его начало сравнительно еще недавнее. Мы даже были убѣждены, что теплота на Мимасѣ не переходитъ за норму 30^0 , т.-е. что Сатурнъ не въ состояніи уже посылать сильнаго жара,— и продолжительное пребываніе наше на этомъ его спутникѣ вполнѣ оправдало *на опытѣ* это апіористическое убѣжденіе.

Мы убѣдились также, что на Мимасѣ, какъ и на юпитеровскихъ спутникахъ, вѣчный день и вѣчная ночь, т.-е. что онъ дѣлится на два полушарія относительно Сатурна,— свѣтлое и темное. Онъ обращается вокругъ своей главной планеты и, одновременно, на своей оси въ 22 часа и 37 минутъ, что составляетъ его сутки. Такимъ образомъ Мимасъ движется быстрѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ спутниковъ, и сутки его короче даже земныхъ почти на полтора часа; исключенія составляютъ только Фобосъ и Деймосъ, которые отличаются своими *слишкомъ* короткими сутками.

Въ экваторіальныхъ странахъ Мимаса, гдѣ мы находились тогда, черезъ каждые 11 часовъ и 15 минутъ показывался на восточномъ горизонтѣ крошечный шарикъ, величиною съ малую горошину, и блесѣлъ немного сильнѣе звѣзды 1-й величины,— блесѣлъ въ продолженіе новыхъ 11 часовъ и 15 минутъ, поднимаясь до значительной высоты на южномъ небѣ и склоняясь къ западному горизонту, гдѣ и закатывался. Это было наше Солнце, отъ котораго Мимасъ отстоитъ на 1,479,488,500 верстъ... Разстояніе громадное! Оно безъ малаго въ 10 разъ превосходитъ разстояніе Земли отъ Солнца!..

Мимасъ не изъ большіихъ спутниковъ Сатурна: Титанъ, Япетъ и Рея гораздо больше его. Онъ изъ числа малыхъ, которые, по величинѣ своей, оказываются даже меньше Луны. Это подтверждаетъ и вѣсъ предметовъ на немъ, который почти въ 5 разъ меньше земного (на Лунѣ — въ 3 раза меньше): 1 пудъ равняется здѣсь 8 фунтамъ безъ $4^{2/3}$ лотовъ... Мы испытывали на Мимасѣ необыкновенную легкость въ движеніяхъ!

III.

Однажды мы отдыхали на берегу небольшой рѣчки, въ тѣни лѣса, любясь живописными окрестностями и разсуждая о своихъ неудачахъ въ поискахъ за людьми: ни одноглазыхъ людей, ни двуглазыхъ мы нигдѣ не находили! Не видѣли также нигдѣ никакихъ человѣческихъ жилищъ!.. Неужели на Мимасѣ исчезло уже человѣчество?.. Или, можетъ быть, и не было его здѣсь никогда?..

Вдругъ необычайное явленіе поразило наши взоры: двѣ крылатыя человѣческія фигуры летѣли къ намъ!.. Летѣли прямо въ нашу сторону, пристально глядя на насъ и на птицъ нашихъ, давно уже, должно быть, завидѣвъ насъ на опушкѣ лѣса!..

Мы невольно вскрикнули, пораженные явленіемъ, котораго никогда не ожидали, о которомъ никто изъ насъ и не думалъ даже!..

— Вотъ и дождались, и доискались! — воскликнулъ одинъ изъ нашихъ товарищей!..

— Что за невиданная вещь!..

— Съ какимъ намѣрешемъ они летятъ къ намъ?.. Что это за существа?..

— Во всякомъ случаѣ, имѣйте на-готовѣ оружіе! — посоветоваль я..

И мы ощупали въ карманахъ нашихъ револьверы и кинжалы за поясами, которые, слава Богу, никогда еще и нигдѣ не приходилось намъ пускать въ дѣло!..

Крылатые люди между тѣмъ опустились возлѣ насъ, въ пяти-шести шагахъ отъ нашей стоянки. Опишу сначала ихъ наружность!..

Они хотя были одноглазые, но очень красивы: почти красавцами можно было назвать ихъ! Лица овальной формы, полныя, желтовато-розовыя и смуглыя, съ весьма правильными чертами: изящно сложенные носы, губы и подбородки; губы даже были слишкомъ розовыя, почти красныя... Единственный глазъ у cadaго изъ нихъ приходился прямо надъ носомъ, въ нижней части небольшого открытаго лба, гладкаго и чистаго, и былъ большой и круглый, черный, искристый и въ высшей степени пылливо смотрящій!.. То крайнее любопытство, то какая-то страсть попеременно загорались въ немъ и мгновенно потухали!.. О чемъ говорили, что хотѣли сказать эти два невиданные нами никогда глаза на этихъ двухъ лицахъ?..

Лица были безбородыя и безусыя; но за то на головахъ были роскошныя волосы, черныя, волнистыя, густыя и блестящія, лежавшія пышными волнами на плечахъ!.. Ихъ, повидимому, берегли и холили, потому что они были тщательно расчесаны и даже, кажется, чѣмъ-то умащены, — можетъ быть, своего рода помадой, неизвѣстной на другихъ планетахъ!.. Фигуры были средняго роста, весьма статныя, умѣренно-полныя, съ небольшими руками и ногами; ноги были особенно малы, такъ какъ очень рѣдко приходилось пользоваться ими, благодаря крыльямъ, а на рукахъ было по четыре пальца неравной длины: два большіе въ срединѣ и два малые по краямъ!.. Кисти рукъ, желтовато-смуглыя, отличались изяществомъ и необыкновенной чистотой и, казалось, не говорили вовсе о черныхъ и трудныхъ работахъ!..

За то крылья, расположенный у плечъ, поражали своей громадностью! Они состояли, какъ можно было замѣтить, изъ костей, скрѣпленныхъ перепончатою кожей, и были покрыты густою черною шерстью — подъ цвѣтъ водосамъ; они вполне напоминали намъ крылья нашихъ птицъ — по своему устройству!..

Крылья ничѣмъ не были покрыты, — не въ примѣръ другимъ частямъ тѣла, которыя были облечены въ костюмы: корпуса были крестообразно перевязаны бѣлыми тканями, въ родѣ простынь, почти подъ грудями начинались панталоны изъ темнокоричневой матеріи,

уходившія въ самую обувь, которая представлялась въ видѣ какихъ-то валенокъ изъ грубой кожи, а на рукахъ сидѣли рукава изъ той-же темной матеріи...

Костюмы, въ общемъ, бросались въ глаза своей неловкостью и даже неуклюжестью, что, вѣроятно, происходило отъ присутствія крыльевъ, которыя мѣшали одѣваться просто и красиво; за то небольшія красныя шапочки, въ родѣ фесокъ, красиво и кокетливо сидѣли на великолѣпныхъ черноволосыхъ головахъ...

Одно изъ этихъ существъ былъ мужчина; въ другомъ мы признали женщину, — по ея въ высшей степени роскошному бюсту, далеко выдававшемуся изъ-подъ ткани, покрывавшей грудь... Передъ нами стояли красавецъ и красавица въ полномъ смыслѣ этихъ словъ!..

Что-же они начали?.. Какое было первое ихъ дѣйствіе, ихъ движеніе?..

Безъ всякаго привѣтствія словомъ или жестомъ, они начали пѣть, впиваясь въ насъ своими огненными черными глазами, глядя ими на насъ изумительно страстно и нѣжно, въ особенности *она*, женщина!.. Они сопровождали свое пѣніе такими-же страстными тѣлодвиженіями, то бурными и порывистыми, то тихими и нѣжными, успокоительно-мечтательными!.. Голоса у нихъ были могучіе, сильные, пѣвшіе согласно, онъ — баритономъ, она — мягкимъ сопрано; но дикая необработанность, такъ сказать — первобытность, звучали въ нихъ, рѣзали намъ уши и оскорбляли наши понятія объ истиннохудожественномъ пѣніи... Поэтому, не смотря на очевидныя достоинства голосовъ и ихъ обладателей, пѣніе ихъ не принесло намъ большого удовольствія...

Они пѣли довольно долго, минутъ около 40, и когда кончили, мы, изъ вѣжливости, наградили ихъ аплодисментами; но или хлопанье ихъ озадачило, или наши любопытно-равнодушныя лица, только они съ большіимъ недоумѣніемъ поглядѣли на насъ и, обмѣнявшись быстрыми взорами, снова принялись запѣіе...

Вторая пѣсня была живѣе первой, и стала сопровождаться танцами, похожими на испанскую качучу, весьма граціозными и страстными; соотвѣтственно такому характеру пѣсни, удвоилась и страстность жестовъ и взглядовъ, посылаемыхъ намъ пѣвцами... Но и эта пѣсня немногимъ только больше доставила намъ удовольствія, чѣмъ первая: ощущалась въ ней та-же невоздѣланная дикость, не смотря на всѣ таланты пѣвцовъ... Когда они кончили, мы снова захлопали, и даже одинъ изъ товарищей крикнулъ «браво»!..

Тогда крылатые и одноглазые артисты совсѣмъ уже смущенно посмотрѣли на насъ и, обмѣнявшись такими-же взглядами между собою, быстро поднялись вверхъ и улетѣли прочь...

IV.

Мы разразились восклицаніями...

— Вотъ такъ люди!

— И это обладатели Мимаса! Но чѣмъ они живутъ?.. Судя по ихъ изящнымъ фигурамъ и выхоленнымъ рукамъ, мускульный трудъ не знакомъ имъ!

— Чѣмъ живутъ?.. Пѣніемъ, конечно! Это *артисты*!

— Но въ такомъ случаѣ цивилизація ихъ должна стоять на высокой степени развитія, если существуютъ у нихъ даже *артистическія* профессіи! Такъ гдѣ-же она, эта цивилизація?.. Мы до сихъ поръ не нашли нигдѣ ни простого шалаша, ни клочка обработанной земли!..

— Но мы осмотрѣли только экваторіальныя страны, а въ умѣренныхъ поясахъ планеты еще не бывали!

— Экваторіальныя страны, стадо быць, неабитаемы людзьмі; тагда зачѣмъ этимъ артистамъ странствовать тутъ?..

— Они, вѣроятно, дѣлають перелетъ изъ сѣвернаго полушарія въ южное, и неожиданно увидѣвъ насъ, попытались предложить намъ свои услуги — въ надеждѣ заработка...

— Котораго не получили отъ насъ, несмотря на всѣ свои старанія! Ха-ха!

— Да, намъ-бы слѣдовало что-нибудь дать имъ...

— Но что именно?.. Денегъ у насъ нѣтъ! Подарками различными также не запаслись мы! Что-нибудь изъ пищи можно было предложить...

— Поютъ они, все-таки, не дурно... Вотъ если-бы такіе голоса да обработать надлежащимъ образомъ!..

— Замѣчательными пѣвцами оказались-бы!..

— Знаете что,— сказалъ я,— въ ихъ пѣніи, и въ особенности въ ихъ этихъ пристальныхъ взглядахъ, есть что-то магнетическое, усыпительное: я ощущалъ нѣкоторый позывъ ко сну!..

— Я тоже!— подтвердилъ одинъ изъ товарищей...

— Чѣмъ это объяснить?.. Развѣ усыпительность — необходимая принадлежность всякаго пѣнія, даже высоко-художественнаго?.. Тогда, напримѣръ, всѣ наши извѣстные пѣвцы, въ концѣ-концовъ, усыпляли-бы свою публику!..

— Это, господа, сладкогласія сирены!— пошутилъ одинъ изъ насъ, и всѣ мы разсмѣялись...

— Сирены, господа, и потому берегитесь!..

— Хорошо! Отправимтесь-же въ путь — отыскивать цивилизацію этихъ сиренъ!

— Я убѣжденъ, что мы въ сѣверномъ или въ южномъ полушаріи увидимъ страны, обильно снабженныя медомъ и млекомъ: тамъ именно и обитають, въ своихъ роскошныхъ городахъ, эти одноглазые красавцы и красавицы!..

И, обмѣниваясь шутками, мы двинулись въ дальнѣйшія экскурсіи, рѣшивъ начать ихъ съ умѣренныхъ странъ сѣвернаго полушарія...

Только-что мы пролетѣли не более трехъ верстъ въ сѣверномъ направленіи, какъ одинъ изъ товарищей, бывшихъ въ задней части нашего кортежа, крикнулъ намъ: Господа! Остановимтесь! Смотрите налѣво: *дома* видны!..

— Дома, дома! Это правда!— подтвердили другіе...

— Какъ это мы ихъ не видѣли раньше?.. Вѣдь мы уже были въ этой мѣстности!

— А можетъ быть, и не были! Не всѣ закоулки притомъ остаются въ памяти!

— И не всѣ вѣдь мѣстности можно посѣтить, при всемъ желаніи побывать вездѣ!

— Странно, право!

— Что-же, опуститься?..

— Да, конечно! Но гдѣ именно?..

— Вонъ тамъ, у того холмика!

— Хорошо! И... неужели пойдемъ въ эти дома?..

— Почему-же нѣтъ?..

— А опытъ на Каллисто?..

— Пустяки! Не всѣ-же люди въ родѣ каллиститовъ!

— Пойдемъ притомъ *всѣ* вмѣстѣ въ *одинъ* какой-нибудь домъ, оставивъ двухъ кого-нибудь при птицахъ...

— Хорошо!..

Дома, которые мы замѣтили, пріютились у подошвы невысокаго, но крутого и обрывистаго холмика, на берегу небольшого озера, окруженнаго съ трехъ сторонъ прекраснымъ густымъ лѣсомъ. Весь холмикъ также покрытъ былъ лѣсомъ, что все вмѣстѣ составляло живописный, поэтически уголокъ, едва замѣтный съ высоты птичьяго полета; поэтому-то онъ и усвоились раньше отъ нашихъ наблюдений. Дома были небольшіе, деревянные и четырехугольные, въ два или въ три окна каждый и съ крышами такими низкими, что по нимъ весьма удобно было ходить, почти какъ по горизонтальной плоскости. Каждый домъ стоялъ отдѣльно, имѣя по обѣ стороны дворъ, огороженный деревяннымъ частоколомъ и продолжавшійся и позади его, — до самаго холма; но здѣсь уже онъ превращался въ садъ вмѣстѣ съ огородомъ, отдѣляясь отъ собственно-двора низкой оградой изъ тонкихъ прутьевъ. Войти въ каждый домикъ можно было только черезъ дворъ, и при посредствѣ небольшіхъ сѣнничекъ, пристроенныхъ къ домику, а дворы снабжены были широкими воротами наружу всегда приходившимися по правую сторону отъ дома.

Всѣхъ домиковъ оказалось 14. Они расположены были извилистой линіей у холма, который развѣтывался амфитеатромъ, по мѣрѣ того какъ озеро вдавалось въ него. Между лишей домиковъ и озеромъ тянулась узкая лужайка, по которой проложена была торная дорога, терявшаяся справа и слева въ окрестномъ лѣсу.

Дома ничѣмъ не были окрашены; они были только «обшиты досками», какъ выражаются у насъ, и, судя по многимъ признакамъ, служили уже давно своимъ хозяевамъ... Можетъ быть и не одно поколѣніе прожило въ нихъ свою жизнь! На нѣкоторыхъ изъ нихъ крыши бросались въ глаза своей очевидной ветхостью...

— Такъ вотъ гдѣ обитаютъ эти крылатые пѣвцы! — удивлялись мы...

— Неужели *здѣсь*?..

— Почему-же не здѣсь?..

— Мало это вяжется съ ихъ изящными фигурами!

— Ба! Вы намекаете на ихъ руки, незнакомыя съ тяжелыми работами; такъ для этого у нихъ, вѣроятно, есть слуги или рабы!..

— Можетъ быть!

Мы бросили жребій, кому оставаться при птицахъ. На этотъ разъ мнѣ не выпало оставаться, и я вошелъ въ число шести товарищей, рѣшившихся проникнуть въ открытые нами таинственные домики...

Съ оружіемъ въ карманахъ (на всякій непредвидѣнный случай) мы направились къ крайнему домику, первому отъ нашей стоянки, и постучались у воротъ, которыя нашли запертыми... Прошло минуты двѣ-три, пока слышались шаги, приближавшіеся къ воротамъ, и тогда раздался изнутри негромкій вопросъ на неизвѣстномъ намъ языкѣ; спрашивали, конечно, *кто тамъ* или *что угодно*, на что одинъ изъ насъ отвѣтилъ:

— Друзья-иностранцы!.. Хотимъ видѣть васъ!..

Прошло еще нѣсколько минутъ, и слышались опять шаги и уже два голоса, которые тихо совѣщались между собою... И опять раздался тотъ-же вопросъ на неизвѣстномъ намъ языкѣ...

Другой товарищъ, на сколько можно было, отвѣтилъ мягко и успокоительно:

— Не бойтесь ничего дурнаго! Мы хотя иностранцы, но друзья ваши! Намъ ничего не нужно отъ васъ, — мы желаемъ только познакомиться съ вами!..

Опять слышались тихіе голоса, совѣщавшіеся между собою... Наконецъ ворота осторожно отворились, и мы увидѣли стоящими за ними двухъ мужчинъ, у которыхъ въ рукахъ было по толстой круглой палкѣ, съ заостренными металлическими наконечниками...

Они были одноглазые, но безъ крыльевъ, очень смуглые,— гораздо смуглѣе крылатыхъ пѣвцовъ,— и не такъ красивы, какъ тѣ, хотя съ довольно правильными чертами лица; кромѣ того, у нихъ были окладистыя черныя бороды и густые усы, а четырехпалыя руки ихъ отличались значительною величиною и рѣшительно-плебейскою загрубѣlostью и закаленностью въ тяжелыхъ работахъ всякаго рода...

Одѣты они были почти такъ-же, какъ пѣвцы; только вмѣсто тканей, крестообразно повязанныхъ на корпусахъ, на нихъ сидѣли куртки, похожія на пиджаки, сшитыя, повидимому, изъ такихъ-же бѣлыхъ тканей...

— Слуги или рабы!— шепнулъ мнѣ товарищъ, говорившій о слугахъ.— И слуги *безкрылые!* А крылатые господа-пѣвцы сидятъ, конечно, въ комнатахъ!..

Увидѣвъ насъ, *двуглазыхъ* и одѣтыхъ въ невиданные ими костюмы, они крайне озадачились и въ нерѣшительности и молча смотрѣли на насъ около минуты, не зная, что дѣлать; я воспользовался этимъ и, войдя во дворъ, сказалъ съ легкимъ поклономъ и улыбаясь:

— Здравствуйте! Не бойтесь насъ,— мы не враги! Мы желаемъ только видѣть васъ я познакомиться съ вами! Надѣмся, что не откажете намъ въ этомъ, не правда-ли?..

Старшій изъ нихъ, волосы котораго тронуты уже были сѣдиною, отвѣтилъ намъ весьма благовоспитаннымъ поклономъ и, сказавъ что-то, пригласительнымъ жестомъ указалъ на сѣни дома... И мы, попарно, вошли въ домъ вмѣстѣ съ ними...

Пройдя узенькія сѣннички, мы вступили въ большую комнату о трехъ окнахъ, и застали цѣлое общество за просторнымъ круглымъ столомъ среди комнаты: за нимъ сидѣло восемь человѣкъ, въ числѣ которыхъ было трое мужчинъ и пять женщинъ... Всѣ были одноглазые и разныхъ возрастовъ, но также безъ крыльевъ: одинъ старикъ, двѣ старухи, двое юношей, одна женщина среднихъ лѣтъ и двѣ молодыя, вѣроятно — дѣвушки... Не смотря на свое одноглазіе, всѣ были съ красивыми правильными лицами, черноволосые, смуглые, съ умными и привѣтливыми фізіономаями; одну изъ дѣвушекъ прямо можно было назвать красавицей... Нежданно-негаданно увидѣвъ насъ, да еще шесть человѣкъ, всѣ также сильно изумились, а молодые люди стали даже ахать; но тѣ, которые насъ ввели, сказали нѣсколько успокоительныхъ словъ, и все пришло въ порядокъ... Юноши и дѣвушки тотчасъ-же встали изъ-за стола, а прочіе немного потѣснились, и намъ вѣжливо предложили занять свободныя мѣста. Извиняясь за беспокойство, мы сѣли, и я началъ держать рѣчь о томъ, откуда мы и зачѣмъ явились къ нимъ, прибѣгая къ чертежамъ и рисункамъ на своей записной книжкѣ...

Всѣ слушали съ крайнимъ вниманіемъ, усердно, какъ казалось намъ, стараясь понять незнакомый имъ языкъ, и прилежно, вдумчиво смотря на мои чертежи и рисунки... Молодые люди, которыхъ устроили за особымъ столомъ, встали изъ-за него и, подойдя къ намъ, смотрѣли также, какъ я дѣйствовалъ карандашомъ на бумагѣ... Когда я кончилъ, всѣ лица необыкновенно оживились, и всѣ почти заговорили другъ съ другомъ на странномъ, но очень звучномъ и мелодическомъ языкѣ, который болѣе всего поразилъ насъ обиліемъ долгихъ гласныхъ и окончаній на картавое *р*... Наконецъ одинъ изъ тѣхъ, кто впустилъ насъ во дворъ и ввелъ въ домъ, обратился къ намъ съ рѣчью, повидимому — отъ лица всего общества, сопровождая ее радушными улыбками и жестами, и, въ заключеніе, налилъ изъ стоявшаго на столѣ глинянаго очень красиваго сосуда въ большой стаканъ, выточенный изъ дерева, красноватой густой жидкости; отпивъ самъ немного, онъ подаль стаканъ мнѣ, показавъ жестомъ на всѣхъ насъ, что значило, разумѣется, что каждый изъ насъ приглашается сдѣлать то-же... И когда мы всѣ отпили понемногу и возвратили стаканъ

хозяину, отъ сталь обносить имъ каждого изъ своихъ, и всѣ они также отпили, сколько полагалось, не исключая и дѣвицъ, съ крайнимъ любопытствомъ, хотя стыдливо и робко, смотрѣвшихъ на наши фигуры, на наши двуглазые лица... Затѣмъ уже появились передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ за двумя столами деревянные стаканы почти вдвое меньше перваго, которые хозяинъ съ любезною улыбкою наполнилъ тою-же жидкостью, приглашая жестомъ и словами оказать имъ вниманіе... Это было довольно недурное вино, сладковатое и съ пріятной горечью, легкое и располагавшее къ дружеской бесѣдѣ...

Мы попали, какъ мы догадывались, на званый обѣдъ или, можетъ быть, завтракъ, по случаю какого-нибудь праздника, или семейнаго торжества: объ этомъ говорили кушанья, стоявшія на столѣ,— разныя жаркія изъ дичи и рыбы, два рода супа, приправленные душистымъ перцемъ, отнюдь не крѣпкимъ, различные овощи и плоды и, наконецъ, вино; кромѣ того, всѣ были одѣты въ новые костюмы, которые у женщинъ состояли, вмѣсто панталонъ, изъ бѣлыхъ юпокъ, украшенныхъ у подоловъ гирляндами розовыхъ цвѣтовъ, и изъ очень короткихъ курточекъ, а черные пышные волосы ихъ, локонами раскиданные по плечамъ, украшали настоящіе живые цвѣты, розовые и красные, напоминавшіе георгины, но весьма душистые. Цвѣтовъ только не было у старухъ, и юпки ихъ не бѣлыя были, а коричневыя, безъ всякихъ украшеній!.. Повсемѣстный девизъ старости — скромность!..

Обстановка домашняго быта поражала своимъ удивительнымъ сходствомъ съ тѣмъ, что мы видимъ ежедневно у себя дома: стѣны и потолокъ были окрашены въ бѣлую краску, мебель состояла изъ двухъ круглыхъ столовъ, большого и малаго, и множества небольшихъ легкихъ стульевъ, съ рѣшетчатыми спинками и сидѣньями; кромѣ того, въ одномъ углу, направо отъ входной двери, стоялъ еще помѣстительный шкафъ, конечно — буфетный, со вкусомъ украшенный различными фигурами, выпиленными изъ дерева. Вся мебель была окрашена въ темнокрасный цвѣтъ, лакирована и сработана ловко, съ присутствіемъ даже изящества — въ отдѣлкѣ, напримѣръ, ножекъ и рѣшетокъ. Столы были покрыты желтыми тканями, и передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ было положено по небольшому куску такой-же ткани; все это напоминало наши скатерти и салфетки. Наконецъ, обѣденная посуда похожа была также на наши тарелки и блюда, выточенные только изъ дерева и ничѣмъ неукрашенные, что было просто и практично; ложки тоже были деревянные, а ножи и вилки — металлическіе, сдѣланные изъ темножелтаго металла, представлявшаго нѣчто среднее между желѣзомъ и мѣдью.

Особенного, необычнаго для насъ, было немного, а именно: подъ былъ шоколаднаго цвѣта (въ подражаніе, конечно, цвѣту растительности), и выложенъ какъ наши паркеты, а три окна, выходившія на улицу, т.-е. къ озеру, были снабжены рамами, но безъ переплета и безъ стеколъ, и открывались наружу, имѣя шарниры въ *верхней* части, а не сбоку, какъ у насъ; вмѣсто стеколъ, рамы были обтянуты тонкой, полупрозрачной и розоватой матеріей, очень пріятной для глазъ. Окна немного были открыты, т.-е. рамы ихъ *приподняты*, опираясь, чтобы не захлопнуться, на деревянные упорки, прикрѣпленные съ обѣихъ сторонъ у каждого окна. Наконецъ, вилки состояли не изъ трехъ или четырехъ зубцовъ, а изъ одного, и похожи были, поэтому, болѣе на шила, чѣмъ на вилки.

Стѣны ничѣмъ не были украшены. Вдоль задней стѣны, въ которой была входная дверь, прикрѣплено было нѣсколько деревянныхъ колышковъ, на которые посѣтителі вѣшали свои верхнія одежды, въ родѣ плащей, коричневаго цвѣта, и небольшія красныя шапки. Точно такія-же шапки мы видѣли и у крылатыхъ пѣвцовъ...

V.

Насъ усердно угощали всѣмъ, что стояло на столѣ, и мы должны были уступить просьбамъ, чтобы не обидѣть хозяевъ отказомъ. Кушанья были отлично приготовлены, — не хуже чѣмъ у насъ, или у марситовъ, которые, ради такого случая, рѣшились нарушить свое обыкновеніе — не ѣсть мясной пищи. Завязалась живая и веселая бесѣда, не смотря на взаимное незнаніе языковъ, на которыхъ бесѣдовали: казалось, мы и безъ словъ понимаемъ другъ друга, что доказывали радушныя улыбки, дружескіе взгляды и жесты, сердечныя подчиванія блюдами, подливаніе вина въ стаканы, провозглашеніе тостовъ и даже смѣхъ... Необыкновенная живость этихъ добрыхъ одноглазыхъ людей, такъ довѣрчиво принявшихъ насъ, радовала и восхищала насъ!.. Улучивъ минуту, я сказалъ товарищу, говорившему о слугахъ или рабахъ:

— Это не *ты*! Вы ошиблись!

— Да! Сознаю свою ошибку!

— Меня удивляетъ это! Стало быть, на Мимасѣ двѣ породы людей, — крылатые и безкрылые?..

— Вѣроятно! Но это очень странно!..

— Да, странно! *Загадочное* что-то!.. И гдѣ живутъ *ты*, крылатые?.. Въ какихъ они отношеніяхъ въ этомъ!..

— Я вполне раздѣляю вашу заинтересованность всѣмъ этимъ! И мы, конечно, скоро разрѣшимъ эту загадку!

— Я въ этомъ убѣжденъ!

— Это вѣдь такъ интересно!

— Чрезвычайно даже! И интересно, и поразительно!

— Мы вѣдь въ первый разъ видимъ подобное явленіе!

— Еще-бы! Гдѣ-же намъ приходилось видѣть что-нибудь подобное?..

— Подумаешь, какъ разнообразна природа въ своихъ созданіяхъ живыхъ существъ!

— А мы знаемъ только самую ничтожную долю этой безконечной массы ея созданій!

— Да! Не болѣе того!

— Мы посѣтили всего нѣсколько планетъ, — и уже наткнулись на одно изъ чудесъ! А сколько такихъ чудесъ разсѣяно, вѣроятно, на многихъ другихъ планетахъ, которыхъ мы еще не посѣтили!

— И которыя ждутъ насъ къ себѣ!

— Какъ, напримѣръ, остальные спутники Сатурна... Что тамъ, на нихъ, мы увидимъ еще?..

— Убѣжденъ, что много интереснаго, какъ и здѣсь... Но сначала слѣдуетъ основательно познакомиться съ Мимасомъ... и съ этими крылатыми пѣвцами, касательно которыхъ надо разрѣшить намъ наши недоумѣнія...

Въ нашу маленькую бесѣду вмѣшался другой товарищъ:

— Кто *они* такіе, какъ вы думаете?.. — предложилъ онъ мнѣ вопросъ...

Но мнѣ не пришлось отвѣтить на него: вдругъ послышался за дверью легкій шумъ, затѣмъ она раскрылась, и... въ комнатѣ между нами очутились три крылатые пѣвца два, бывшіе у насъ, и еще третій или *третья* съ ними, такъ какъ въ новой личности мы признали женщину, неуступавшую въ красотѣ своей подругѣ...

Судите о нашемъ крайнемъ изумленіи!..

Всѣ мы невольно ахнули, а на лицахъ у хозяевъ изобразилась крайняя степень ужаса; но пѣвцы, ex abrupto, начали пѣть, и лица хозяевъ быстро успокоились, прояснились и даже

стали улыбаться: видно было, что это пѣніе доставляло имъ не только удовольствіе, но и наслажденіе!.. Прошло нѣсколько минутъ, и мы стали замѣчать странную вещь: улыбки на лицахъ нашихъ хозяевъ какъ-бы застыли, а на нѣкоторыхъ даже закрылись глаза!.. Тогда я понялъ все и, вставъ изъ-за стола, сказалъ товарищамъ:

— Замѣчаете дѣйствіе пѣнія?.. Оно *усыпляетъ* этихъ несчастныхъ людей, чѣмъ крылатые артисты и пользуются! Это хищники, кровожадные существа, и мы должны принять противъ нихъ мѣры!

— Правда, правда!— закричали мы всѣ.— Долой ихъ прочь отсюда!

— Мы ихъ арестуемъ!— предложилъ я.— Затѣмъ разспросимъ у нашихъ хозяевъ о степени ихъ зловредности и произведемъ надъ ними судъ и расправу!

И трое изъ насъ бросились къ пѣвцамъ и, не давъ имъ опомниться, повалили ихъ на полъ и связали имъ руки и ноги веревками, которыя каждый изъ насъ постоянно при себѣ носилъ... Только въ эти минуты пѣвцы, казалось, узнали насъ,— и непримиримая злоба и ярость исказили ихъ красивыя лица: они лепетали что-то, какъ дѣти, не умѣющія еще говорить, шипѣли какъ змѣи, страшно вращая своими кровавыми, на этотъ разъ, огненными глазами, конвульсивно бились, лежа на полу, но не могли ничего уже сдѣлать для себя: веревки слишкомъ были крѣпки, и руки и ноги ихъ, а равно и *крылья*, надежно были скручены ими!..

При видѣ такого финала артистическаго концерта, хозяева наши вышли изъ своей летаргіи и, испустивъ громкіе радостные крики, бросились въ намъ съ объятіями, поцѣлуями, слезами и словами самой невыразимой благодарности... Они цѣловали намъ даже руки и ноги!.. Бѣдные люди! Должно быть, отъ огромнаго несчастья спасли мы ихъ!.. Мы безъ обиняковъ принялись за разспросы:

— Скажите намъ, что это за существа?.. Конечно, это хищники и даже, должно быть, убійцы, не такъ-ли?..

Ужасъ и отвращеніе при взглядѣ на лежавшихъ связанныхъ пѣвцовъ были намъ первыми *нѣмыми* отвѣтами, за которыми немедленно послѣдовали и словесные: главный изъ хозяевъ началъ обстоятельно и не спѣша излагать что-то, безъ сомнѣнія — преступныя, кровавыя продѣлки крылатыхъ пѣвцовъ надъ ними, что можно было понять изъ различныхъ жестовъ, изображавшихъ грабежъ и убійство; мнѣ показалось даже, что нѣкоторыя тѣлодвиженія обозначали и *людоедство*, и я спросилъ:

— Не ѣдятъ-ли они людей, сперва задушивши ихъ?..

И я, раскрывъ ротъ, схватилъ его руку и поднесъ ее ко рту...

— Амійръ, амійръ!— воскликнулъ онъ, утвердительно кивая головою...

— Ага! Вотъ видите?..— обратился я къ товарищамъ.— Мои подозрѣнія подтверждаются: это ужасныя существа!

— Да это бичъ здѣшняго населенія!— воскликнули всѣ товарищи.— Какъ мы поступимъ съ этими арестованными?..

— Казнимъ ихъ!— предложилъ я.— Напримѣръ, повѣсимъ или разстрѣляемъ! Ограничиться какимъ-нибудь инымъ наказаніемъ было-бы безуміемъ: получивъ потомъ свободу, они примутся, конечно, за прежнія свои злодѣйства, съ удвоенною даже, можетъ быть, энергіей...

— Вѣрно, вѣрно!— согласились всѣ:—Казнить сейчасъ-же чудовищъ! Разстрѣлять!.. И я объявилъ хозяевамъ:

— Мы ихъ разстрѣляемъ! Отнесемте ихъ на дворъ!.. Тотчасъ-же бросились всѣ мужчины къ арестованнымъ и, схвативъ ихъ поперекъ, то въ одиночку, то вдвоемъ, быстро

унесли ихъ изъ комнаты. Мы и женщины послѣдовали за ними... Когда всѣ мы очутились на дворѣ, трое изъ мужчинъ очень быстро достали откуда-то колья и вкопали ихъ въ почву среди двора... Это должно было изображать позорные столбы... Вкопавъ колья, стали привязывать къ нимъ осужденныхъ... Для этого нужно было поставить ихъ на ноги; но кровожадные хищники, понявъ безвыходность своего положенія, едва могли держаться на ногахъ,— до такой степени страхъ неизбежной казни овладѣлъ ими... Глубокая безнадежная апатія сказывалась теперь въ ихъ фигурахъ, вмѣсто недавнихъ ярыхъ попытокъ освободиться отъ бѣды; они словно окаменѣли, и только изрѣдка дрожь пробѣгала по ихъ членамъ...

Привязали перваго и втораго, съ трудомъ принудивъ ихъ стать на ноги; но когда хотѣли сдѣлать то-же съ третьимъ,— это была женщина, присоединившаяся къ своимъ двумъ товарищамъ въ настоящей ихъ *артистической* экскурсії,— она, эта женщина, упала вдругъ на колѣна и, заливаясь слезами, стала что-то лепетать намъ своими дѣтскими звуками... Отчаяніе и жаркая мольба свѣтились въ ея большомъ прекрасномъ глазѣ, безнадежно и скорбно глядѣвшемъ на насъ!..

— Эти чудовища и плакать умѣютъ!— воскликнули нѣкоторые изъ насъ...

Неожиданно нашъ товарищъ, тотъ самый, которому я, не болѣе часа тому, высказалъ свои подозрѣнія о пѣвцахъ, обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Господа! Прошу васъ, пощадите эту несчастную!..

— *Пощадить?!..* — изумились мы...

— Да! Прошу васъ!

— Но это значитъ — дать ей свободу!..

— Нѣтъ! Свобода ея будетъ ограничена: я буду держать ее подъ моимъ постояннымъ надзоромъ!..

— Зачѣмъ это?.. На что вамъ это чудовище?.. По своимъ кровожаднымъ наклонностямъ она можетъ быть опасною для всѣхъ насъ!

— Можетъ быть, она менѣе преступна, чѣмъ ея товарищи. Посмотрите: она очень еще молода!.. Меня интересуетъ антропологическій вопросъ: неужели, путемъ перевоспитанія, нельзя искоренить кровожадность въ человѣческой натурѣ?.. Укрошаютъ-же львовъ и тигровъ, а это все-таки *человѣкъ*!..

— И притомъ *женщина*, и даже *красавица*!— иронически замѣтилъ одинъ изъ насъ.— Охъ, берегитесь, коллега! Какъ-бы ваше дѣло *перевоспитанія* не кончилось худо!..

— Я все беру на себя... Я убѣжденъ, что худымъ не кончится дѣло!..

Мы стали совѣщаться, какъ поступить въ такомъ непредвидѣнномъ случаѣ, и послали за двумя товарищами, которые, оставаясь при птицахъ, ничего не знали о происшествіи, сказавъ имъ, чтобы они пришли во дворъ съ птицами... И когда они пришли, катя за собою машины, и съ изумленіемъ увидѣли и узнали все, одинъ изъ насъ спросилъ товарища, хлопотавшаго о третьемъ осужденномъ, или осужденной:

— Гдѣ вы будете держать ее?..

— На первый разъ у себя въ будкѣ, а потомъ, съ помощью этихъ добрыхъ людей, построю для ней небольшой домикъ — гдѣ-нибудь тутъ, по сосѣдству съ ними...

— Хорошо! *ради васъ*, мы ее оставляемъ жить!..

— Очень, очень благодаренъ вамъ, товарищи!

— Но, просимъ васъ, смотрите за нею зорко! Въ случаѣ несчастья — вы отвѣчаете намъ за *все*!..

— Будьте спокойны! Даю вамъ честное слово — всегда быть на сторожѣ нашей общей безопасности!

— Вѣримъ вамъ! Ну, господа, исполнимъ-же нашъ приговоръ надъ этими двумя! Стрѣляйте!..

Раздался оглушительный залпъ изъ нашихъ револьверовъ, и кровожадные хищники-пѣвцы получили достойную кару, пронзенные нѣсколькими пулями... Надо было видѣть страхъ, ужасъ и благоговѣніе къ намъ и къ нашему истребительному, смертоносному оружію — на лицахъ какъ нашихъ хозяевъ, такъ и всего населенія 14 домиковъ, давно уже узнаваемаго о происшествіи съ пѣвцами и съ крайнимъ любопытствомъ наполнявшаго мѣсто экзекуціи!.. Когда все было кончено, человѣкъ пять изъ зрителей отвязали казненныхъ отъ кольевъ и, уложивъ ихъ на двѣ ручнымъ телѣжки, увезли въ поле — зарыть... Почти всѣ остальные послѣдовали за ними — посмотрѣть на печальное зрѣлище... Люди вездѣ люди, и вездѣ они жаждутъ зрѣлищъ!

Нашъ товарищъ, *линъ-Ваджери* (*линъ* значить по-марситски *господинъ*, или, вѣрнѣе, *житель*), немедленно водворилъ свою плѣнницу у себя въ будкѣ на птицѣ, развязавъ ей руки и ноги и оставивъ только связанными крылья... Она посылала ему взоры, полные глубокой благодарности и, при входѣ его въ будку, которую онъ крѣпко запираетъ, всегда падала на колѣна и цѣловала ему ноги... И много стоило ему трудовъ отучить ее отъ этихъ рабскихъ изъясненій благодарности за пощаженную жизнь!

VI.

Эти добрые одноглазые люди, къ которымъ мы попали на обѣдъ, закончившійся такъ трагически для крылатыхъ пѣвцовъ, предложили намъ, въ благодарность за избавленіе отъ чудовищъ, помѣщеніе на своемъ дворѣ и ежедневную пищу; но мы отъ послѣдней отказались и воспользовались только дворомъ, расположивъ на немъ своихъ птицъ. Черезъ нѣкоторое время мы узнали отъ нихъ много подробностей о пѣвцахъ и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ объ этихъ существахъ, которымъ мы неохотно давали имя людей.

Это хищники и убійцы, вѣчно охотящіеся за безкрылыми людьми и живущіе поэтому на ихъ счетъ. Проникая къ нимъ хитро и осторожно въ дома, они околдовываютъ ихъ своей красотой, пѣніемъ и магнетическими пристальными взглядами и, наведя на несчастныхъ сонъ, душатъ ихъ и тутъ-же съѣдаютъ, а одежды ихъ и всякія вещи уносятъ къ себѣ... Нерѣдко уносятъ съ собою и задушенныхъ подростковъ и дѣтей, чтобы безопаснѣе и у себя дома лакомиться своими жертвами! Тамъ они иногда и *зажариваютъ* ихъ, но большей частью ѣдятъ добычу сырымъ... Они обыкновенно одѣваются въ костюмы своихъ жертвъ, и вотъ почему тѣ два, которые намъ пѣли, пытаясь и насъ околдовать, казались намъ неловко одѣтыми!.. Эти чудовища живутъ въ горныхъ мѣстностяхъ, поселяясь, какъ дикіе звѣри, въ пещерахъ и наполняя ихъ всевозможными вещами, награбленными отовсюду. Они такъ жадны къ добычѣ, что уносятъ, напримѣръ, столы и стулья, которыми вообще не привыкли пользоваться и которые совсѣмъ невозможно бываетъ вносить въ ихъ дикія логовища!..

Иногда они и получаютъ должное возмездіе отъ намѣченныхъ жертвъ, успѣвшихъ сообразить наступающую опасность — передъ началомъ пѣнія, или отъ сосѣдей, случайно попавшихъ на усыпительный концертъ; тогда расправляются съ ними жестоко, изрѣзывая ихъ на части длинными ножами, которые специально для нихъ выдѣлываются, или прокалывая насквозь тѣми палками съ заостренными металлическими наконечниками, съ

которыми въ рукахъ отперли намъ ворота наши хозяева... Но это случается очень рѣдко, и бѣдствія, причиняемая людямъ хищниками, громадны и неисчислимы. Поселенія безкрылыхъ несчастливцевъ замѣтно рѣдѣютъ! Почти каждая сутки приходится слышать имъ какую-нибудь ужасную вѣсть!.. Главное зло заключается въ ихъ роковой податливости смертельнымъ чарамъ, которыми обладаютъ ихъ враги, и въ неумѣніи организовать всеобщую защиту отъ нападений хищниковъ... Иногда приносить несчастье и простая неосторожность,— какъ въ данномъ случаѣ, когда позабыли запереть за нами дверь, введя насъ въ домъ...

— Такъ вотъ каковы тутъ дѣла!— восклицали мы, бесѣдуя о новостяхъ, занимавшихъ насъ...

— Какъ могли возникнуть эти двѣ породы людей, такъ глубоко враждебныя другъ другу?.. Почему одна изъ нихъ получила крылья и кровожадные, разбойничьи инстинкты, а другая осталась безкрылою, но за то способною жить добромъ, вполне по-человѣчески?..

— Да, это все *вопросы!*

— Неразрѣшимыя загадки!

— Ужели *неразрѣшимыя?*..

— Да какъ ихъ разрѣшить?.. Чѣмъ?..

— Мнѣ кажется, что если-бы подольше пожить намъ здѣсь, то, пожалуй, и разрѣшили-бы ихъ...

— Все, конечно, зависитъ отъ времени!

— Которымъ мы не можемъ произвольно распоряжаться...

— Ну, безъ сомнѣнія!

— Насъ ждутъ еще другія экскурсіи — на другія планеты!

— Но все-же мы еще пробудемъ здѣсь нѣкоторое время, не правда-ли?

— О, да!

— Я вамъ докажу, господа,— говорилъ линъ-Ваджери,— что изъ нихъ и настоящихъ людей можно сдѣлать: я достигну своей цѣли, за которую взялся, — и мой экземпляръ женскаго пола научится и говорить, и жить по-человѣчески!..

— Желаемъ вамъ полного успѣха, но, все-таки, будьте осторожны съ вашимъ экземпляромъ!.. Кстати, когда готовъ будетъ домикъ для ней?..

— Вѣроятно, черезъ сутки: остается только отдѣлать окна и двери...

— Что-же мы, господа, сдѣлаемъ для защиты здѣшняго населенія?..

— Раздадимъ нашимъ хозяевамъ и сосѣдямъ весь запасъ револьверовъ, который до сихъ поръ хранится у насъ безъ дѣла, и научимъ ихъ владѣть этого рода оружіемъ...

— Ну, зачѣмъ *весь?*.. Небольшую часть запаса слѣдуетъ оставить у себя, — въ виду новой потребности гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ предполагаемъ вѣдь и дальше летѣть...

— Ну, положимъ!.. Потомъ объяснимъ здѣшнимъ жителямъ, что необходимо держать постоянные караулы въ каждомъ дворѣ: они будутъ наблюдать за хищниками, и чуть завидятъ ихъ гдѣ-нибудь,— въ ту-же минуту будутъ давать сигналы своимъ хозяевамъ...

— Хорошо!

— Наконецъ, попробуемъ устроить *охоту* на этихъ чудовищъ...

— Какимъ образомъ?..

— На нашихъ птицахъ, конечно... Нужно разспросить предварительно хозяевъ или сосѣдей, гдѣ живутъ хищники, въ какихъ мѣстахъ, близко или далеко отсюда...

— Можно даже и взять съ собою кого-нибудь изъ жителей, знающаго такія мѣста...

— Прекрасно! Это дѣльная мысль!

— Можно, во-первыхъ, очистить нѣсколько норъ и логовищъ отъ этихъ людей съ звѣринными свойствами, а во-вторыхъ — нагнать на остальныхъ такую панику, что они предпочтутъ улететь подальше отсюда...

— А какъ мы ихъ будемъ вызывать изъ ихъ норъ?.. Лазить къ нимъ туда было-бы безразсудно!

— И не нужно будетъ лазить: мы будемъ вызывать ихъ *дымомъ*, зажигая костры у отверстій пещеръ и вгоняя дымъ туда... Будутъ выходить по-неволѣ къ намъ!

— Отлично! Итакъ — зачѣмъ откладывать дѣло? Въ часъ времени можно собраться, и — *на охоту!*..

— *На охоту!* Мы всѣ готовы!

— Пойдемте къ хозяевамъ и постараемся объяснить имъ все это!

— Хорошо!

VII.

Мы объяснили, словами и жестами, наше намѣреніе хозяевамъ, — и въ нѣсколько минутъ весь поселокъ зналъ уже о немъ. Съ какой готовностью помогали намъ эти люди собраться въ экскурсію, съ какимъ благоговѣніемъ относились къ намъ и къ нашимъ птицамъ!.. Одинъ между ними вызвался указывать намъ мѣста, обитаемая хищниками, и я взялъ его къ себѣ на птицу, поставивъ, рядомъ съ кресломъ, стулъ для него. Знатокъ топографіи разбойничьихъ мѣстъ съ большимъ страхомъ сѣлъ на свой стулъ, и долго не могъ освоиться со способомъ путешествій употребляемымъ нами!.. Ему все казалось, что вотъ-вотъ птица рухнетъ куда-нибудь въ пропасть или въ рѣку, и отъ него и праха не останется, а я все-таки уцѣлѣю, потому что намъ это ни по чемъ, — мы все знаемъ и все умѣемъ... Мы запаслись сухимъ хворостомъ и еще нѣсколькими револьверами — кромѣ тѣхъ, которые всегда носили съ собою. Ваджери-же остался дома, такъ какъ некуда было перевести изъ будки его плѣнницу, а отчасти и потому, что окончательная отдѣлка домика для нея требовала его присутствія.

Первое разбойничье мѣсто оказалось въ четырехъ верстахъ отъ поселка. Это былъ цѣлый лабиринтъ скалъ, отвѣсно возвышавшихся на подобіе гигантскихъ стѣнъ, уцѣлѣвшихъ отъ какого-нибудь древняго зданія; эти quasi-стѣны были темножелтыя, съ трещинами и пещерами во многихъ мѣстахъ, а вершины ихъ представляли обнаженную каменистую почву, изрѣдка только покрытую тощими травами; между ними шли извилистые, то узкіе, то широкіе, проходы, песчаные и усѣянные камнями различной величины... Огромный шаръ Сатурна освѣщалъ съ яснаго неба эту дикую мѣстность, посылая ей, въ этотъ день, 28° теплоты...

Мы опустились на вершину одной скалы, ровной какъ площадь; съ двухъ сторонъ она довольно покато спускалась внизъ, такъ что можно было удобно сойти съ нея въ проходы, чѣмъ мы и воспользовались, захвативъ съ собою хворостъ и оставивъ при птицахъ двухъ товарищей... Нашъ проводникъ таинственно и боязливо указалъ на одну пещеру, отверстіе которой было черно, какъ дверь, ведущая въ адъ... Мы немедленно бросили передъ нимъ вязанку хвороста и только-что хотѣли поджечь его, какъ изъ пещеры выбѣжали двое крылатыхъ, и тутъ-же пали, пронзенные нашими пулями... Они были такіе-же красивые, смуглолицые, черноволосые, съ огромными крыльями, покрытыми

блестящею черною шерстью, и въ такихъ-же костюмахъ съ ихъ жертвъ, какіе мы видѣли на казненныхъ нами...

— Подожгите хворостъ,— тамъ еще должны быть,— сказалъ намъ проводникъ на своемъ языкѣ, указывая на спички и на входъ въ пещеру...

Мы подожгли, и стали гнать дымъ въ логовище... Минуть черезъ десять выбѣжали еще двое,— на этотъ разъ женщины и, къ изумленію нашему, совсѣмъ нагя — и что-же онѣ стали дѣлать?.. Остановясь по другую сторону костра, онѣ принялись пѣть удивительно-граціозную и страстную пѣсню, пожирая насъ своими любовными взглядами, посылая намъ воздушные поцѣлуи и дѣлая самые краснорѣчивые и откровенные жесты! Честное слово, баядерки не могли-бы сравниться съ ними ни въ дьявольской красотѣ лицъ и всего вообще тѣла, совершенно античнаго, ни въ той массѣ чаръ, которыя расточали онѣ своимъ зрителямъ и слушателямъ — съ смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ!.. Ясно было, что онѣ поставили послѣднее на карту, пытаясь спасти себя отъ гибели, и, если попытка удастся, то погубить, конечно, насъ самихъ!.. Можно было держать огромное пари, что съ этою-же цѣлью онѣ обнажили себя *au fond!*..

— Что дѣлать?— спросилъ одинъ изъ товарищей...

— Посмотримъ, что будутъ дѣлать послѣ пѣсни: неужели примутся за другую?..

— Хорошо! Но я буду смотрѣть не на нихъ, а *назадъ*: не есть-ли это хитрый маневръ?.. Можетъ быть, на насъ готовится нападете съ тылу?

И едва нашъ благоразумный товарищъ успѣлъ произнести послѣднее слово свое, какъ сзади насъ опустились на почву трое крылатыхъ, съ огромными дубинами въ рукахъ; но трое изъ насъ предупредили ихъ выстрѣлами, которые тутъ-же и уложили ихъ, а другіе два уложили безстыдныхъ и коварныхъ вакханокъ, не давъ имъ кончить ихъ демонски-страстной пѣсни...

Въ итогъ было уже семь труповъ хищниковъ!..

— Ну, теперь, господа,— сказалъ я,— будемте осторожны: пойдемте на верхъ, къ нашимъ товарищамъ, чтобы удобнѣе и всѣмъ вмѣстѣ выдерживать атаку, такъ какъ она, вѣроятно, только-что начинается!..

Мы поспѣшно вскарабкались на верхъ, и чуть только дошли до нашей стоянки, какъ увидѣли фигуръ десять крылатыхъ, прямо летѣвшихъ на насъ, съ свирѣпыми лицами, съ тѣми-же дубинами въ рукахъ... Мы, въ числѣ, семи хладнокровно выстроились въ рядъ и, прицѣлясь, дали общій залпъ... Семь кувыркомъ полетѣли внизъ, а остальные три струсили и повернули назадъ; но мы послали и имъ, вдогонку, пули, которыя и ихъ точно такъ-же заставили кувыркомъ устремиться внизъ...

— А теперь что?..

— Отдохнемте и подождемъ немного, и если... Мнѣ не пришлось докончить своей мысли: на насъ летѣлъ цѣлый отрядъ крылатыхъ,— человекъ по крайней мѣрѣ, сорокъ, съ тѣми-же оружіемъ въ рукахъ!.. Мы, признаться, опѣшили — въ виду нашей малочисленности... Но въ ту-же минуту овладѣли собою и выстроились снова въ рядъ...

— Спокойствіе, товарищи, и хладнокровіе!— сказалъ я.— Сперва будемъ стрѣлять, на сколько хватить зарядовъ, а потомъ пойдутъ въ дѣло кинжалы... Начнемъ!

Грянула стрѣльба, продолжавшаяся минутъ пятнадцать и опустошившая отрядъ болѣе чѣмъ на половину... Оставшіеся, около четырнадцати, бросились на насъ съ своими дубинами, но въ 10 минутъ всѣ легли подъ ударами кинжаловъ, причинивъ только тремъ изъ насъ незначительные ушибы своими палицами... Надо отдать имъ справедливость: они дрались какъ настоящіе разбойники, яростно защищающіе свои родныя берлоги!

— Ну, теперь, господа, домой! На первый разъ — довольно!

— Довольно, и даже очень!

И мы, приведя себя въ порядокъ послѣ этого, въ своемъ родѣ, сраженія, полетѣли домой опасаясь, не будетъ-ли еще нападенія или погони... Но мы уже больше не видѣли нигдѣ крылатыхъ фигуръ и благополучно прибыли въ нашъ поселокъ... Проводникъ нашъ, во все время нашихъ стычекъ, былъ ни живъ, ни мертвъ, сидя позади насъ въ моей будкѣ, которую онъ тщательно заперъ, а Ваджери страшно сожалѣлъ, что не участвовалъ въ этой *охотѣ*!.. Въ результатѣ, мы истребили около 60 чудовищъ!

VIII.

Наша маленькая война съ чудовищами, которую мы намѣрены были возобновить въ скоромъ времени, произвела насъ въ полубоги въ глазахъ добрыхъ одноглазыхъ людей, отличныхъ хозяевъ и работниковъ, но плохихъ защитниковъ самихъ себя отъ ихъ коварныхъ враговъ: конца не было благоговѣйному страху, съ которымъ смотрѣли на насъ бѣдняки, и безчисленнымъ разговорамъ и бесѣдамъ съ нашимъ проводникомъ, который сталъ настоящимъ героемъ своего поселка! Онъ только то и дѣлалъ теперь, что каждый часъ объяснялъ и рассказывалъ, рассказывалъ и объяснялъ, переходя изъ дома въ домъ, куда его почти насильно увлекали, приходя всегда звать къ себѣ въ качествѣ самаго желательнаго гостя!.. Мы-же готовились къ новой охотѣ или военной экспедиціи, приготавливая изъ динамита бомбы для вбрасыванія въ норы хищниковъ...

Мы нашли, что употреблять въ дѣло костры неудобно по нѣкоторымъ причинамъ; гораздо проще истреблять хищниковъ *на мѣстѣ*, не давая имъ возможности выбѣгать изъ ихъ логовищъ, а для этого лучшимъ и скорымъ средствомъ могутъ служить динамитные снаряды, отлично усовершенствованные марситами для взрыва камней и почвы въ ихъ постройкахъ городовъ: одинъ такой снарядъ въ видѣ бомбы, брошенный, напр., внутрь пещеры, разносилъ въ дребезги всю скалу, но былъ такъ устроенъ, что металл осколки *не по сторонами*, что опасно для взрывателей, а только *вверхъ*; притомъ взрывъ происходилъ не мгновенно, а черезъ 2 минуты, которыхъ вполне было достаточно для того, чтобы вбросившій бомбу могъ удалиться скорымъ шагомъ отъ мѣста взрыва на безопасное разстояніе. При такомъ способѣ истребленія кровожадныхъ тварей, могли оказаться лишними и огнестрѣльное и холодное оружіе, которое въ такомъ случаѣ приходилось брать только *про запасъ*.

Черезъ двое сутокъ (по земному счету времени) все было готово, и мы полетѣли во вторую экспедицію^{*}). Мы взяли того-же проводника, который и радъ былъ чрезвычайно, и страшился новаго нашего оружія, свойства котораго онъ уже понималъ, присутствуя при его приготовленіи. Ваджери перевелъ наконецъ свою плѣнницу въ готовый для нея домикъ и присоединился къ намъ. Мы разсудили, что населеніе скалъ, недавно посѣщенныхъ нами, все должно быть истреблено, и потому бесполезно было-бы летѣть къ нимъ опять, и что, вслѣдствіе этого, слѣдуетъ посѣтить другую какую-нибудь мѣстность, обитаемую чудовищами. По указаніямъ проводника, мы направились въ другую сторону отъ нашего поселка, въ которой, на разстояніи около девяти верстъ отъ него, находилось подобное-же разбойничье мѣсто.

*)

^{*} Прошу читателей помнить, что на свѣтломъ, полушаріи Мимаса *вѣчный день* — благодаря Сатурну, и поэтому выраженіе «черезъ двое сутокъ» означаетъ, не болѣе, какъ «черезъ 48 часовъ», между которыми нѣтъ ни минуты *ночи*.

Это была группа таких-же скаль, но уже съ болѣе широкими проходами между ними, не песчаными, а поросшими травой, и притомъ въ весьма живописной мѣстности: за скалами высились крутая, обрывистый горы, покрытый густыми лѣсами, а передъ ними, въ полуверстѣ, шумѣло море, къ которому слегка понижалась песчаная почва, усѣянная валунами и раковинами.. Картина была такая блестящая и поэтическая, что мы невольно залюбовались ею на нѣсколько минутъ! Но пора была приступить къ дѣлу..

Четверо изъ насъ взяли по одной бомбѣ и углубились въ проходы — искать пещеръ, а одинъ сталъ кружиться надъ скалами на птицѣ, наблюдая за всѣми четыремя, которые, находясь внизу, не могли видѣть другъ друга изъ-за скаль. Каждый, найдя пещеру, долженъ былъ подать молчаливый сигналъ летавшему надъ скалами и смотрѣть на него все время, пока онъ не отвѣтитъ ему тѣмъ-же: это должно было означать, что пещера найдена каждымъ изъ четырехъ и, что всѣ могутъ одновременно вбросить снаряды въ пещеры и одновременно-же быстро удалиться изъ проходовъ на берегъ моря.

Въ самое короткое время искомое было найдено, и получивъ сигналъ, мы вбросили свои бомбы и почти бѣгомъ пустились черезъ проходъ къ мѣсту нашей остановки...

И только-что мы успѣли присоединиться къ своимъ, какъ раздался адскій, оглушительный взрывъ, и громадная масса почвы и камней взлетѣла вверхъ, на высоту 30 сажень, и почти въ ту-же минуту ринулась обратно внизъ — настоящимъ каменнымъ дождемъ!.. Горы повторили взрывъ троекратнымъ эхомъ, почва дрогнула подъ нами и заволновалось море, а самый воздухъ омрачился тучами пыли, отъ которой мы поспѣшили укрыться въ будки!.. Бѣдный нашъ проводникъ упалъ навзничъ отъ испуга, дрожа какъ въ лихорадкѣ, и мы даже пожалѣли, что взяли его съ собою!.. Добрую четверть часа висѣлъ мракъ въ воздухѣ, пока не улеглась пыль, и когда наконецъ все пришло въ порядокъ, мы увидѣли передъ собою не скалы, а безобразную грудю обломковъ, въ которой ничего нельзя было понять ... Освободивъ отъ пыли верхушки нашихъ будокъ, мы поднялись вверхъ, надъ мѣстомъ разрушенія, и тогда только замѣтили тамъ-и-сямъ изуродованные трупы хищниковъ, успѣвшихъ, вѣроятно, въ моментъ взрыва, подняться вверхъ, но настигнутыхъ летѣвшими къ нимъ глыбами почвы и камней, которыми и убило ихъ тутъ-же... Всѣхъ труповъ насчитали мы 19; полагая, что, по малой мѣрѣ, погребено ихъ столько-же подъ обломками, оказывалось въ итогѣ около 40 истребленныхъ чудовищъ... Экспедиція, такимъ образомъ, была успѣшна!

Мы повременили около получаса, опустившись опять на берегъ моря и ожидая, не покажутся-ли гдѣ живыя крылатыя фигуры, которыхъ мы собирались угостить пулями; но нигдѣ не было видно ихъ, и мы, принявъ во вниманіе жалкій и умоляющій видъ нашего проводника, вернулись немедленно домой...

Черезъ сутки мы отправились въ третью экспедицію, но уже сами, безъ проводника, который чуть не захворалъ отъ испытаннаго, слишкомъ сильнаго для него, ощущенія, и произвели такой-же взрывъ въ двухъ новыхъ мѣстахъ, по сосѣдству съ предыдущимъ и на берегу того-же моря. Въ итогѣ оказалось болѣе 50 труповъ въ двухъ разбойничьихъ притонахъ, валявшихся поверхъ обломковъ, да столько-же, вѣроятно, было подъ ними... Въ три экспедиціи мы, стало быть, уничтожили до 200 хищниковъ, раззоривъ въ то-же время до основанія большую часть ихъ логовищъ!

Въ этотъ періодъ времени мы посѣтили три поселенія одноглазыхъ безкрылыхъ людей, о которыхъ получили свѣдѣнія и указанія отъ нашихъ хозяевъ и сосѣдей. Неизвѣстно какъ, но слухи о насъ прошли уже между ними, и они насъ приняли весьма радушно и съ большимъ уваженіемъ и благоговѣтемъ, какъ своихъ избавителей отъ

кровожадныхъ чудовищъ. Начиная со своего поселка, гдѣ мы квартировали, мы повсюду старались объяснять, что необходимы постоянные караулы на дворахъ, и достигли, что караулы стали существовать на дѣлѣ. Наконецъ, роздали около полусотни револьверовъ во всѣхъ четырехъ поселкахъ, показавъ, какъ надо обращаться съ ними и научивъ дѣлать пули и порохъ изъ необходимыхъ для того веществъ.

Всѣ эти хорошіе, хотя и черезчуръ смирные люди, были отличными кузнецами, мѣдниками, столярами, плотниками, ткачами, Красилицами и т. п., и на каждомъ дворѣ при домѣ непременно можно было найти двѣ-три какія-нибудь мастерскія; женщины-же ихъ исключительно занимались садами, огородами и домашнимъ хозяйствомъ. Поэтому они очень скоро поняли устройство огнестрѣльнаго оружія, и ихъ слесаря и механики немедленно принялись за изготовленіе собственныхъ револьверовъ — по образцу полученныхъ отъ насъ. Но, во все время нашего довольно долгаго пребыванія у нихъ, имъ не приходилось стрѣлять въ крылатыхъ артистовъ, такъ какъ ихъ нигдѣ болѣе не было видно...

Мы, черезъ нѣсколько сутокъ, устроили еще двѣ экспедиціи, въ одну изъ которыхъ взорвали на воздухъ и тѣ скалы, гдѣ первоначально сражались съ хищниками. Въ результатѣ оказалось еще около 100 труповъ, что, вмѣстѣ съ прежними экспедиціями, давало цифру почти 300 истребленныхъ чудовищъ...

Наша пятикратная охота на нихъ и взрывы, должно полагать, такъ напугали ихъ, уничтоживъ въ то-же время значительное число ихъ, что оставшіеся въ живыхъ отказались отъ своихъ обычныхъ губительныхъ набѣговъ на людей, или переселились въ дальнія страны, гдѣ мы еще не бывали... Какъ-бы ни было, но мы нигдѣ болѣе не встрѣчали крылатыхъ красавцевъ-пѣвцовъ и красавицъ-пѣвицъ, умѣющихъ превосходить силою своихъ чаръ нашихъ баядерокъ!..

IX.

Земля и лѣсъ на Мимасѣ никому не принадлежать; поэтому наши хозяева очень удивились, когда Ваджери обратился къ нимъ съ просьбою отвести ему участокъ для постройки домика, предлагая, взамѣнъ денегъ, принять отъ него нѣсколько цѣнныхъ вещей. Они указали ему на пустопорожнее мѣсто рядомъ съ ихъ дворомъ, все заросшее превосходными фруктовыми деревьями и густыми травами съ цвѣтами, и объяснили, что каждый можетъ занять его, ни у кого не спрашиваясь, и строиться на немъ, пользуясь сосѣднимъ лѣсомъ. Тотчасъ-же всѣ плотники и столяры въ поселкѣ принялись очищать мѣсто для двора, рубить строевыя деревья въ лѣсу, свозя ихъ на дворъ, и складывать домикъ, который въ нѣсколько сутокъ былъ совсѣмъ готовъ — съ крѣпкимъ частоколомъ вокругъ участка и съ воротами на-лицо. Домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ съ сѣнями и кухней къ нимъ, позади сѣней; изъ послѣднихъ вело двое дверей — отдѣльно въ каждую комнату; одна комната была лицевая, обращенная къ озеру, другая задняя, глядѣвшая на заднюю часть двора и на садъ съ огородомъ, въ которомъ жены и дочери строителей успѣли уже прорѣзать дорожки и сдѣлать гряды, засадивъ ихъ разными овощами. Въ каждой комнатѣ было по два окна, но въ рамы ихъ Ваджери вставилъ марситское стекло, котораго нѣсколько кусковъ хранилось, про запасъ, въ каждой птицѣ, и сдѣлалъ рамы открывающимися съ боковъ, а не сверху. Затѣмъ онъ собственноручно и по своему вкусу сработалъ себѣ необходимую мебель, такъ какъ онъ у себя на Марсѣ занимался столярнымъ ремесломъ, и наконецъ отблагодаривъ строителей различными подарками, которыхъ тѣ

долго не хотѣли принимать, говоря, что у нихъ въ обычаѣ помогать всѣмъ и вообще бесплатно, перевелъ изъ будки плѣнницу въ домикъ и самъ поселился въ немъ.

Онъ одѣлъ ее по-марситски, т.-е. почти по-нашему, попросивъ хозяйскихъ дочерей сшить ей полный костюмъ изъ разныхъ матеріи, взятыхъ у себя на Марсѣ (что каждый изъ насъ сдѣлалъ), давъ имъ выкройки и рисунки, по которымъ слѣдовало шить; сдѣлалъ ей также и бѣлье — изъ своего запаса холста. Онъ помѣстилъ ее въ задней комнатѣ, окнами въ садъ, и сталъ учить не только хозяйству, напр., приготовленію пищи, но и своему языку, то-есть — умѣнью говорить и писать на немъ. Хозяйство она поняла скоро, но способность говорить, да еще на чуждомъ ей языкѣ, очень туго давалась ей. Главное препятствіе заключалось въ органической малой развитости органа рѣчи, вслѣдствіе чего она могла болѣе лепетать, чѣмъ говорить внятно и полно; простое выраженіе «Кань-лое» (дай мнѣ) превращалось у ней въ «ха-о», «торми» (столь) — въ «до-и», однимъ словомъ — все выходило такъ, какъ говорятъ дѣти. Впрочемъ, азбуку она быстро усвоила и научилась бойко и красиво писать ее.

Ей было не болѣе 16 лѣтъ, но физическая зрѣлость дѣлала ее совершенною женщиною — почти высокаго роста, замѣчательно статною, съ роскошнымъ бюстомъ, и съ совершенно античными чертами полного желторозоваго лица, умѣренно покрытаго южной смуглостью. Большой черный глазъ смотрѣлъ робко и покорно, и только въ минуты веселости, на которую Ваджери всегда старался вызвать ее, вспыхивалъ огнемъ увлеченія и страсти. Полныя карминовыя губы нерѣдко обнаруживали рядъ жемчужинъ, въ стройномъ порядкѣ расположенныхъ за ними, а въ голосѣ звучали серебряныя нѣжныя ноты. Руки и ноги были малы и изящны, и вся вообще фигура была полна неизъяснимой граціи и прелести движеній и жестовъ... Я часто любовался ею, спрашивая себя, возможно-ли было разстрѣлять такую красавицу, и, пощадивъ ее, возможно-ли не увлечься ею такому человѣку, какъ нашъ Ваджери, который считалъ себѣ не болѣе 30 лѣтъ?..

Поселивъ ее въ домикъ, Ваджери далъ ей полную свободу: онъ пересталъ держать ея крылья связанными и не запиралъ болѣе на замокъ, отлучаясь куда-нибудь изъ дому. Она успѣла привязаться къ нему, замѣнивъ свою первоначальную рабскую приниженность свободою и искренностью въ обращеніи съ нимъ, и сильно скучала, когда онъ оставлялъ ее одну; за то съ какою радостью она бросалась къ нему на-встрѣчу, сидя у окна въ его комнатѣ и завидѣвъ его издали идущимъ домой!..

На вопросы и жесты, Ваджери, есть-ли у нея какое-нибудь имя, она всегда отвѣчала ему «аи», и онъ рѣшилъ что это слово или восклицаніе должно быть ея именемъ.

— Аи,— говорилъ онъ обыкновенно, уходя изъ дому,— я ухожу на два или на три часа... Прошу тебя, не скучай! Можешь гулять въ саду или на дворѣ, только за ворота не выходи!..

Она съ неизъяснимой граціей отрицательно и грустно качала ему головой, нѣжно и чисто по-дѣтски лепеча что-то; это означало, что она не хочетъ нигдѣ гулять безъ него, а будетъ сидѣть въ его комнатѣ и смотрѣть въ окно, ожидая его возвращенія...

И она терпѣливо и неподвижно, какъ статуя, два или три часа просиживала у окна въ его комнатѣ, усердно глядя на дорогу, гдѣ долженъ показаться ея господинъ и... можетъ быть, нѣчто болѣе, чѣмъ господинъ!..

Когда онъ былъ дома, они вмѣстѣ проводили много часовъ, казавшихся имъ быстрыми и незамѣтными, какъ минуты. Онъ столярничалъ что-нибудь нужное въ домашнемъ обиходѣ, а она окрашивала и лакировала готовые уже вещи, выучившись у него этому искусству; при этомъ она неумолкаемо и весело лепетала ему на своемъ дѣтскомъ

жаргонѣ, пересыпая свой лепетъ обворожительными улыбками и серебристымъ смѣхомъ, а иногда и пѣла какую-нибудь коротенькую живую пѣсенку...

Но надо было видѣть, съ какимъ умѣньемъ она вела свое хозяйство въ передѣ-обѣданные часы, какъ скоро и вкусно варила супы и жарила жаркія, и съ какою граціей угощала его всѣмъ за обѣденнымъ столомъ!.. Я нерѣдко приходилъ къ нимъ обѣдать, и былъ свидѣтелемъ удивительно-быстрыхъ успѣховъ этой красавицы изъ дикаго разбойничьяго племени — на пути полного очеловѣченія и забвенія мрачнаго прошлаго!..

Вспоминалось-ли ей иногда это прошлое, и вполнѣ-ли искренно рѣшилась она отречься отъ него, похоронить его?..

Я находилъ, что *да, вполнѣ искренно*; но товарищи наши и добрые одноглазые люди все еще продолжали смотрѣть недовѣрчиво на красивое крылатое существо и покачивали головами...

Однажды, когда онъ вернулся изъ продолжительной четырехчасовой отлучки (мы всѣ вмѣстѣ дѣлали пѣшкомъ прогулку въ сосѣдній лѣсъ съ ботанической цѣлью), она страстно кинулась къ нему на шею и засыпала его горячими поцѣлуями, отъ которыхъ онъ едва могъ опомниться; но, опомнившись, онъ принялъ видъ совершенно благоразумнаго человѣка и, отобѣдавъ, началъ свою обычную работу вмѣстѣ съ нею. Такъ прошло замѣтно вяло нѣсколько часовъ, и когда наступило время сна (*безъ ночи*), онъ, сказавъ, что уходитъ въ свою комнату, незамѣтно проскользнулъ ко мнѣ въ будку...

Товарищи уже успѣли уснуть, но мне какъ-то не спалось, и я не безъ удивленія увидѣлъ подходящаго ко мнѣ Ваджери.

— Что съ вами?.. — тихо спросилъ я, пытливо глядя на него...

— Я пришелъ къ вамъ ночевать сегодня... Не прогоните?..

— Нѣтъ, конечно... Вотъ вамъ мѣсто! Но почему вы не хотите спать дома, какъ всегда?..

— Потому что, видите-ли... Да я вамъ скажу все откровенно, потому что вамъ можно сказать *это*... и совѣта попросить...

И онъ мне разсказалъ, какъ былъ встрѣченъ объятіями и горячими поцѣлуями, которыхъ до сихъ поръ никогда не было, и которые чуть не лишили его разсудка...

— Что дѣлать?.. — заключилъ онъ вопросомъ...

Я задумался и потомъ отвѣтилъ:

— Откажитесь отъ нея, то есть велите ей оставить вашъ домъ и возвратиться къ своимъ...

— *Отказаться?! —* съ крайнимъ изумленіемъ повторилъ онъ:— *Прогнать ее?!..* Да развѣ это возможно для меня?.. Вѣдь я дьявольски люблю ее, это дьявольски-очаровательное крылатое и одноглазое существо! Вѣдь я знаю, что и полчаса не могъ-бы пробыть безъ нея, если-бы рѣшился сказать ей «уйди», и если-бы она, дѣйствительно, ушла!..

— Ну, такъ, значить, такова судьба ваша и ея! — сказалъ я:— Остается одно: жить вамъ съ нею, и только!.. Какой-же иной можетъ быть выходъ изъ положенія, подобнаго вашему?..

— Ваша правда!.. Но все-таки я сегодня переночую у васъ, если позволите!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь! Вотъ вамъ койка и пледъ, ложитесь!

И мы легли... Но только-что я успѣлъ задремать, какъ вдругъ Ваджери тронулъ меня за плечо и таинственнымъ шопотомъ сказалъ:

— Послушайте! Она узнала, что меня нѣтъ дома, и не спить... Она ходитъ по двору, — это видно отсюда, и иногда пытается заглянуть, поверхъ частокола, на вашу будку: она догадалась, гдѣ я!

— И прекрасно!— отвѣтилъ я, смѣясь:— Новое доказательство, что ей безъ васъ не только не живется, но и не спится!.. Идите-ка, другъ мой, лучше къ себѣ въ свой домикъ!..

— Нѣтъ, я не сдамся! Я аккуратно всю ночь просплю у васъ!..

— Какъ знаете!— рѣшилъ я, и повернувшись на другой бокъ, въ ту-же минуту уснулъ... Черезъ два часа я проснулся, что со мною не рѣдко бываетъ, и увидѣлъ; что товарищи продолжали спать и что я одинъ былъ въ моей будкѣ: Ваджери, стало-быть, перемѣнилъ намѣреніе, то-есть — *сдался!*..

Я тихо вышелъ изъ будки и, подойдя къ частоколу, заглянулъ къ нему на дворъ: никого не было на дворѣ, пустота и тишина царили кругомъ... Ностоявъ и послушавъ еще минутъ пять этой сонной тишины, я вернулся въ будку и не безъ наслажденія растянулся снова на своей койкѣ... Вѣчное свѣтило на дневномъ полушаріи Мимаса, никогда не заходящее, никогда не мѣшало намъ спать въ опредѣленные часы: мы всегда въ такіе часы занавѣшивали стекла нашихъ будокъ плотною матеріей и устраивали себѣ, такимъ путемъ нѣкоторое подобіе ночи, въ которой отказывалъ намъ Сатурнъ...

Х.

Прошло трое сутокъ послѣ этого, въ теченіе которыхъ мы не видѣли вовсе Ваджери, чего прежде никогда не случалось. Товарищи начали немного беспокоиться, но я сказалъ имъ, что видѣлъ сегодня рано утромъ Ваджери на его дворѣ, и что, вѣроятно, онъ скоро придетъ къ намъ, и не ошибся: ночью, когда уже всѣ уснули, а я засидѣлся въ будкѣ за моимъ журналомъ или дневникомъ, онъ опять пришелъ ко мнѣ и, молча стиснувъ мнѣ руку, сѣлъ на стулъ возлѣ кресла...

— Что новаго?..— спросилъ я...

— Много, очень много!.. Я пришелъ къ вамъ съ приглашеніемъ: приходите завтра къ намъ обѣдать!

— Мерсі, приду! Но подѣлитесь-же со мною, если можно, вашимъ «новымъ» котораго такъ много!..

— *Здѣсь* могу сказать вамъ только, что я счастливъ съ этимъ крылатымъ созданиемъ, не умѣющимъ путно говорить, а только щебечущимъ, какъ птичка: въ ней очень много птичьихъ свойствъ,— напр., эта живость, эта веселость, эти вѣчныя пѣсенки, безъ которыхъ ни одного часа не проходитъ у ней, наконецъ — эта склонность или привычка летать! Представьте себѣ, вчера мы гуляли съ нею въ нашемъ саду,— и она вдругъ стала летать, смѣясь и хохоча, какъ безумная! Я даже испугался, вообразивъ что она хочетъ улетѣть, т.-е. бѣжать изъ плѣна къ своимъ! Но все обошлось благополучно, какъ всегда! Вмѣстѣ съ этимъ она и *женщина*, и прелестная, дьявольски-очаровательная женщина, хотя, можетъ быть, съ умомъ, не способнымъ къ высшему развитію: я думаю, что мнѣ никогда не удастся научить ее ни нашему языку, ни другому какому-нибудь, хоть напр., здѣшнему! Развѣ это придетъ къ ней съ лѣтами, какъ бываетъ у дѣтей, да и на то надежда плоха!..

— Радъ, что вы счастливы!— сказалъ я.— Ну, а она тоже?..

— И она счастлива, и можетъ быть, даже болѣе моего, потому что не думаетъ о будущемъ, а отдается только одному настоящему: дѣти и птицы всегда вѣдь таковы, а она развѣ не то и не другое?..

— Да, будущее необходимо имѣть въ виду... Скажите, вы возьмете ее съ собою?..

— Куда?..

— Въ дальнѣйшія наши путешествія?..

— Я еще не рѣшилъ этого...

— Придется взять... Иначе, на кого-же вы рассчитываете, оставивъ ее тутъ?.. Вы знаете ея происхожденіе, и какъ къ нему, къ ея племени, относятся всѣ здѣшніе жители... Было-бы неблагоразумно оставить ее одну, на произволъ всякихъ случайностей: она-бы кончила тѣмъ, что, поддавшись искушенію, представляемому свободой и одиночествомъ, улетѣла-бы къ своимъ...

— Ваша правда!.. Но, съ другой стороны, если-бы вы знали какъ мнѣ не хочется брать ее съ собою въ эти далекія путешествія!..

— Но какъ-же вы иначе поступите?..

— Приходите завтра къ намъ, и тогда увидите, какъ поступить въ данномъ случаѣ... Увидите и *детали* нашего счастья, которыя невозможно *здѣсь* передъ вами развернуть!.. Это цѣлая картина, нарисованная на стѣнахъ нашего домика, и потому надо придти *туда*, чтобы ее видѣть! И кѣмъ она нарисована?.. *Ею*, этимъ страннымъ существомъ, не умѣющимъ ни говорить настоящимъ человѣческимъ языкомъ, ни владѣть тайнами кисти и красокъ, о которыхъ и представленія никакого не имѣется у ней!..

— Хорошо,— сказалъ я,— приду непременно... У васъ тамъ, какъ я вижу, цѣлый романъ, и вы меня заинтересовали чрезвычайно!..

Онъ ушелъ.

На другой день я отправился къ нимъ обѣдать. Аи меня встрѣтила скромно-лукавыми, потупленными взорами женщины, которая знаетъ уже силу своего обаянія и любовь мужчины, но встрѣтила радушно и съ обычною своею граціей. Сѣли за столъ. Сначала она вела себя сдержанно, видимо — стѣсняясь меня; но, постепенно, живость и веселость вернулись въ ней, и ея звонкій голосокъ, дѣтскій лепетъ, улыбки и смѣхъ наполнили комнату... Нельзя было понять ея страннаго языка, въ которомъ все были односложный и очень рѣдко двусложныя слова, состоявшія большей частью изъ гласныхъ звуковъ, но чувствовалось что-то милое, граціозное и дѣтски-простодушное въ этомъ серебристомъ, чисто птичьемъ щебетаніи! И мнѣ казалось, что я понимаю этотъ языкъ, а Ваджери, безъ сомнѣнія, давно его сталъ понимать!.. Когда кончился обѣдъ, она быстро и ловко убрала остатки его въ кухню, едва касаясь маленькими ножками своими пола и слегка шевеля красивыми и блестящими темносиними крыльями, точно собираясь летѣть; вернувшись къ намъ, раскраснѣвшаяся, съ пышными черными волосами, въ которые воткнута была великолѣпная краснорозовая звѣзда-цвѣтокъ, и съ огнемъ страсти въ очаровательномъ большомъ черномъ глазѣ, вдругъ запѣла намъ одну изъ своихъ пѣсень...

Ваджери крикнулъ «браво» и сталъ слушать... Я тоже сталъ слушать, не будучи, однако, въ силахъ удалить отъ себя рокового воспоминанія, связаннаго съ этимъ пѣніемъ... И я замѣтилъ, что онъ, по мѣрѣ того, какъ пѣсня разливалась и разгоралась чѣмъ-то долго и неудержимо-страстнымъ, сталъ часто мигать глазами, потомъ закрылъ ихъ совсѣмъ и... уснулъ!.. Тогда она съ громкимъ хохотомъ внезапно оборвала пѣсню и, бросившись къ нему, повисла у него на шеѣ, осыпая его безумными, огненными поцѣлуями, перемѣшанными съ не менѣе безумными восклицаніями на своемъ языкѣ...

Онъ вдругъ встрепенулся и, вставъ съ мѣста, взялъ ее, какъ ребенка, на руки и, поцѣловавъ крѣпко и нѣсколько разъ, тихо опустилъ на полъ... Тогда она какъ-бы опомнилась отъ своего увлеченія и, густо покраснѣвъ, стрѣлою выбѣжала изъ комнаты...

— Ай!— крикнулъ онъ:— Куда ты?..

Но отвѣта не было, и Ай не появлялась...

— А вы заснули!— замѣтилъ я, улыбаясь...

— Да! Представьте себѣ, и на меня сталъ находить этотъ сонъ въ подобныхъ случаяхъ, какъ на нашихъ сосѣдей! Но нашихъ бѣдныхъ сосѣдей приводитъ онъ къ вѣчности, а меня, какъ видите, къ поцѣлуямъ и къ жизни!.. И виною такого обратнаго исхода сна — *любовь!*..

— Такъ съ вами уже не разъ это случалось?..

— Это, кажется, въ третій разъ, и исключительно — послѣ обѣда, когда она вздумаетъ запѣть какую-нибудь мечтательно-страстную мелодію, подобную этой... Живыя-же и игривыя пѣсенки ея не имѣютъ такой магнетической, усыпляющей силы... Удивительное, право, созданіе, какъ и все племя, къ которому она принадлежитъ!.. Не правда-ли, остроумное средство добывать пропитаніе, полученное отъ матери-природы этимъ племенемъ?..

— Да,— согласился я,— и я боюсь, не злая-ли это иронія ея надъ поэзіей и искусствомъ вообще человѣческаго рода?..

Мы разстались, и я ушелъ къ себѣ, съ массою думъ и впечатлѣній, возбужденныхъ этимъ необыкновеннымъ семейнымъ союзомъ двухъ совершенно различныхъ существъ изъ двухъ противоположныхъ міровъ, удаленныхъ другъ отъ друга на неизмѣримо-громадное разстояніе... «Да», размышлялъ я, «любовь, дѣйствительно, и зло способна преобразить въ благо и добро: тамъ, гдѣ привыкли душиить и сѣдять подобно свирѣпымъ звѣрямъ, вдругъ цѣлуютъ и обнимаютъ, возвращая человѣка къ самому пріятному пробужденію отъ неожиданнаго сна... Но на всю-ли жизнь хватить этой благодѣтельной любви»?..

XI.

Незамѣтно прошло почти два мѣсяца, какъ мы находились въ жаркихъ или тропическихъ странахъ Мимаса, гдѣ жаръ, впрочемъ, никогда не переходитъ за норму 30°. Надо было удѣлить время обзору и умѣренныхъ странъ этой замѣчательной планеты, этого небольшого уголка огромнаго царства Сатурна! Наконецъ, предстояло еще знакомство и съ другими спутниками его, которыхъ оставалось еще *семь!* Что тамъ, на этихъ семи планетахъ, изъ которыхъ Титанъ, напримѣръ, превосходитъ величиною не только Меркурія, но и Марса.

И мы отправились въ этотъ обзоръ, и Ваджери съ нами, и съ нимъ его Ай. Но онъ объявилъ намъ, что путешествія его закончатся знакомствомъ съ послѣднимъ спутникомъ Сатурна, Япетомъ, и что онъ дальше никуда не полетитъ — ни къ Урану, ни къ Нептуну, потому что не считаетъ интереснымъ для себя знакомиться съ царствами вѣчнаго мрака и холода, какими, по его мнѣнію, должны быть эти двѣ крайнія планеты солнечнаго міра... Съ Япета онъ вернется на Мимасъ, гдѣ станетъ дожидаться возвращенія своихъ изъ дальнѣйшихъ путешествій, чтобы вмѣстѣ съ ними вернуться наконецъ на родину, къ своему Марсу...

Страны умѣренныхъ поясовъ на Мимасѣ, который мы посѣтили, отличаются разнообразіемъ мѣстности, небольшимъ количествомъ теплоты и бѣдностью флоры и фауны. Теплоты здѣсь не бываетъ свѣше 18°, и она, естественно, по мѣрѣ удаленія къ сѣверу или къ югу, прогрессивно уменьшается, такъ что не только полярныя страны становятся уже холодными и необитаемыми, но и значительная часть умѣренныхъ, начиная отъ 50-хъ параллелей. Въ сѣверныхъ умѣренныхъ странахъ застали мы лѣто, въ южныхъ — зиму, съ морозами до 20°...

Только изрѣдка мы встрѣчали въ этихъ странахъ поселенія одноглазыхъ людей. Они всегда были вытянуты въ одну линію небольшихъ домиковъ, въ 2, 3 и даже въ 4 окна, и притомъ непременно деревянныхъ, окруженныхъ съ трехъ сторонъ дворами и садами, и построенныхъ, большей частью, по одному плану, принятому повсюду. Число домовъ рѣдко превышало 35, доходя до 40, и понижалось очень часто до 5—6.

— Нѣтъ сомнѣнія,— разсуждали мы,— что мы видимъ жалкіе остатки цивилизаціи, блиставшей нѣкогда большими и многолюдными городами, которыхъ и слѣда не осталось!

— А можетъ быть, было только немногимъ больше того, что видимъ!

— Почему-же такъ?.. Если природа планеты была нѣкогда очень богата, въ чемъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ всѣ данныя для этого имѣлись, то, значить, и проявленія человѣческой жизни были несравненно полнѣе и богаче нынѣшнихъ!

Нигдѣ въ умѣренныхъ странахъ мы не видѣли крылатыхъ существъ человѣческой породы. Отсутствіе ихъ здѣсь объясняется холодными зимами съ снѣгами и морозами, которыхъ не бываетъ въ экваторіальныхъ странахъ, гдѣ температура, въ извѣстные періоды, понижается только до 15°—14°, но никакъ не больше. Крылатые, привыкшіе жить въ пещерахъ, не могли-бы оставаться въ нихъ на зимнее время — съ холодомъ, доходящимъ нерѣдко до 30°.

Цивилизованные одноглазые люди, живущіе поселками, не имѣютъ, однако, никакой письменности; не смотря на всѣ наши старанія найти ее у нихъ во что-бы то ни стало, мы не нашли ничего подобнаго. Мы всегда посѣщали нѣсколько домиковъ въ каждомъ замѣченномъ нами поселкѣ, гдѣ насъ принимали весьма радушно и съ уваженіемъ, дивясь всему, что видѣли въ насъ и у насъ, но нигдѣ не показывали намъ ни книгъ и вообще никакихъ орудій письменности, не смотря на наши усердные разспросы, сопровождаемые жестами и рисунками... Въ отвѣтъ на все это они только отрицательно качали головами, съ крайнимъ изумленіемъ и любопытствомъ разсматривая наши книги, бумагу и карандаши, изъ чего мы неизбѣжно должны были заключить, что ничего подобнаго у нихъ не существуетъ...

Чему это приписать?.. Тому-ли, что расцвѣтъ цивилизаціи, нѣкогда украшавшей собою свѣтлое полушаріе Мимаса, такъ уже отдалило отъ насъ время, что исчезли изъ памяти потомства и воспоминанія о ея могучемъ орудіи, представляемомъ письменнымъ словомъ, или-же тому, что она, эта минувшая цивилизація, выражалась исключительно въ устройствѣ одного матеріальнаго быта людей, безъ всякихъ заботъ объ ихъ духовныхъ потребностяхъ?..

Религіознаго культа также мы не замѣтили никакого у этихъ людей, но такъ какъ потребность религіи сознается каждымъ человѣческимъ племенемъ, то мы пришли къ заключенію, что обитатели Мимаса, вѣроятно, поклоняются своему Сатурну, возсылая ему молитвы не сообщая, какъ, можетъ быть, было въ отдаленныя времена, а въ тиши своихъ домовъ, семейнымъ образомъ. Если давно успѣли исчезнуть грандіозныя проявленія цивилизаціи, въ видѣ многолудныхъ и великолѣпныхъ городовъ, то, естественно, не могло остаться и обычая строить, напр., храмы, украшавшіе собою эти города.

XII.

Три слѣдующіе за Мимасомъ спутника Сатурна — *Энцеладъ*, *Θетида* и *Діона*. Первый отдаленъ отъ него на 268,419 верстъ, вторая на 341,800 в., третья на 372,000 в. Вращаются они, подобно Мимасу, такъ, что постоянно показываютъ Сатурну однѣ и тѣ-же стороны свои, оставляя другія въ вѣчномъ мракѣ и холодѣ. Энцеладъ совершаетъ это вращеніе въ 33

часа, Тетида въ 45 часовъ, Діона въ 66 часовъ. Такимъ образомъ, на разстояніи значительно меньшемъ, чѣмъ разстояніе Луны отъ Земли, они, однако, въ 28 (Энц.), 27 (Тет.) и 14 разъ (Діона) быстрѣ Луны движутся вокругъ своей главной планеты, то-есть, весьма мало уступаютъ Мимасу въ быстротѣ вращенія!..

Величина ихъ, какъ и Мимаса, незначительна: всѣ три почти равны ему, стало быть, всѣ три меньше Луны.

Сутки на Энцеладѣ состоятъ изъ 33 часовъ, хотя на одной сторонѣ планеты вѣчный день, а на другой — вѣчная ночь. Сатурнъ здѣсь является шаромъ въ два раза меньше, чѣмъ на Мимасѣ, и даетъ почти вдвое меньше теплоты и свѣта: въ экваторіальныхъ странахъ его лѣтняя температура не превышаетъ нормы 20°, а зимняя уменьшается до 10° и 9° тепла. Вслѣдствіе этого и флора, и фауна отличаются замѣчательной бѣдностью. Цвѣтъ флоры и формы ея — тѣ-же, что на Мимасѣ, и въ породѣ животныхъ — то-же одноглазіе.

Въ умѣренныхъ странахъ, которыя здѣсь слѣдуетъ называть холодными, тогда какъ тропическія — не жаркими, а умѣренными,— въ этихъ «умѣренныхъ» странахъ лѣто бываетъ короткое и холодное, а зима за то продолжительная и суровая, съ холодами въ 40° и 45°... Здѣсь уже за 30 параллелями (въ обоихъ полушаріяхъ) начинаются области полярныхъ странъ, то-есть, царство почти постоянныхъ снѣговъ и льдовъ... Жизнь на этой планетѣ, такимъ образомъ, сосредоточена, по преимуществу, въ экваторіальныхъ странахъ.

Здѣсь мы видѣли и людей, такихъ-же одноглазыхъ, и живущихъ почти такъ-же какъ на Мимасѣ — обществами или поселками въ 15, 20 и 30 домовъ, деревянныхъ и небольшихъ, съ совершенно плоскими крышами. Но за то эти поселки представляютъ большіе квадратные участки почвы, застроенные по краямъ домами съ ихъ дворами, а внутри заключающіе общую ниву съ садомъ и огородомъ, которую обрабатываютъ всѣ жители поселка сообща. Такимъ образомъ поселки суть общины, общими трудами сѣющія себѣ хлѣбъ, овощи и другія полезныя растенія, и распредѣляющія по-ровну между собою продукты хлѣбопашества, садоводства и огородничества. Въ обычаѣ между жителями пользоваться сообща даже различными ремеслами, и съ этой цѣлью на каждомъ дворѣ существуетъ одна какая-нибудь мастерская, напр., на одномъ дворѣ кузница, на другомъ — слесарня, на третьемъ — плотничная или столярная и т. д. Словомъ, обитатели Энцелада, по принципамъ своимъ, коммунисты, признающіе частную собственность только въ видѣ домовъ и домашней утвари, и даже на свои дворы смотрящіе какъ на общую территорію, потому что на нихъ помѣщаются общественныя мастерскія.

Это люди высокаго роста, съ блѣдножелтыми лицами, съ волосами пепельнаго цвѣта на головѣ и бородѣ, съ довольно красивыми и выразительными фізіономіями, но слишкомъ серьезные и мало привѣтливые къ иностранцамъ. Энергія, неустрашимость и привычка къ постоянному тяжелому труду свѣтятся въ ихъ умныхъ фізіономіяхъ, рѣдко даже поддающихся улыбка... Они насъ очень сдержанно принимали въ своихъ домахъ, убранныхъ такъ-же просто, какъ у мимаситовъ, никогда ничѣмъ не угощали, равнодушно выслушивали наши непонятныя имъ рѣчи и чертежи на бумагѣ, но за то очень подробно и съ большимъ интересомъ разсматривали устройство нашихъ птицъ... Явное удивленіе выказывали ихъ наблюдательные глаза при полетѣ птицъ, и я думаю, что они, воспользовавшись подробно разсмотрѣннымъ механизмомъ нашихъ летательныхъ снарядовъ, устроятъ, пожалуй, и себѣ такихъ-же точно птицъ!..

На Энцеладѣ мы увидѣли одно въ высшей степени замѣчательное явленіе въ области фауны, а именно — крылатыхъ обезьянъ. Это довольно благообразныя твари, маленькаго роста одноглазые, съ коротенькими руками и ногами, но съ огромными крыльями,

покрытия темнокрасною шерстью, которая на головѣ образуетъ цѣлые стога курчавой, совсѣмъ почти черной, шевелюры, похожіе на шапки. Онѣ питаются растительной пищей и живутъ въ пещерахъ, которыя наполняютъ мохомъ, травами и запасами разныхъ плодовъ. Люди ихъ очень не любятъ, такъ какъ онѣ, нерѣдко, дѣлаютъ нашествія на ихъ сады и огороды, очень чувствительно опустошая ихъ; въ садахъ и огородахъ, поэтому, всегда дежурятъ два или три сторожа, съ огромными дубинами въ рукахъ, которыми они прогоняютъ крылатыхъ воровъ...

На нашихъ глазахъ случилось однажды цѣлое сраженіе въ которомъ, подъ конецъ, и мы приняли участіе, ограждая собственность людей отъ хищниковъ: штукъ десять крылатыхъ воровъ напали на одинъ довольно обширный садъ и принялись грабить его, срывая плоды цѣлыми вѣтками (чтобы поболѣе захватить ихъ) и портя, такимъ образомъ, самыя деревья... Въ саду оказалось всего двое сторожей,— и нужно было видѣть ихъ отчаяніе, когда они увидѣли, что имъ не совладать съ цѣлою шайкой грабителей! Своими дубинами они могли отогнать только двухъ-трехъ изъ нихъ, тогда какъ семь-восемь остальныхъ могли безнаказанно распоряжаться въ разныхъ мѣстахъ сада! На ихъ крики прибѣжало еще двое человѣкъ, но все-таки этого было недостаточно — противъ десяти! Тогда мы, оставивъ своихъ птицъ, вошли въ садъ и принялись стрѣлять въ хищниковъ изъ револьверовъ — холостыми зарядами... Неожиданные наши громы и молніи такъ напугали и воровъ, и самихъ хозяевъ, что всѣ бросились въ разсыпную, кто куда попало, роняя въ своемъ бѣгствѣ и награбленную добычу, и свое оружіе противъ грабителей, дубины!.. Мы долго потомъ смѣялись этому траги-комическому происшествію, а возлюбленная Ваджери, Аи, больше всѣхъ!..

— Все это — твое царство, моя милая!— говорилъ онъ ей:— царство вашего Сатурна, который всѣмъ вамъ даетъ и свѣтъ, и теплоту, подъ вліяніемъ котораго вы рождаетесь и ведете изо-дня-въ-день вашу жизнь!..

Ея воображеніе въ особенности было поражено *перелетомъ* черезъ пустое и темное пространство между двумя планетами, при которомъ одна изъ нихъ постепенно исчезала и исчезала, и, наконецъ, совсѣмъ исчезла, уступивъ мѣсто пустотѣ и мраку, а другая, послѣ нѣкотораго промежутка времени, вдругъ стала расти и расти, и выросла наконецъ въ такой-же точно міръ, какъ недавно покинутая родина, только съ нѣкоторыми особенностями...

Наша бесѣда по поводу крылатыхъ обезьянъ происходила на крошечномъ островкѣ среди огромнаго моря, которое прорѣзываетъ экваторіальныя страны Энцелада съ сѣвера на югъ служа продолженіемъ двухъ еще большихъ морей, омывающихъ сѣверное и южное полушаріе планеты. Островокъ былъ покрытъ густою растительностью всякаго рода, а вокругъ него шумѣло безпредѣльное море — своими свинцовыми волнами съ пѣной желтоватаго цвѣта, поднимаемыми довольно крѣпкимъ вѣтромъ, и вогнутые бока этихъ полусердитыхъ, полуласковыхъ волнъ освѣщало дневное свѣтило съ темнозеленаго неба... Сколько простору и свѣту кругомъ, сколько воздуха здороваго, свѣжаго, бальзамическаго! Чудная картина!..

XIII.

Сатурнъ съ *Θетиды* является еще меньшимъ шаромъ, чѣмъ съ Энцелада, но не въ два раза меньше, какъ онъ представляется на Энцеладѣ тому, кто наблюдаетъ его съ Мимаса: если съ Энцелада онъ кажется шаромъ въ 450 разъ больше полной Луны, то съ *Θетиды* онъ больше ея въ 340 разъ. Вслѣдствіе этого, количество теплоты на этой планетѣ весьма немногимъ меньше того, какое получается на Энцеладѣ, а въ силѣ свѣта не замѣчается ни

малейшей разницы. Сутки на *Θетида* состоятъ изъ 45 часовъ, т.-е. на 12 часовъ больше, чѣмъ на *Энцеладѣ*.

Θетида — почти повтореніе *Энцелада*: та-же флора шоколаднаго цвѣта и одноглазая фауна, тѣ-же крылатые обезьяны и тѣ-же люди — коммунисты, то-же сосредоточеніе жизни въ экваторіальныхъ странахъ, гдѣ побольше теплоты и свѣта, гдѣ не бываетъ ни рѣзкихъ холодовъ, ни снѣговъ. Немного разницы замѣчается только въ бытѣ людей: вмѣсто небольшихъ деревянныхъ домовъ, они строятъ себѣ просторные каменные, въ 5, 6 и 7 оконъ, съ высокими крышами, которыя покрываются тонкими квадратными плитами изъ особеннаго мягкаго камня, твердѣющаго подъ теплыми лучами *Сатурна* такъ, что потомъ никакіе дожди не въ состояніи размывать его. Наконецъ, и сами люди, такіе-же рослые и красивые, но съ цвѣтомъ кожи и волосъ значительно темнѣе, до такой степени оказались несообщительными и замкнутыми въ себѣ, что нигдѣ, ни въ одномъ поселкѣ, не только не приглашали насъ въ дома, но и на дворы, и мало выказывали любознательности, глядя на нашихъ птицъ.

— Да,— разсуждали мы — это не на *Мимасѣ*! Какая разница между обитателями трехъ планетъ!

— Почти контрастъ!

— На *Мимасѣ*,— шутилъ *Ваджери*,— не только примутъ и угостятъ тебя, но даже и развлеченіе можешь получить, попавшись гдѣ-нибудь на глаза крылатымъ артистамъ!..

— Но, по крайней мѣрѣ, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что знаемъ *причину* такого контраста: уменьшеніе теплоты и свѣта!

— Только одно не утѣшительно: и на этихъ двухъ планетахъ, какъ на *Мимасѣ*, мы видимъ не болѣе, какъ жалкіе остатки отдаленной отъ нашихъ временъ могущественной цивилизаціи, погибшей безвозвратно...

— Что дѣлать! Общая участь всего живущаго! Придетъ время, когда и на нашемъ *Марсѣ* какіе-нибудь туристы въ родѣ насъ найдутъ то-же самое, что мы находимъ теперь на спутникахъ *Сатурна*...

— Не говорите мнѣ этого,— больно слышать! Чтобы наша прекрасная и великая цивилизація, съ ея почти послѣднимъ словомъ науки и искусства, исчезла когда-нибудь, превратилась въ ничто, оставивъ послѣ себя какіе-нибудь жалкіе обломки! Я не могу представить себѣ этого!..

30,200 верстъ отдѣляютъ *Θетиду* отъ *Діоны*.

Сатурнъ съ *Діоны* является уже въ 264 раза больше *Луны*, стало быть небольшой только цифры не хватаетъ (39) для того, чтобы онъ являлся здѣсь *вдвое* меньше, чѣмъ на *Энцеладѣ*. Поэтому теплоты на *Діонѣ* значительно уже меньше, чѣмъ на предыдущихъ двухъ планетахъ, а вслѣдствіе этого и проявленія жизни скуднѣе и ограниченнѣе, чѣмъ тамъ. Сутки слагаются изъ 66 часовъ,— вдвое продолжительнѣе, чѣмъ на *Энцеладѣ*, и почти втрое, чѣмъ на *Мимасѣ*.

Въ двухъ умѣренныхъ поясахъ *Діоны* (не говоря уже о холодныхъ) почти постоянное царство холода, почему они совершенно необитаемы, а въ экваторальномъ бываютъ уже зимы со снѣгами и льдами, и съ морозами, доходящими до 15°; лѣтомъ-же температура никогда не поднимается выше 16°, упадая нерѣдко до 10° и 9°... Хлѣбопашества, поэтому, здѣсь не существуетъ, плоды и овощи рѣдко вызрѣваютъ, и бѣдные обитатели одноглазой человѣческой породы принуждены питаться исключительно мясною и молочною пищею, получаемую отъ домашняго скота...

Они малорослы, темножелтой кожи и некрасивы, и живутъ тѣми-же небольшими поселками съ каменными домами, но построенными грубо и разбросанно, безъ всякаго плана или порядка. Общиннаго начала у нихъ нѣтъ, а каждый живетъ самъ по себѣ, стараясь быть въ мирѣ съ сосѣдями и взаимно дѣлиться съ ними услугами. Подобно обитателямъ *Θетида*, они также непривѣтливы къ иностранцамъ, и не удостоили насъ приглашеніемъ ни въ дома свои, ни во дворы; летательныя машины наши тоже мало интересовали ихъ...

— Ну діониты — совсѣмъ непривлекательная раса людей! — воскликнулъ Ваджери...

— Да, очень мало данныхъ у нихъ быть привлекательными!

— Скажите лучше — совсѣмъ нѣтъ! Не взяли ни лицомъ, ни нравомъ, какъ говорятъ у насъ на Марсѣ!..

— Мы присутствуемъ, кажется, на эпилогѣ драмы...

— Нѣтъ погодите немного: можетъ быть, на концѣ послѣднаго акта... Эпилогъ, по всей вѣроятности, на слѣдующемъ спутникѣ...

Да, печально видѣть послѣдніе остатки жизненной дѣятельности, и еще печальнѣе находить, что представители этихъ послѣднихъ остатковъ не задѣваютъ въ насъ симпатичныхъ струнъ, не радуютъ ничѣмъ нашихъ глазъ, не согрѣваютъ ничѣмъ нашихъ сердець!.. Бѣдная *Діона*, готовящаяся къ окончательному замерзанію — со своей свѣтлошоколаднаго цвѣта флорой, давно уже знающею, что такое снѣга, и льды, со своею фауною, изъ области которой исчезли уже обезьяны и многіе виды, живущіе еще на *Энцеладѣ* и *Θетидѣ*, со своими наконецъ людьми, грубыми, некрасивыми, непривѣтливими, живущими больше инстинктивно, чѣмъ сознательно, безъ порядка въ постройкахъ жилищъ, безъ стремленій къ лучшему въ умахъ и сердцахъ!.. Не виноваты люди, что такова послѣдняя участь всего живущаго, но тяжело и печально смотрѣть на нихъ, присутствуя при ихъ послѣдней участи!..

XIV.

Остальные четыре спутника Сатурна — *Рея*, *Титанъ*, *Гиперіонъ* и *Япетъ*. Они такъ отдалены отъ него, что за исключеніемъ перваго, разстоянія ихъ считаются уже милліонами: *Титанъ* вращается на разстояніи 1,394,000 верстъ, *Гиперіонъ* — 1,686,000 в., *Япетъ* — 4,034,000 в. *Рея*-же отстоитъ отъ Сатурна на 605,400 верстъ.

Япетъ, самый отдаленный отъ Сатурна, отдаленъ и отъ прочихъ спутниковъ его, — на 2,348,000 верстъ, почему его слѣдуетъ считать совершенно изолированнымъ спутникомъ-планетой.

За исключеніемъ *Гиперіона*, эти спутники отличаются, кромѣ того, и значительной величиною своей: *Рея* равняется *Лунѣ*, *Титанъ* больше *Марса*, *Япетъ* равенъ *Меркурію*. Одинъ *Гиперіонъ* входитъ въ разрядъ первыхъ четырехъ, которые величиною своей меньше *Луны*.

И эти четыре обращаются такъ-же вокругъ Сатурна, какъ и те, — показывая ему всегда одну и ту-же сторону, и вращаясь, вслѣдствіе этого, одновременно и на осяхъ своихъ; и такъ какъ орбиты ихъ гораздо длиннее орбитъ первыхъ четырехъ, то и сутки ихъ отличаются значительной продолжительностью, особенно самаго отдаленнаго изъ нихъ, *Япета*; *Рея* совершаетъ свое обращеніе вокругъ Сатурна, или дѣлаетъ свои сутки въ теченіе 4½ сутокъ (земныхъ), *Титанъ* — въ 15 сутокъ и 22 часа, *Гиперіонъ* — въ 21 сутки и 7 часовъ, и, наконецъ, *Япетъ* — въ теченіе 79 сутокъ и 9 часовъ, стало быть сутки его почти *втрое* долѣе лунныхъ сутокъ; но такъ какъ онъ вращается на такомъ разстояніи отъ Сатурна,

которое въ 11 разъ больше разстоянія Луны отъ Земли, то, наоборотъ, оказывается, что онъ несравненно быстрѣ Луны пробѣгаетъ свою орбиту, въ нѣсколько разъ обширнѣ орбиты Луны.

Но, увы!— изъ этихъ отдаленныхъ и крупныхъ спутниковъ Сатурна одна только Рея пока еще обитаема, если обитаемостью можно назвать те жалкіе остатки жизни, которые мы нашли на ней!

Здѣсь только экваторіальныя страны представляютъ еще нѣкоторое убѣжище отъ постояннаго царства зимы, которая овладѣла почти всей планетой: температура повышается здѣсь до 11° , но за то и падаетъ такъ, что открываетъ доступъ холодамъ въ 30° ... Вслѣдствіе этого, деревья постоянно безъ листьевъ, травы рѣдки и плохи, а цвѣтовъ и плодовъ нѣтъ совсѣмъ; цвѣтъ растительности уже не шоколадный, а сѣропепельный, чахлаго вида... Бѣдная флора! Она живетъ только для того, чтобы вѣчно бороться со смертью!.. Фауна также не счастливѣе ея: уцѣлѣли только такія животныя, которыя могутъ мириться съ полутепломъ въ 10° — 11° и съ жестокимъ холодомъ въ 30° ...

Такъ какъ вращеніе спутниковъ вокругъ Сатурна, вращеніе весьма быстрое, обуславливаетъ и времена года на нихъ, то можно представить себѣ, какъ эти времена года кратковременны, и съ какою быстротою смѣняются они другъ друга! На Реѣ, напр., годъ (или, что все одно, сутки) состоитъ изъ $4\frac{1}{2}$ сутокъ земныхъ, и изъ этого количества времени $2\frac{1}{2}$ сутокъ занимаетъ лѣто, а остальные 2 сутокъ — зима!.. Можно удивляться только необычайной выносливости флоры, вѣчно переходящей, черезъ каждыя 2 сутокъ, то къ теплу въ 10° , то къ холоду въ 20° — 30° !..

Еще короче и быстрѣ смѣняются другъ другомъ времена года на Діонѣ, гдѣ годъ (или сутки) состоитъ изъ 66 часовъ, то-есть — изъ 2 сутокъ и 18 часовъ: но такъ какъ тамъ зимній холодъ не переходитъ за норму 15° , то быстрыя смѣны холода тепломъ и, наоборотъ, не оказываются слишкомъ рѣзкими ни для флоры, ни для фауны...

И только тамъ, где царитъ постоянная теплота, хотя-бы и понижаемая, временами, до 10° , не замѣтны эти кратковременныя и быстро смѣняющія другъ друга времена года: такъ бываетъ въ экваторіальныхъ странахъ Мимаса, Энцелада и Тетиды. На Мимасѣ, какъ мы уже знаемъ, и совсѣмъ нѣтъ временъ года, а существуетъ одно лѣто.

Среди безлистныхъ деревьевъ и кустарниковъ Реи, на равнинахъ, сегодня занесенныхъ снѣгомъ, а завтра быстро успѣвающихъ освободиться отъ него и выказать скудную растительность въ видѣ тощей травы (которую черезъ двое сутокъ опять покроетъ снѣгъ),— въ этихъ скучныхъ и однообразныхъ мѣстахъ мы встрѣчали кое-гдѣ жалкіе земляные дома, возвышающіеся надъ почвою только своими конусообразными крышами, а дверями уходящіе въ почву... Конусы, т.-е. дома были обведены неправильной формы оградами, сложенными изъ дикаго камня, и на этихъ дворахъ красовались еще деревянныя постройки для домашняго скота, похожія на наши сараи... Дворы иногда примыкали другъ къ другу, чаще-же расположены были отдѣльно и безъ всякаго порядка, разбросанно, ютятся только на берегу какой-нибудь рѣки, ведущей нескончаемую борьбу со льдами и снѣгами, которые тщетно пытаются наложить на нее свои холодныя оковы...

На этихъ дворахъ мы видѣли иногда существъ человѣческой породы, одноглазыхъ, небольшого роста, некрасивыхъ и неуклюжихъ, темнокожихъ и темноволосыхъ, одѣтыхъ съ головы до ногъ въ звѣриныя мѣха... Они съ тупымъ и какимъ-то угрюмымъ изумленіемъ глядѣли на наши перелеты надъ ихъ головами, стоя неподвижно, какъ статуи, на одномъ мѣстѣ, пока мы не скрывались изъ поля ихъ зрѣнія... Это были обитатели Реи!..

— Вотъ вамъ и *эпилогъ* драмы!— разсуждали мы...

— Или послѣдніе могиканы!

— Но почему они живутъ въ землянкахъ?.. Обычай-ли это старины, или условія настоящаго создали такой обычай?..

— Кажется, второе вѣрнѣе: отъ этихъ рѣзкихъ и скоро слѣдующихъ другъ за другомъ измѣненій температуры невозможно успѣшно укрываться за деревянными или каменными стѣнами на поверхности почвы... *Въ самой почвѣ* только и можно укрыться отъ нихъ!

— А эти костюмы изъ звѣриныхъ кожъ?..

— О томъ-же говорятъ!

— Или о томъ, что не осталось болѣе умѣнья готовить себѣ иную одежду!..

— Да и матеріалу нѣтъ! Гдѣ, напримѣръ, лёнъ, или другой какой-нибудь злакъ, когда могутъ произрастать однѣ лишь травы?

— Наконецъ подобный климатъ прямо заставляетъ одѣваться въ мѣха!..

— И чѣмъ-же они питаются?..

— Конечно, отъ своего домашняго скота...

— Или охотою за какою-нибудь дичью...

— Бѣдные, бѣдные!..

— А вѣдь и эти люди, вѣроятно, не безъ блестящаго прошлаго! И на этой планетѣ существовала нѣкогда, надо полагать, солидная цивилизація... выродившаяся, въ наше время, въ земляные дома!..

— И въ одежды изъ звѣриныхъ мѣховъ!..

Мы не познакомились лично съ этими жалкими и угрюмыми остатками человѣчества, умѣвшаго, конечно, въ свое время, какъ и вездѣ во вселенной, не безъ достойныхъ дѣлъ прожить лучшую пору своей жизни...

XV.

Титанъ, Гиперіонъ и Япетъ, всѣ три — царства уже вѣчной зимы. На первыхъ двухъ Сатурнъ еще настолько грѣетъ, что постоянные холода въ 30° и 40° иногда уменьшаются до 15° и 13°, и снѣга на открытыхъ мѣстахъ протаиваютъ до почвы — подъ полуденными лучами свѣтила; но стоитъ ему склониться въ сторону горизонта,— и таяніе мгновенно прекращается, а разыгравшаяся метель вслѣдъ затѣмъ заноситъ снова снѣгомъ оттаявшія мѣста...

Любопытно, что растительность можетъ еще существовать — въ видѣ постоянно голыхъ деревьевъ и кустарниковъ, покрытыхъ инеемъ, и мховъ, которые мы находили въ изобиліи на оттаявшихъ мѣстахъ почвы!.. Но ни животныхъ, ни людей, ни даже признаковъ какихъ-нибудь жилищъ мы нигдѣ не встрѣчали...

— Могилы человѣчества,— восклицали мы,— существовавшаго и здѣсь когда-то, въ свое время!..

Титанъ — большая планета, превосходящая величиной своей даже Марса, съ разнообразными пейзажами горныхъ мѣстностей, долинъ, низменностей и морей, повсюду покрытыхъ саваномъ зимы; и только моря еще угрюмо блестятъ своими холодными, сѣро-свинцоваго цвѣта, водами, нося на себѣ громадныя глыбы льдовъ...

Гиперіонъ — малая планета: онъ меньше Луны, и отличается чрезвычайно гористою мѣстностью и высокими горными пиками, между которыми озера и моря заключены какъ между гигантскими стѣнами, не оставляющими нигдѣ никакихъ проходовъ къ своимъ водохранилищамъ... Поразительно-дикія и величественныя картины!..

Сатурнъ съ Гиперіона является шаромъ, не болѣе какъ въ 16 разъ больше полной Луны...

Япетъ, отдаленный отъ своей главной планеты на 4,034,000 верстъ, изолированный притомъ и отъ прочихъ спутниковъ, отъ которыхъ отдѣляетъ его пространство въ 2,348,000 верстъ, есть уже настоящая могила всякой органической жизни: на немъ нѣтъ уже и голыхъ деревьевъ и кустарниковъ, и только одни водныя пространства кое-гдѣ сверкаютъ еще, полускованные льдами, разнообразя немного монотонную панораму повсемѣстнаго снѣжнаго покрова... Холода постоянно держатся на нормѣ 45° , доходя нерѣдко до 50° и 55° ...

Япетъ величиной своей равняется Меркурію; но какая разница между этими двумя планетами! Тамъ — органическая жизнь только еще началась, здѣсь — она успѣла уже придти къ совершенному концу, и, вѣроятно, давно!..

Сатурнъ съ Япета оказывается только въ 4 раза больше полной Луны.

Отлетая съ этого послѣдняго спутника Сатурна, мы раздѣлились: семь изъ насъ отправились въ дальнѣйшія путешествія — къ Урану и Нептуну, а Ваджери съ Аи предпочелъ вернуться на Мимасъ, согласно своему намѣренію, о которомъ я говорилъ выше. Но прежде чѣмъ навсегда проститься намъ съ Сатурномъ и его спутниками, я нахожу нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько заключительныхъ словъ.

Сатурнъ въ 750 разъ больше Земли, такъ что это *вторая* планета по своей величинѣ въ солнечной системѣ. Онъ, какъ уже видѣли мы, полупогасшее Солнце; но когда онъ погаснетъ окончательно и готовъ будетъ къ проявленію органической жизни на своей поверхности, эта жизнь не можетъ развиваться на немъ: Солнце, въ силу своей чрезвычайной отдаленности отъ него, не можетъ питать на немъ никакой жизни...

Сатурнъ удаленъ отъ Солнца на 1,479,640,000 верстъ, то-есть — болѣе чѣмъ въ 10 разъ дальше Земли отъ него; Солнце на его небѣ должно казаться ничтожной маленькой горошиной, менѣе даже той, которая появляется періодически на небѣ Мимаса... И если на Мимасѣ оно не имѣетъ никакого значенія, то что-же оно можетъ значить за 151,500 верстъ дальше?..

Свое обращеніе вокругъ Солнца Сатурнъ совершаетъ въ 29 земныхъ лѣтъ, то-есть — годъ его равняется 29 нашимъ годамъ. Такъ какъ сутки Сатурна состоятъ изъ 10 часовъ и 16 минутъ, то подобныхъ сутокъ въ его году оказывается 25,217... Необыкновенный календарь!

Такой чрезвычайно долгій годъ могъ-бы имѣть непосредственное вліяніе на обитателей Сатурна (если-бы они были); на обитателей-же его спутниковъ вліяніе этого долгаго года уравнивается вліяніемъ ихъ крайне короткихъ собственныхъ годовъ, и въ результатъ получается продолжительность челоѳческой жизни немногимъ больше земной: люди тамъ, въ большинствѣ, доживаютъ обыкновенно до 100 лѣтъ (земныхъ), а въ меньшинствѣ до 120 и до 130, что, однако, никому не кажется исключительнымъ явленіемъ.

Но если-бы существовали обитатели на самомъ Сатурнѣ, то и на нихъ вліяніе его крайне долгаго года уравнивалось-бы его весьма быстрымъ вращеніемъ на своей оси,— вращеніемъ, создающимъ крайне короткія сутки, и въ результатъ теоретически-долгая жизнь этихъ обитателей на практикѣ неизбѣжно подвергалась-бы значительному сокращенію: на жителей какой-бы ни было планеты *обязательнѣе всего* вліяетъ степень ея вращенія на своей оси, а потомъ уже и скорость или медленность ея обращенія вокругъ Солнца... И вращаясь наша Земля еще быстрѣе на своей оси, чѣмъ она вращается теперь,— жизнь ея обитателей была-бы еще короче того періода времени, который данъ ей въ удѣлъ...

ОПРОКИНУТЫЙ МІРЪ.

а разстояніи, 3,055,144,000 верстъ отъ Солнца движется *Уранъ* по своей орбитѣ вокругъ него, вмѣщающей въ себѣ 18,050,000,000 верстъ.

Это громадное пространство онъ пробѣгаетъ въ 84 года земныхъ; стало быть, орбита его почти втрое длиннѣ орбиты Сатурна.

Между планетами солнечной системы, *Уранъ* по величинѣ своей занимаетъ четвертое мѣсто, уступая третью Нептуну. Онъ въ 74 раза больше Земли, но въ 10 разъ съ дробью ($\frac{10}{74}$) меньше Сатурна. Между четырьмя *внешними* планетами, т.-е. самыми отдаленными отъ Солнца, онъ по величинѣ своей приближается къ Нептуну, тогда какъ Сатурнъ приближается къ Юпитеру; такимъ образомъ, восемь крупныхъ планетъ солнечной системы распредѣляются по тремъ отдѣламъ: двѣ большихъ — Юпитеръ и Сатурнъ) двѣ средней величины — Нептунъ и *Уранъ*, и четыре малой величины — Земля, Венера, Марсъ и Меркурій. Эти четыре называются обыкновенно *внутренними* планетами, т.-е. близкими къ Солнцу.

Когда мы опустились на почву *Урана*, термометръ показывалъ 56° холоду, и была ночь. Снѣжные покровы лежали повсюду, — на небольшой равнинѣ, гдѣ мы остановились, на сосѣднихъ горахъ, на ровной, гладкой низменности влѣво отъ насъ, — вѣроятно озеръ, скованномъ льдами. Все было пусто, глухо и голо, — ни малѣйшаго кустика кругомъ, — и безоблачное темное небо, со своими звѣздами, глядѣло безучастно на эту унылую, печальную картину...

Два часа мы отдохнули, не выходя изъ будокъ, и полетели дальше — искать дня и тепла, если только они существуютъ въ этомъ мірѣ...

Есть особенныя стальныя булавки, съ насаженными на нихъ маленькими шариками, въ два-три раза больше простой булавочной головки. Такой именно шарикъ, часа черезъ три, мы увидѣли на западной сторонѣ неба... Это было Солнце, въ 9 разъ меньше того, которое появляется въ царствѣ Сатурна... Жидкіе и слабые лучи его чуть-чуть только разсѣвали мракъ, не грѣя нисколько, не давая ни малѣйшаго представленія о томъ *днѣ*, который посылаетъ оно болѣе счастливымъ планетамъ...

— И это *все*?.. — спрашивали мы другъ друга...

— Чего-же больше?..

— Но, можетъ быть, мы находимся на такомъ полушаріи *Урана*, гдѣ теперь зимнее время?..

— По Солнцу этого не видно: посмотрите, высота его очень значительна!..

Въ самомъ дѣлѣ, Солнце стояло высоко на темномъ небѣ, нисколько не затмевая блеска звѣздъ: положеніе его, очевидно, было лѣтнее, а не зимнее... Мы снова опустились на почву, желая этотъ «день» провести на одномъ мѣстѣ, чтобы узнать его точную продолжительность.

Черезъ 4 часа и 40 минутъ Солнце стало закатываться, но не на западномъ горизонтѣ, а на восточномъ. Оно двигалось очень быстро, изъ чего можно было заключить, что вращеніе *Урана* на оси очень быстрое, почти такое-же, какъ Сатурна или Юпитера. По закатѣ Солнца появились на западѣ, почти одновременно, два шара довольно значительной величины: одинъ былъ въ $5\frac{1}{2}$ разъ больше полной Луны, другой почти въ 3 раза. Это были два ближайшіе спутника *Урана*. Они очень слабо вырисовывались на ночномъ небѣ,

свѣтятся тѣмъ *пепельнымъ* свѣтомъ, который замѣчается на темномъ дискѣ Луны, показывающей намъ только четверть своего шара.

Мы съ интересомъ слѣдили и за теченіемъ ночи, и за спутниками. Почти въ срединѣ своего пути, большой настигъ меньшаго и покрылъ его собою; произошло, такимъ образомъ, затменіе одного спутника другимъ,— менѣе близкаго болѣе близкимъ. Послѣдній скоро скрылся за горизонтомъ, и взамѣнъ его на западѣ показался третій спутникъ; этотъ былъ вдвое больше Луны и показывалъ послѣднюю свою четверть, чуть блестя тѣмъ-же пепельнымъ свѣтомъ. Мы наблюдали ихъ въ трубы, гдѣ они оказывались въ пять разъ больше вышеприведенной, дѣйствительной величины своей, и гораздо замѣтнѣе выдѣлялись на небѣ.

Ночь минула черезъ 5 часовъ, и на западѣ стали показываться чуть замѣтныя ясныя полосы, предвѣщавшія восходъ миниатюрнаго дневнаго свѣтила...

Сложивъ 4 часа и 40 минутъ дня съ 5 часами ночи и прибавивъ къ нимъ около получаса времени, въ теченіе котораго мы увидѣли Солнце уже взошедшимъ — передъ прибытіемъ нашимъ на мѣсто наблюденій мы получили продолжительность сутокъ на Уранѣ,— 10 часовъ и около 10 минутъ. Слѣдовательно, сутки на Уранѣ — такой-же продолжительности, какъ на Сатурнѣ и Юпитерѣ; *точно-же* говоря, онѣ занимаютъ средину между тѣми и другими, т.-е. Уранъ такъ-же быстро вращается на своей оси, какъ Сатурнъ и Юпитеръ немногими только минутами — быстрѣе перваго и медленнѣе втораго.

Но въ его вращеніи и въ подоженіи относительно своей орбиты или пути вокругъ Солнца есть двѣ особенности, незамѣчаемыя у другихъ планетъ.

Онъ вращается на своей оси, въ противоположность другимъ планетамъ, *съ востока на западъ*, вслѣдствіе чего *кажущееся* движеніе Солнца на его небѣ совершается *съ запаса на востокъ*. Такому-же направленно слѣдуютъ и его спутники, т.-е. съ востока на западъ, почему и ихъ восходъ и заходъ на его небѣ происходитъ въ порядкѣ, противоположномъ нашему. Ось-же его такъ сильно наклонена къ орбитѣ, что его вращеніе на ней (т.-е. на оси) и орбиты спутниковъ (пути обращенія вокругъ него) можно назвать почти перпендикулярными къ его солнечной орбитѣ. Вслѣдствіе этого происходитъ нѣчто странное, крайне оригинальное на этой планетѣ: по *четверти года* (по 21 земному году) оба полюса и ихъ страны такъ-же щедро освѣщаются своимъ миниатюрнымъ Солнцемъ, какъ щедро освѣщаются имъ у насъ, и на всѣхъ вообще планетахъ, тропическія страны, и по четверти-же года освѣщаются, по-очередно, тропическія страны, оставаясь затѣмъ столько-же времени безъ Солнца (когда оно уходитъ къ полюсамъ), чего уже не бываетъ ни на какой изъ извѣстныхъ намъ планетъ... Другими словами — тропическія или экваторіальныя страны на Уранѣ испытываютъ участь полюсовъ, совсѣмъ не видя Солнца долгое время (какъ у насъ), а полюсы, наоборотъ, находятся въ привилегированномъ положеніи нашихъ тропическихъ странъ, всѣ дни въ году видящихъ Солнце на своемъ небѣ...

Если-бы Уранъ былъ такъ близокъ къ Солнцу, какъ наша Земля, его экваторъ и тропики были-бы холодны и снѣжны, а полюсы съ ихъ странами — жарки и дождливы! Подъ экваторомъ почти не было-бы жизни, а на полюсахъ, наоборотъ жизнь блистала-бы всѣмъ богатствомъ и роскошью своихъ формъ!.. Уранъ *съ поразительной ясностью жизни* (которой нѣтъ на немъ) представлялъ-бы собою тотъ странный «опрокинутый міръ», который справедливо видятъ въ немъ наши астрономы!..

Да, Уранъ безжизнень, въ чемъ мы скоро убѣдились, предпринимая экскурсіи во всевозможныхъ направленіяхъ по планетѣ!.. Много разнообразныхъ мѣстностей представляетъ его поверхность, много величественныхъ картинъ видѣли мы на ней, но все

это покрыто снѣгами и льдами и сковано жестокими холодами, доходящими до 60° и 70°... *Органической* жизни нѣтъ на немъ!

И не было ея никогда, потому что не могло быть! Переживъ свою геологическую эпоху, переставъ быть Солнцемъ, онъ превратился въ планету, лишенную свѣта и тепла — въ силу своей крайней отдаленности отъ источника его, отъ нашего Солнца, отъ котораго отдѣляютъ его 3,055,144,000 верстъ: разстояніе, можно сказать, ужасное, хотя во вселенной существуютъ еще болѣе ужасныя разстоянія!. Въ *19 разъ* дальше Земли Уранъ отъ Солнца, т.-е. 19 нашихъ разстояній отъ Солнца легли между нимъ и царемъ дня, главою нашей солнечной системы!..

Познакомясь съ Ураномъ, мы, естественно, не могли не познакомиться также съ его спутниками.

II.

У него ихъ четыре: *Аріель*, *Умбріель*, *Титанія*, *Оберонъ*; ближайшій изъ нихъ — первый, отдаленнѣйшій — четвертый. За исключеніемъ Марса, спутники котораго слишкомъ ужъ близки къ нему, ни около одной изъ извѣстныхъ намъ планетъ спутники не сгруппированы такъ *ультренно*-близко, какъ около Урана: въ то время какъ крайніе спутники Юпитера и Сатурна отстоятъ отъ своихъ главныхъ планетъ, одинъ — безъ малаго на 2 милліона верстъ, а другой — болѣе чѣмъ на 4 милліона, крайній спутникъ Урана отстоитъ отъ него только на 609,000 верстъ; это не составляетъ и *двойного* разстоянія Луны отъ Земли; ближайшій-же, Аріель, отстоитъ всего на 205,000 верстъ, то-есть — болѣе чѣмъ на 180,000 верстъ ближе нашего спутника отъ насъ.

Два средніе спутника расположены на слѣдующихъ разстояніяхъ отъ него: Умбріель — на 285,000 верстъ, Титанія — на 462,000 верстъ. Разстоянія *между спутниками* также небольшія: между Аріелемъ и Умбріелемъ — 80,000 верстъ, между Умбріелемъ и Титаніей — 177,000, между Титаніей и Оберономъ — 147,000. Первый и второй спутники въ особенности близки другъ къ другу: всего только 80,000 верстъ раздѣляютъ ихъ, — одно изъ самыхъ ничтожныхъ *мвждупланетныхъ* разстояній.

Спутники Урана обращаются вокругъ него, какъ и другіе, всегда показывая ему одну сторону свою, и, стало быть, вращаясь, одновременно, и на осяхъ своихъ. Обращеніе ихъ очень быстрое, подобно нѣкоторымъ изъ спутниковъ Юпитера и Сатурна: Аріель обращается въ 2 сутокъ и 12½ часовъ, Умбріель — въ 4 сутки и 3½ часа, Титанія — въ 8 сутокъ и 17 часовъ, Оберонъ — въ 13 сутокъ и 11 часовъ. Самый большой изъ нихъ — Титанія: она величиною своей равняется Меркурію; прочіе-же три занимаютъ средину между Меркуріемъ и Луною.

Но всѣ эти планеты такъ-же безжизненны, какъ самый Уранъ, съ тою лишь разницей, что ихъ поверхность питала нѣкогда органическую жизнь — когда Уранъ былъ Солнцемъ, все освѣщающимъ и согрѣвающимъ... Время этой минувшей жизни такъ далеко отъ насъ, что мы и *приблизительно* не можемъ опредѣлить его: вѣроятно, это было въ ту эпоху, когда наша Земля только еще формировалась, находясь въ газообразномъ состояніи. Извѣстно, что, по космогонической теоріи, весьма правдоподобной, первыя, отдѣлившіяся отъ массы Солнца тѣла, были четыре внѣшнія планеты — Нептунъ, Уранъ, Сатурнъ и Юпитеръ, за которыми слѣдовали четыре внутреннія — Марсъ, Земля, Венера и Меркурій; изъ этого слѣдуетъ, что Нептунъ — самая старшая изъ планетъ, а Меркурій — самая младшая, т.-е. сравнительно недавняя. Такимъ образомъ, когда Уранъ, *второй* по старшинству, успѣлъ уже сформироваться, перейдя въ жидкое, расплавленное состояніе, т.-

е. ставъ Солнцемъ, а его спутники, какъ очень малыя, сравнительно съ нимъ, тѣла, успѣли уже покрыться корою, удобною для зарождения органической жизни,— Земля, *шестая* по старшинству планета, очень далека была еще отъ органической жизни, находясь не более какъ въ газообразномъ состояніи, или, самое большее, готовясь превратиться въ Солнце.

— И здѣсь когда-то жили люди!— восклицали мы, погруженные въ созерцаніе печальной пустоты и дикости, царившей въ пейзажахъ на поверхности Аріеля...

— Гдѣ ты, о человѣчество?.. Сколько страстей сталкивалось и боролось, сколько драмъ совершалось, быть можетъ, на этомъ пространстве почвы, гдѣ мы теперь отдыхаемъ!..

— Можетъ быть, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, находился великолѣпный городъ, блиставшій всѣми чудесами современной ему цивилизаціи!

— А личная, индивидуальная жизнь каждого человѣческаго существа?.. Сколько здѣсь такихъ существъ, на этомъ-же мѣстѣ, жило, мучась, страдая, мысля, наслаждаясь, любя, ненавидя, презирая и уважая!.. И гдѣ ихъ время теперь, гдѣ они сами?.. Да, жизнь отдѣльнаго человѣка есть не болѣе какъ мигъ, мгновеніе въ безпредѣльномъ океанѣ вѣчности, менѣе даже, чѣмъ капля воды въ цѣломъ океанѣ воды! И сколько такихъ мгновеній, сколько такихъ отдѣльныхъ микроскопическихъ временъ, наполненныхъ отдѣльными человѣческими существованіями поглощено этимъ океаномъ вѣчности и безпредѣльности!..

Уранъ на небѣ Аріеля, ближайшаго къ нему спутника, рисуется громаднымъ шаромъ, почти въ 120 разъ больше полной Луны. Освѣщаемый крошечнымъ своимъ Солнцемъ, онъ ночью блеститъ здѣсь тѣмъ-же слабымъ пепельнымъ свѣтомъ, которымъ блестятъ его спутники на его небѣ, а днемъ когда то-же Солнце появляется и на небѣ Аріеля, чуть-чуть только разсѣвая сумракъ ночи, онъ принимаетъ темный видъ какой-то шарообразной массы, съ трудомъ различаемой на полутемномъ небѣ...

— А былъ когда-то Солнцемъ, великолѣпнымъ огненнымъ шаромъ!— восклицали мы...

— И давалъ жизнь, тепло и свѣтъ этимъ самымъ мѣстамъ, гдѣ мы теперь наблюдаемъ его, и многимъ другимъ!.. Сколько здѣсь было свѣту и жару въ то время! Надо полагать, что здѣсь на Аріелѣ, невозможна была, по этой причинѣ, органическая жизнь до того времени, пока Уранъ не перешелъ въ положеніе полупогасшаго Солнца, способнаго посылать теплоту не выше нормы 40°.

— Да, это вѣрно! Органическая жизнь на его спутникахъ возникала послѣдовательно, начиная съ отдаленнаго, Оберона, и по мѣрѣ погасанія ихъ Солнца, слишкомъ близкаго къ нимъ!

Мы посѣтили всѣхъ спутниковъ Урана, и вездѣ видѣли одно и то-же, вездѣ испытывали одно и то-же чувство. Аріель, Умбриель, Титанія и Оберонъ,— все это холодные и мрачные міры, вѣчно покрытые снѣгами и льдами, все это могилы человѣчества, проявившаго когда-то свое существованіе и на этихъ планетахъ, какъ на многихъ другихъ, и потомъ исчезнувшего такъ-же съ лица ихъ, какъ съ лица многихъ другихъ. Періодъ отдѣльной человѣческой жизни здѣсь могъ быть весьма продолжительнымъ, такъ какъ годъ Урана состоитъ изъ 84 земныхъ лѣтъ; но, принимая въ расчетъ слишкомъ короткіе годы спутниковъ (начиная отъ 2½ и не свыше 13½ сутокъ), можно допустить, что люди на нихъ выживали до 300 лѣтъ въ большинствѣ своемъ, а въ меньшинствѣ могли достигать до 400-лѣтняго, и даже до 500-лѣтняго возраста...

ПОГРАНИЧНЫЙ МІРЪ.

Нептунъ, котораго мы посѣтили, простясь съ Ураномъ и его спутниками, есть самая крайняя, послѣдняя планета солнечной системы. Мы должны были пролетѣть громадное разстояніе, чтобы достигнуть до этой границы солнечнаго міра, за которою наши зрительные снаряды не видятъ болѣе никакихъ планетъ, кромѣ такъ-называемыхъ «неподвижныхъ звѣздъ»... Но что такое эти «звѣзды», которыя украшаютъ наши ночи, и которыми такъ восхищаемся мы иногда?.. Говорятъ, что это такія-же Солнца, какъ и наше, только неизмѣримо-далекія отъ насъ, и потому кажущіяся не болѣе, какъ блестящими точками, и что, слѣдовательно, у cadaго изъ нихъ есть свои спутники, т.-е. рядъ планетъ, обращающихся вокругъ нихъ, и совершенно-невидимыхъ для насъ, въ силу своего не природнаго, а *заимствованнаго* свѣта... Но большинство изъ насъ, простыхъ смертныхъ, кому книги не даны въ руки, не раздѣляетъ обыкновенно этого мнѣнія, и называетъ свѣтящіяся на ночномъ небѣ точки просто «звѣздами», вовсе не желая входить въ разрѣшеніе этой, для иныхъ изъ насъ, загадки...

И въ самомъ дѣлѣ, не довольно-ли для насъ этихъ восьми планетъ крупныхъ, съ ихъ спутниками, и многого множества мелкихъ, разсѣянныхъ между орбитами Марса и Юпитера, которыя составляютъ нашъ солнечный міръ?.. Къ чему намъ еще иныя Солнца съ ихъ планетами, если только они существуютъ?.. Необъятность и безконечность, которыя скрываются тамъ, за Нептуномъ, за этою послѣднею планетою, подавляютъ нашъ умъ и воображеніе, пугаютъ даже ихъ!..

Нептунъ отстоитъ отъ Солнца на 4,626,480,000 верстъ: 30 земныхъ разстояній отдѣляютъ его отъ центра солнечнаго міра! Когда мы опустились, наконецъ, на его почву, нами овладѣло гордое сознаніе удовлетворенности, достиженія намѣченной нами цѣли: вотъ мы, наконецъ, на *границѣ міра*, о которой мечтали мы долгое время! Вотъ, наконецъ, подъ нашими ногами почва той планеты, за которою нѣтъ болѣе солнечной территоріи, а начинаются чуждыя, невѣдомыя намъ области! Нѣтъ нужды, что насъ окружаютъ здѣсь мракъ и холодъ, что мы не рискуемъ даже выйти изъ нашихъ будокъ, подъ опасеніемъ тотчасъ-же замерзнуть, такъ какъ холодъ простирается до 75°: все-таки мы тамъ, гдѣ хотѣли быть, все-таки мы стоимъ на *границѣ міра*!..

Мы оглядѣлись кругомъ — и печаль проникла въ наши души...

Опять пустыни разнообразныхъ видовъ, покрытыя снѣгами и льдами и скованныя жестокими морозами, опять мракъ окутываетъ эти пустыни, и опять вверху надъ нами это темное звѣздное небо! Но на этотъ разъ между звѣздами слабо блеститъ микроскопическій шарикъ, величиною немного болѣе обыкновенной булавоначной головки: увы, это — Солнце, и вотъ все, что можетъ оно здѣсь дать своей послѣдней планетѣ, своему старшему дитяти, слишкомъ далеко ушедшему отъ него!..

Да, это микроскопическое Солнце не только не грѣетъ, но и не свѣтитъ даже нисколько, потому что не ощущается никакой разницы между «днемъ», когда оно показывается на небѣ Нептуна, и ночью, когда оно скрывается за *восточный* горизонтъ! Нужно, вѣроятно, приучить свои глаза къ этому мраку, чтобы потомъ замѣчать нѣкоторое смягченіе его, когда «царь дня» появляется на своемъ вѣчно темномъ небѣ!.. Но мы пробывали почти три недѣли на Нептунѣ,— и все-таки наши глаза не научились видѣть разницы между его днемъ и ночью!..

Какъ и на Уранѣ, мы дѣлали наблюденія за теченіемъ дня и ночи, и нашли, что нептуновскія сутки состоятъ изъ 10 часовъ и 54 минутъ, то-есть — почти изъ 11 часовъ; значить, продолжительность сутокъ на четырехъ внѣшнихъ планетахъ солнечной системы — между 10 и 11 часами, и между ними юпитеровскія короче, а нептуновскія дольше другихъ; на внутреннихъ-же планетахъ продолжительность сутокъ колеблется между 23 и 24½ часами, и между ними сутки Венеры короче, а марсовскія дольше другихъ сутокъ.

Десять часовъ и двадцать четыре часа вращенія на своей оси: разница большая, доходящая до 14 часовъ! Въ чемъ причина такой разницы?.. Не въ томъ-ли, что большія тѣла способны гораздо быстрее вращаться на своихъ осяхъ, чѣмъ тела малыя?..

Подобно Урану, Нептунъ также въ *противоположномъ* направленіи вращается на своей оси, т.-е. съ востока на западъ, вслѣдствіе чего Солнце на его небѣ восходитъ на западѣ, а заходитъ на востокѣ; но такого *исключительного* наклоненія его оси къ орбитѣ, какимъ отличается Уранъ, онъ не представляетъ.

Третья планета по величинѣ, онъ въ 84 раза больше Земли. Продолжительность обращенія его вокругъ Солнца — 165 земныхъ лѣтъ, т.-е. годъ его почти *вдвое* дольше урановскаго года! Необычайныя условія жизни на его поверхности, если-бы онъ былъ обитаемъ!...

Но фактъ тотъ, что онъ необитаемъ, что онъ также, какъ и Уранъ, безжизненъ, въ силу той-же причины — крайняго удаленія отъ Солнца!

Нептунъ имѣетъ одного только спутника, которому наши астрономы не дали никакого имени, но который у марситовъ называется *Джелли*. Этотъ спутникъ отстоитъ отъ него на 416,800 верстъ. Онъ обращается вокругъ Нептуна въ томъ-же обратномъ порядкѣ, т.-е. съ востока на западъ, и, показывая ему всегда одну сторону свою, совершаетъ свое обращеніе, или годъ и сутки вмѣстѣ, въ 5 сутокъ земныхъ и 21 часъ. Онъ почти вдвое больше Луны.

Мы посѣтили и его, но онъ такъ-же пустыненъ, холоденъ, мраченъ и безжизненъ, какъ его главная планета, отъ которой онъ нѣкогда получалъ свѣтъ и теплоту, питавшіе органическую жизнь на немъ. Но, съ теченіемъ все уносящаго времени, эта жизнь исчезла съ его поверхности, и теперь Джелли — одна изъ многихъ могилъ существовавшаго когда-то на немъ челоуѣчества...

Мы смотрѣли съ него на Нептуна. Онъ представляется большимъ шаромъ на его небѣ,— величиною около 100 полныхъ Лунъ, но совершенно темень, не смотря на то, что мы его тщательно наблюдали въ трубы, надѣясь замѣтить хоть какое-нибудь подобіе свѣта на его поверхности. Простымъ глазомъ съ нѣкоторымъ трудомъ можно разглядѣть его на вѣчно темномъ небѣ...

Въ заключеніе — нѣсколько словъ о нептуновскомъ годѣ.

165 земныхъ лѣтъ — 1 годъ на Нептунѣ!

Если-бы на немъ жили люди, то 20-лѣтній юноша имѣлъ-бы 3,300 лѣтъ земныхъ, а 70-лѣтній старикъ — 11,550 лѣтъ! Но такъ могло-бы быть въ томъ только случаѣ, если-бы вращеніе Нептуна на своей оси совершалось, какъ у насъ, въ 24 часа, а не въ 11 часовъ; въ дѣйствительности-же, при такомъ быстромъ вращеніи, срокъ челоуѣческой жизни долженъ былъ-бы сокращаться *болѣе чѣмъ на половину*, и 20-лѣтній юноша имѣлъ-бы за собою не 3,300 лѣтъ, а приблизительно — 1,500...

Еще болѣе эти чудовищные сроки жизни должны были совращаться на нептуновскомъ спутникѣ (гдѣ дѣйствительно жили нѣкогда люди) — по вліянію его

собственного слишкомъ короткаго года-сутокъ (5 земныхъ сутокъ и 21 часъ): большинство людей могло жить тамъ 600 лѣтъ (земныхъ), а меньшинство — 800, 900 и до 1,000 лѣтъ...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, наши путешествія кончены? — бесѣдовали мы, готовясь оставить Джелли...

— Разумѣется!

— И намъ теперь предстоитъ вернуться на родину, къ нашему Марсу?..

— Да... взявъ съ собою Ваджери, который ждетъ насъ на Мимасѣ...

— Значить, отсюда намъ сдѣдуетъ летѣть обратно, — къ Мимасу?..

— Безъ сомнѣнія...

— Неужели нашъ Ваджери возьметъ съ собою домой свою возлюбленную?..

— Вѣроятно... Во всякомъ случаѣ, это его дѣло...

— Странное впечатлѣніе произведетъ это существо въ нашемъ обществѣ!..

— Да, я нахожу тоже...

— Интересный экземпляръ невиданныхъ еще людей!..

— У насъ, на Землѣ,— замѣтилъ я,— она произвела-бы фуроръ, и къ Ваджери явилось-бы множество антрепренеровъ съ предложеніемъ — показывать ее всюду за деньги!..

— Въ самомъ дѣлѣ?..

— Непремѣнно!.. И громадный капиталъ можно было-бы нажить такимъ путемъ въ короткое время!..

— Но вѣдь это унижительно для человѣческаго достоинства! Неужели у васъ на Землѣ и *такимъ* путемъ не стѣсняются пріобрѣтать себѣ состояніе?..

— *Всякими* путями! Показывать себя за деньги не считается у насъ безнравственнымъ... Тутъ разсуждаютъ чисто по-коммерчески: съ одной стороны, человѣку не приключится, дескать, никакого физическаго ущерба отъ того, что на него будутъ смотрѣть, ежедневно, тысячи глазъ, а съ другой стороны — любопытство публики будетъ удовлетворяться, публики, падкой на всякіе курьезы и новинки; въ результатѣ-же обѣ стороны довольны, что и требовалось доказать!..

— Удивительные у васъ нравы!

— Да, что дѣлать! Пока мы еще не устроены такъ, какъ вы, пока еще у насъ средствомъ къ , существованію признаются деньги, а не трудъ,— насъ будутъ соблазнять всевозможные способы къ пріобрѣтенію этихъ всемогущихъ денегъ, а особенно способы *скорѣйшіе и легчайшіе*!..

И мы простились съ послѣдней планетой нашего солнечнаго міра и съ ея спутникомъ, и пустились въ обратный путь...

Прошло нѣкоторое время, и мы были опять на Мимасѣ...

Мы нашли нашихъ гостепріимныхъ и добросердечныхъ мимаситовъ въ отличномъ здоровьи и въ полномъ благополучіи, равно какъ и Ваджери и его Аи. Всѣ они встрѣтили насъ съ большою радостью и съ безконечными любознательными разспросами о нашей экспедиціи къ Урану и Нептуну, на которые мы отвѣчали такими-же безконечными разсказами...

Мы застали Ваджери за различными улучшеніями въ его хозяйствѣ: онъ пристроилъ еще двѣ комнаты къ своему домику, такъ что теперь ихъ у него четыре, и сдѣлалъ другой входъ — прямо съ улицы, чего нѣтъ ни въ одномъ домѣ. Кромѣ того, построилъ на дворѣ большую столярную мастерскую, въ которой учить всѣхъ приходящихъ къ нему мимаситовъ разнымъ усовершенствованіямъ въ своемъ ремеслѣ, и завелъ двухъ коровъ и домашнихъ птицъ,— куръ, индѣекъ и т. п. Особенное-же вниманіе обращаетъ онъ на садоводство и огородничество, служащія источниками пищи на его родинѣ.

Аи такое-же милое, веселое и живое существо, какимъ была и прежде. Она еще болѣе похорошѣла, и съ большимъ успѣхомъ и усердно помогаетъ Ваджери во всемъ.

Мы прожили у него двѣ недѣли, отдыхая отъ нашихъ далекихъ путешествій, и наконецъ стали собираться домой — на Марсъ...

— Ну, а вы?— спросили мы его...

— Я, мои добрые и уважаемые товарищи, останусь здѣсь, на Мимасѣ... Вернусь, конечно, на родину, но только не теперь... Мнѣ еще хочется пожить здѣсь!.. Посмотрите, какъ тутъ хорошо: вѣчное лѣто, вѣчный день, богатая кругомъ природа, и эти славные одноглазые люди, которые такъ полюбили насъ съ Аи, и которыхъ и мы не менѣе любимъ! Мы живемъ съ ними по-братски, и дѣлимся всѣмъ — и трудами, и знаніями, и результатами трудовъ своихъ!.. Они смотрятъ на меня, какъ на учителя своего, и, можетъ быть, не безъ основанія: я намѣренъ многое полезное ввести въ ихъ бытъ, что отчасти уже, какъ видите, и началъ: учу ихъ летать на птицахъ, для чего уже строится ихъ нѣсколько, учу также искусству проводить на дворы воду изъ озера...

Противъ этого невозможно было спорить, и мы, прогостивъ, по просьбѣ Ваджери, еще одну недѣлю у него, отлетѣли наконецъ съ Мимаса, пожелавъ нашему товарищу всякаго счастья и благополучія... Всѣ жители поселка съ большимъ сожалѣніемъ простились съ нами, а женщины даже плакали...

— Какъ вы думаете,— бесѣдовали мы дорогою,— вернется-ли къ намъ Ваджери?..

— Трудно отвѣтить на это положительно!.. Нужно-же, чтобы нашъ Марсъ посылалъ своихъ пророковъ или учителей и на другія планеты! Пусть-же нашъ товарищъ будетъ первымъ такимъ пророкомъ, за которымъ потомъ послѣдуютъ и другіе!..

— И они, понемногу, занесутъ сѣмена нашей цивилизаціи во многіе уголки вселенной, и слава нашей родины проникнетъ и въ эти уголки! Да здравствуетъ наша родина, нашъ Марсъ!..

— Да здравствуетъ, господа, и Земля!— воскликнулъ одинъ изъ насъ, до сихъ поръ молчавшій: — потому что, не явись къ намъ нашъ уважаемый товарищъ N., обитатель Земли — мы-бы, разумѣется, не полетѣли въ наши далекія путешествія!.. Онъ намъ сообщилъ идею междупланетныхъ путешествій и далъ средство къ выполненію этой идеи — въ видѣ своей *птицы*!..

— Да здравствуетъ Земля!— крикнули всѣ...

Я былъ сконфуженъ признаніемъ за мною такихъ заслугъ, о которыхъ, честное слово, и не думалъ никогда, и могъ только отвѣтить, глубоко взволнованный:

— Да здравствуетъ Марсъ!..

Мы предположили, отдохнувъ на Марсѣ нѣкоторое время, предпринять новое междупланетное путешествіе — къ Землѣ и Лунѣ, Венерѣ и Меркурію, и къ нѣкоторымъ изъ малыхъ планетъ, циркулирующихъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Моихъ товарищей, марситовъ, въ особенности интересуетъ наша Земля...